

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел. факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водолянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyu.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsocial@isras.ru

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственной университет, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk

Фарро Антонио Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimolugi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIHI, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinihi@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mmm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 2 • Том 30 • 2024 •

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

270 лет Московскому университету

Осипова Н.Г. Классическое университетское образование перед вызовами современности. 7

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Каневский П.С. Образ Московского университета в сознании студентов: опыт эмпирического исследования. 26

История социально-политических учений

Елишев С.О. Осмысление сущности “Большой игры” классиками русской школы геополитики (*Начало*). 43

Милевский О.А. Лев Тихомиров и его проект “национальных реформ” 72

Перевезенцев С.В. Гуманизм или консерватизм? 88

Социальные проблемы современного общества

Дорцева Е.В. Современная российская молодежь как целевая аудитория деструктивной пропаганды 114

Батуренко С.А. Вызовы общества второй половины XX века и классовый анализ: концепция Э.О. Райта 137

Экономическая социология и социология управления

Гавриленко О.В. Современная российская деловая культура: “особый” путь развития или заимствование “чужих” управленческих практик? 157

Мещанинова Е.Ю. Ценностно-смысловое отношение к деньгам: гендерный аспект. 178

Баркова А.С. Особенности стремления к росту социального капитала личности в регионах России 189

Социология здоровья

Галкин К.А. Влияние медиализации возраста на представления об индивидуальном здоровье и старении у пожилых людей. 208

Слово молодому ученому

Баранов Н.В. Концептуализация понятия “прекариат” в рамках отечественной социологии 228

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 2 • VOLUME 30 • 2024 •

APRIL — JUNE

Four Issues per Annum

CONTENTS

270 years of Moscow University

Osipova N.G. Classical university education facing the challenges of modernity 7

Osipova N.G., Elishev S.O., Kanevsky P.S. The image of Moscow University in the minds of students: empirical research experience 26

History of socio-political doctrines

Elishev S.O. Understanding the essence of the “Great Game” by classics of the Russian school of geopolitics (*Beginning*) 43

Milevsky O.A. Lev Tikhomirov and his project of “national reforms” 72

Perevezentsev S.V. Humanism or conservatism? 88

Social problems of modern society

Dortseva E.V. Modern Russian youth as the target audience of destructive propaganda 114

Baturenko S.A. Challenges of society in the second half of the twentieth century and class analysis: the concept of E.O. Wright 137

Economic sociology and sociology of management

- Gavrilenko O.V.** Modern Russian business culture: “special” path of development or borrowing “other people’s” management practices? 157
- Meshchaninova E.Y.** Value-semantic attitude to money: gender aspect 178
- Barkova A.S.** Peculiarities of desire to the growth of social capital of the individual in the regions of Russia 189

Sociology of health

- Galkin K.A.** The effect of age medicalization on the perception of individual health and aging in the older 209

Word to a young scientist

- Baranov N.V.** Conceptualization of the “precariat” phenomenon in Russian sociology 228

270 ЛЕТ МОСКОВСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-7-25

КЛАССИЧЕСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена анализу серьезных внешних и внутренних вызовов, которые в настоящее время стоят перед высшим образованием в России.

Внешние вызовы связаны с новыми геополитическими реалиями, которые существенно переопределили место нашей страны в системе международных отношений, трансформировали ее национально-государственные интересы и стратегические цели, вызвали значительные сдвиги в функционировании важнейших социальных институтов, одним из которых является высшее образование. Институт высшего образования — важнейший социальный институт, подверженный перманентной трансформации, а классические университеты первыми должны отвечать на те вызовы, которые возникают перед системой высшего образования в целом.

К внешним вызовам, которые наиболее активно обсуждаются как специалистами, так и в широких кругах общественности, автор относит выход из Болонской системы и переход на новую национальную модель высшего образования; изменение в связи с экономическими санкциями хозяйственной инфраструктуры России и рынка труда, что требует подготовки квалифицированных кадров, в первую очередь, для наукоемких отраслей производства и разработки “прорывных” промышленных технологий; цифровизацию коммуникационных процессов, включающих массивные информационные и, особенно, дезинформационные потоки, направленные на различные группы населения, и, особенно, на студенческую молодежь.

Эти внешние вызовы во многом обуславливают вызовы внутренние, которые имеют место в рамках института высшего образования и во многом затрагивают структурные компоненты его среды. В их числе: цифровизация образовательного процесса и попытки слишком активного, не всегда продуманного внедрения дистанционных образовательных технологий; переориентация образовательного процесса на прикладную функцию; кадровое обеспечение образовательного процесса; ценностная трансформация студенческого сообще-

---

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

ства, которая требует пересмотра сложившейся модели академического взаимодействия.

В статье анализируются дискуссии, которые ведутся по поводу выхода России из Болонской системы, причем, преимущественно не столько о примитивной сути самой Болонской системы или в отношении оптимальной, применительно к текущей ситуации в России, модели высшего образования, сколько об утраченных для российских студентов ее преимуществах. Достаточно места занимает анализ цифровизации образовательного процесса, ведущего к ценностным трансформациям у российского студенчества.

Ключевые слова: система высшего образования в России, внешние и внутренние вызовы, Болонская система, включенное обучение, бакалавриат, магистратура, цифровизация образовательного процесса, ценностная трансформация студенческого сообщества.

CLASSICAL UNIVERSITY EDUCATION FACING THE CHALLENGES OF MODERNITY

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

The article is devoted to the analysis of serious external and internal challenges that currently face higher education in Russia.

External challenges are associated with new geopolitical realities that have significantly redefined the place of our country in the system of international relations, transformed its national and state interests and strategic goals, caused significant shifts in the functioning of the most important social institutions, one of which is higher education. The institution of higher education is the most important social institution subject to permanent transformation, and classical universities are the first to respond to the challenges that arise to the system of higher education as a whole.

To the external challenges the author refers the exit from the Bologna system and the transition to a new national model of higher education, changes in Russia's economic infrastructure and labor market due to economic sanctions, which requires the training of qualified personnel, primarily for knowledge-intensive industries, and the development of "breakthrough" industrial technologies; digitalization of communication processes, including massive information and, especially, disinformation flows aimed especially, at students.

These external challenges largely determine the internal challenges that take place within the institute of higher education and largely affect the structural components of its environment. These includes: digitalization of the educational process and attempts to introduce distance learning technologies too actively, not always thoughtfully; reorientation of the educational process to an applied function; staffing of the educational process; value transformation of the student community, which requires a revision of the existing model of academic interaction.

The article analyzes the discussions that are underway about Russia's withdrawal from the Bologna system, and mainly not so much about the primitive essence of the Bologna system itself or about the optimal model of higher education, in relation to the

current situation in Russia, as about its advantages lost for Russian students. An analysis of the digitalization of the educational process leading to value transformations among Russian students takes up enough space.

Key words: *higher education system in Russia, external and internal challenges, Bologna system, inclusive learning, bachelor's degree, master's degree, digitalization of the educational process, value transformation of the student community.*

Сегодня никто не отрицает факт, что в настоящее время перед высшим образованием в России, центральное место в системе которого занимают классические университеты¹, стоят серьезные внешние и внутренние вызовы.

Внешние вызовы связаны с новыми геополитическими реалиями, которые существенно переопределили место нашей страны в системе международных отношений, трансформировали ее национально-государственные интересы и стратегические цели, вызвали значительные сдвиги в функционировании важнейших социальных институтов, одним из которых является высшее образование. Институт высшего образования — важнейший социальный институт, подверженный перманентной трансформации, а классические университеты первыми должны отвечать на те вызовы, которые возникают перед системой высшего образования в целом².

К внешним вызовам, которые наиболее активно обсуждаются как специалистами, так и в широких кругах общественности, относятся:

- выход из Болонской системы и переход на новую национальную модель высшего образования;
- изменение, в связи с экономическими санкциями, хозяйственной инфраструктуры России и рынка труда, что требует подготовки квалифицированных кадров, в первую очередь, для наукоемких отраслей производства и разработки “прорывных” промышленных технологий;
- цифровизация коммуникационных процессов, включающих массивные информационные и, особенно, дезинформационные потоки, направленные на различные группы населения, и, особенно, на студенческую молодежь.

Эти внешние вызовы во многом обуславливают вызовы внутренние, которые имеют место в рамках института высшего образования и во многом затрагивают структурные компоненты его среды.

---

¹ В узком смысле — участник Ассоциации классических университетов России (*прим. авт.*).

² См., например: Колесов В.П., Садовничий В.А., Всеволожский В.А. и др. Концептуальные вопросы развития высшего образования. М., 1993.

К таким вызовам, которые породили активные дискуссии, следует отнести:

1) цифровизацию образовательного процесса и попытки слишком активного, не всегда продуманного внедрения дистанционных образовательных технологий;

2) переориентацию образовательного процесса на прикладную функцию;

3) кадровое обеспечение образовательного процесса;

4) ценностную трансформацию студенческого сообщества, которая требует пересмотра сложившейся модели академического взаимодействия.

Очевидно, что скрупулезный анализ всех обозначенных вызовов требует исследования монографического формата. В данной же работе целесообразно выделить и раскрыть наиболее дискуссионные из них.

В первую очередь, это отказ от Болонской системы, хотя, на наш взгляд, само вступление в нее уже послужило деструктивным вызовом национальной системе классического высшего образования в России.

Известно, что Болонская система основана на шести базовых положениях, содержащихся в декларации “Зона европейского высшего образования”, подписанной в городе Болонья в 1999 г. тридцатью министрами высшего образования европейских государств. В их числе:

1. Принять систему научных степеней, которые будут сопоставимы между учебными заведениями, а также ввести приложение к диплому, в котором будут перечислены все курсы, которые прослушал выпускник за время учебы.

2. Ввести два цикла обучения — программа бакалавриата и магистратуры.

3. Внедрить специальную систему баллов — кредитную систему.

4. Создать максимально удобные условия студентам и преподавателям, чтобы они могли получать опыт и знания в других европейских вузах.

5. Построить систему обучения так, чтобы критерии и методологии в разных университетах были сопоставимы.

6. Всячески содействовать международным студенческим проектам, поддерживать взаимодействие между вузами, включая учебные программы и научные исследования³.

---

³ Баранова А. Что такое Болонская система. URL: <https://www.gostudy.cz/blog/bolonskaya-sistema-obrazovaniya-vsyo-chto-vy-hoteli-o-nej-znat> (дата обращения: 29.02.2024).

Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 г. В октябре 2007 г. президент РФ Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования), уточняющий порядок присвоения квалификаций (степеней) “бакалавр”, “дипломированный специалист” и “магистр”». Несмотря на целый ряд сомнений со стороны ректоров ведущих классических университетов в отношении эффективности данной системы и ее применимости к российским реалиям акцент делался на ее явных преимуществах по сравнению с системой высшего образования советского образца. Это гибкость (завершить обучение в бакалавриате можно по одной специальности, в магистратуре — по другой, в аспирантуре — по третьей), каждый учащийся, таким образом, может стать специалистом более широкого профиля, поскольку получит знания из разных дисциплин) и вариативность (студент может изучать те предметы, которые ему действительно интересны, таким образом, он не потеряет интерес к выбранной специальности, а наоборот, укрепит его), доступность и мобильность (студент может переходить из одного вуза в другой, менять страну обучения, проходить стажировки).

В то же время по мере реализации принципов Болонской системы в нашей стране стали отчетливо проявляться и ее минусы. Так, предполагалось, что участие России в Болонской системе упростит процедуру признания российских дипломов. Однако эти ожидания не вполне оправдались. Переход от специалитета к бакалавриату привел к сокращению количества учебных часов, и, соответственно, к ухудшению общей подготовки. На самом деле, бакалавр — это неполноценный специалист, выпускник-бакалавр на рынке труда часто воспринимается как получатель “неоконченного высшего”, следовательно, не все работодатели признают диплом бакалавра — многим это образование кажется неполным⁴.

21 февраля 2023 г. президент России Владимир Путин в послании Федеральному Собранию предложил отказаться от Болонской системы образования и вернуться к традиционной системе высшего образования в России со сроком обучения от 4 до 6 лет⁵.

---

⁴ Что известно о Болонской системе образования и участии в ней России. URL: <https://tass.ru/info/17108043> (дата обращения: 29.02.2024).

⁵ Путин объявил о реформе высшего образования. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/21/963818-vladimir-putin-obyavil-o-reforme-obrazovaniya> (дата обращения: 29.02.2024).

В мае 2022 г. глава Минобрнауки РФ Валерий Фальков назвал Болонскую систему образования “прожитым этапом”. Среди причин отказа от европейских образовательных стандартов в том числе назывались снижение качества обучения, поскольку подготовить за четыре года профессионального инженера, психолога, переводчика и даже преподавателя за четыре года невозможно, утечка талантливых и подготовленных кадров за рубеж, а также непревзойденность советской высшей школы. Он заявил, что в России появится своя “уникальная система образования”. К настоящему времени ведомством разработан законопроект, предлагающий проводить обучение кадров по востребованным специальностям по программам специалитета, размещенный для общественного обсуждения на федеральном портале нормативно-правовых актов⁶. Переход на новую систему предполагалось начать в 2023–2024 учебном году. По словам Валерия Фалькова, процесс не будет “одномоментным”, предстоит работа “на долгие годы”⁷.

Вполне очевидно, что Болонская система, ориентированная на западные ценности, являла собой образовательные эксперименты, которые сопровождалась постоянной игрой форм: “системы кредитов”, “взаимозачеты” и т.п. при переводе из одного вуза в другой оказались малоэффективными просто из-за тривиальной разницы в учебных планах и образовательных стандартах. Но, к сожалению, многие современные дискуссии ведутся не столько о примитивной сути самой Болонской системы, ее непригодности для нашей страны или в отношении оптимальной, применительно к текущей ситуации в России, модели высшего образования, сколько об утраченных для российских студентов “преимуществах Болонской системы”.

Внимательный анализ широко представленных в новых СМИ “явных преимуществ” Болонской системы показал, что к ним, в основном относят:

- получение студентами стандартизированных академических степеней, которые признаются по всему миру;
- стандартизацию образовательного процесса за счет так называемых кредитов, что помогало студентам перевестись из российского вуза в зарубежный или получить высшее образование в другой стране;
- признание (которого фактически никогда не было — *Прим. Н.О.*), соответствия российского высшего образования общеми-

---

⁶ <https://regulation.gov.ru/Projects>

⁷ Болонская система vs собственная модель? URL: <https://www.mgpu.ru/rossiya-otkazhetsya-ot-bolonskoj-sistemy/> (дата обращения: 29.02.2024).

ровым стандартам, что способствовало двустороннему развитию студенческой мобильности, науки и культуры⁸.

Основной вопрос, который волнует определенные, далеко не патриотично настроенные круги: «Перекроет ли этот “выход” доступ к высшему образованию за рубежом?». А ответ на него звучит парадоксальным образом: “Молодое поколение должно пытаться уезжать из страны сразу после окончания школы”.

Судя по заявлениям представителей Министерства науки и высшего образования РФ, новая российская система будет ориентирована на национальные интересы, учитывать наши международные интересы, интересы абитуриентов и вузов. Объявленный выход не предполагает категоричного отказа от тех элементов, которые уже прижились в нашей стране. Однако пока официально не обнародовано, какие конкретные положения Болонской системы, когда и каким образом должны быть пересмотрены в России.

Сейчас наиболее активно обсуждается болонский принцип разделения высшего образования на бакалавриат и магистратуру, поскольку “эта двухуровневая система якобы более отзывчива к требованиям рынка труда”, а в отношении возвращения специалитета высказываются различного рода сомнения: специалитет сделает обучение более продолжительным, а специальности — более узкими, что студенты получают меньше свободы для самостоятельного выбора “нужных им” дисциплин, а практическая составляющая может отойти на второй план, уступив место теории. Кроме того, не будет являться приоритетом мультидисциплинарность образования (как это есть в западных странах), а система специалитета в социальных науках вообще не нужна.

Согласно негативным прогнозам, “процесс отказа от действующей образовательной системы будет долгим и запутанным. 19 лет назад был взят курс на реформирование образования. И этого срока оказалось недостаточно, чтобы качественно внедрить Болонскую систему. Сейчас нужно снова перестраиваться, и неизвестно, сколько времени это займет. Слишком много реформ за последние десятилетия не пойдет на пользу отечественному образованию”⁹.

---

⁸ Профессор ВШЭ Абанкина категорически против выхода России из болонской системы образования. URL: <https://www.ridus.ru/professor-vshe-abankina-kategoricheski-protiv-vyhoda-rossii-iz-bolonskoj-sistemy-obrazovaniya-376307.html> (дата обращения: 29.02.2024).

⁹ Как отразится на образовании выход из Болонского процесса. URL: <https://imes.su/press-tsentr/stati/item/1233-kak-otrazitsya-na-obrazovanii-vykhod-iz-bolonskogo-protsessa> (дата обращения: 03.03.2024).

Таким образом, проблема полноценной подготовки высококвалифицированных специалистов именно для нашей страны крайне упрощается, а ее очевидные недостатки объясняются просто тем, что “многим вузам не удалось сделать качественные бакалаврские и магистерские программы отдельно друг от друга, и делать из бакалавриата полноценное высшее образование в России тоже не умеют”.

Очевидно, что в основе подобных утверждений лежит ложная методология поиска единственной объяснительной причины, которую в свое время серьезно критиковал выдающийся социолог XX столетия Питирим Сорокин¹⁰.

В то же время, к сожалению, новая модель высшего образования в России, которая требует серьезной дискуссии именно со стороны компетентных специалистов, в первую очередь — руководства и преподавателей вузов, “витает в воздухе”, не четко озвучена, мало обсуждалась, а “пробный” переход к ней всего лишь нескольких вузов неоправданно затянут. Вместо анализа уроков предложена обновленная, очень схожая с Болонской, модель, мало что меняющая в отношении содержательных аспектов образовательного процесса.

На наш взгляд, положительным является именно тот факт, что у классических университетов была и остается собственная (интегрированная) модель двухступенчатого образовательного процесса.

В период либеральных реформ, как отмечают исследователи, “в высшем профессиональном образовании России произошли кардинальные изменения, которые коснулись всех учреждений профессионального образования, включая классические университеты. Резкое расширение общей сети вузов (за счет создания негосударственных вузов и расширения сети филиалов вузов всех организационно-правовых форм), переход на Болонскую систему, падение конкурсов из-за демографических факторов обусловили ряд серьезных проблем в жизнедеятельности классических университетов”¹¹. В первую очередь это размывание понятий “классический университет” и “классическое образование” за счет реорганизации профильных вузов (институтов и академий) в профильные (неклассические) университеты, и некоторого числа профильных (в первую

---

¹⁰ *Осипова Н.Г.* Методология анализа глобальных социальных феноменов в творчестве Питирима Сорокина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3. С. 51–57.

¹¹ *Остапенко А.А., Калинина В.А.* Особенности классического университета как элитарной образовательной организации // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 10. С. 227–230. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=6081> (дата обращения: 29.02.2024).

очередь педагогических) вузов в классические университеты, что привело к увеличению количества университетов, претендующих называться классическими¹².

В то же время существует ряд критериев, которые обсуждаются в специализированной литературе и которым должны соответствовать университеты, причисляющие себя к классическим. В их числе: собственная жесткая система отбора на разные ступени образования; особый напряженный режим учебы по собственным стандартам, высокая учебная нагрузка, преподавание всех предметов на высоком уровне трудности, что предполагает развитие у студентов высоких интеллектуальных, исследовательских и управленческих способностей, доминирование фундаментального и общекультурного образования с последующей специализацией, и, конечно, традиции — знаки и символы университетской жизни, запечатленные в локальной субкультуре отношений или предметно-пространственной среде университета¹³.

Тогда неудивительно, что именно в рамках классических университетов идет активный процесс переориентации на внутренние потребности отечественной экономики, на подготовку квалифицированных кадров для удовлетворения насущных потребностей нашей страны, в первую очередь, для наукоемких отраслей промышленности, особенно связанных с ВПК.

На стыке внешних и внутренних вызовов находится активная цифровизация образовательных процессов и чрезмерное внимание к технологиям онлайн-обучения, что на самом деле совершенно разные, хотя и связанные между собой вещи.

В целом цифровая трансформация в российском высшем образовании имеет два направления, которые вполне оправданы:

1) создание и применение цифровых технологий с целью автоматизации различных процессов деятельности образовательных организаций;

2) внедрение комплекса цифровых технологий с целью построения такой модели обучения, которая будет базироваться на эффективном применении этих технологий для решения профессиональных задач.

Судя по документам, дальнейшая цифровая трансформация системы образования предполагает полный переход на электрон-

---

¹² Остапенко А.А., Калинина В.А. Указ. соч.

¹³ См. об этом: Прокопьев В.П. О признаках классического университета // Университетское управление. 2000. № 2 (13). С. 35–39; Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе // Парадоксы наследия, векторы развития. М., 2000.

ную систему обучения. Однако, как это обычно бывает, идеализированная модель “цифрового образовательного будущего” часто оказывается далекой от того, что происходит в реальности, осложненной множеством проблем¹⁴. Так, в теории или в необозримой перспективе цифровая среда способна создать равные возможности для всех, на практике же она вынесла на повестку дня новую форму социального неравенства — цифровое неравенство. Цифровое неравенство — это иерархия индивидов в зависимости от уровня цифровизации среды обитания, цифровых навыков и тех жизненных шансов, которые они предоставляют. Оно неравномерно затрагивает различные социальные группы общества, в том числе и студенческую молодежь¹⁵.

Необходимо отметить, что в целях сохранения классического университетского образования важна не замена оффлайн-образования на онлайн-образование, а разумное соотношение между классическим диалогом и возможностями использования современных цифровых технологий в системе образования, что и практикуется в классических университетах. Онлайн-образование может быть дополнением или продолжением традиционного, но не его замещением. Так, нецелесообразно переводить на онлайн-обучение дисциплины, формирующие мировоззренческие и общекультурные компетенции, в которых необходима высокая степень взаимодействия преподавателя и студента, значительные усилия педагогов для стабилизации межэтнических, межконфессиональных отношений, формирования духовно-патриотических ценностей, научной картины мира, критического мышления¹⁶.

Одной из важных проблем для российского общества является социальная ценность высшего образования и его преимущественная ориентация.

В России высшее образование традиционно рассматривается как важнейшее условие построения успешной карьеры и достижения поставленных жизненных целей, а классические университеты играют в этом лидирующую роль. В данной связи представляют интерес данные исследования “МГУ глазами студентов социологиче-

---

¹⁴ Осипова Н.Г., Гавриленко О.В., Прончев Г.Б., Дорцева Е.В. Социологическое образование перед вызовами пандемии: новые образовательные технологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 2. С. 9–48.

¹⁵ Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2021.

¹⁶ Осипова Н.Г., Гавриленко О.В., Прончев Г.Б., Дорцева Е.В. Указ. соч.

ского факультета”, проведенного в конце 2023 г. на социологическом факультете МГУ.

По мнению студентов, именно “накопленный веками научный и образовательный потенциал” (62,4% ответов), “фундаментальный подход к науке и образованию” (59,4% ответов) и “высокий уровень профессионализма преподавателей и научных сотрудников” (54,3% ответов) делают Московский университет лидером науки и образования в России. Миссию Московского университета студенты видят в “приумножении интеллектуального потенциала России” (45,9% ответов), “развитии науки и технологий” (38,1% ответов), “содействии социальному, экономическому, технологическому и духовному развитию России” (34,8% ответов), “распространении передовых знаний и научных достижений” (33,9% ответов) и “подготовке элиты общества” (33,7% ответов).

Это исследование также показало, что определяющими при выборе вуза абитуриентами являются “история и традиции вуза, его репутация” (59,4% ответов), “возможности трудоустройства выпускников” (50,8% ответов), “профессорско-преподавательский состав” (41,2% ответов) и “качество обучения” (40,9% ответов).

В то же время очевидна тенденция к снижению оценки ценностно-содержательной стороны высшего образования и повышению значимости его материально-практической компоненты, что ориентирует студентов не на сам процесс обучения, а на быстрый результат, включающий материальную отдачу. Так, для многих студентов в будущей профессии в первую очередь важны “возможность получать высокие доходы” (70,1% ответов), а возможность “принести больше пользы обществу” отмечает только треть из них (30,7% ответов).

Обычно молодые люди полагают, что для успешной карьеры достаточно получить диплом бакалавра с определенной (любой) квалификацией, а собственно знания могут быть приобретены непосредственно в процессе накопления трудового опыта. Причиной тому является намеренная популяризация идеи о необходимости исключительно практической ориентации высшего образования в ущерб его фундаментальности. В частности, среди наиболее важных для себя элементов университетской жизни студенты называют “получение практических знаний и навыков” (75%), “наличие возможности для стажировок в компаниях-работодателях” (65,5%). При этом “получение фундаментальных теоретических знаний” и даже “формирование цифровой грамотности и навыков использования информационно-коммуникативных технологий” занимают

в числе этих элементов гораздо более низкое место (43,7 и 40,6% ответов соответственно).

Отсюда — низкий интерес к освоению даже базовых дисциплин профессионального цикла (применительно к социологии — общей социологической теории, истории социологии и т.п.), что в конечном счете приводит к реальной некомпетентности, когда выпускнику приходится обосновывать серьезные аналитически обоснованные экспертные заключения. Действительно, вряд ли где бы то ни было позволят оперировать человеку, не имеющему фундаментальной медицинской подготовки, не имеющему представления о строении человеческого тела и функциональном назначении его органов. Но когда речь идет об управлении обществом, о регулировании социальных процессов, то вопрос о достаточной теоретической подготовке поднимается гораздо реже.

Достаточно острой проблемой, на наш взгляд, является совмещение учебы и работы. Так, более трети студентов (38,0%) на вопрос “Собираетесь ли Вы работать во время обучения?” ответили, что “уже работают”, примерно столько же (35,9%) ответили утвердительно (“да, собираюсь работать”). Ответили, что “не собираются работать” только 16,2% студентов. При этом почти половина студентов (47,4%) одновременно с учебой в вузе хотела бы иметь постоянную работу, а 26,5% — “время от времени подрабатывать”. О том, что “не хотели бы совмещать работу с учебой в вузе” заявила примерно четверть (26,1%) студентов.

Причины же, по которым в большинстве случаев студенты вынуждены совмещать учебу и работу, весьма тривиальны — в первую очередь, “для того, чтобы зарабатывать деньги на жизнь” (77,6%), затем — “для того, чтобы почувствовать себя независимым человеком” (51,8%). Примерно половина (49,9%) — “для того, чтобы иметь гарантию получить работу сразу после окончания вуза”, более четверти (28,6%) — “чтобы лучше овладеть будущей профессией”. Лишь каждый пятый из подрабатывающих студентов (20,8%) указал на то, что “есть свободное время, которое хочется потратить с пользой”. Достаточно студентов (16,2%) вынуждены работать исключительно “для оплаты учебы”.

Безусловно, умеренная, традиционная для студенческой молодежи подработка (в выходной или в каникулы) вполне безобидна, когда не наносит ущерб учебе. Но в современных реалиях, связанных с особенностями рынка студенческого труда и требованиями работодателей, работа, как правило, поглощает студента так, что ему совсем не остается времени на учебу. И если ранее студенты подрабатывали, временно занимая должности, не требующие ква-

лификации (разнорабочие, грузчики, дворники, секретари и т.п.), то сейчас многие частные компании нанимают студентов практически на любые позиции как низшего, так и среднего управленческого звена, поскольку им остро нужны рядовые исполнители, которых обычно не хватает. И хотя факт обучения сотрудника в вузе ими учитывается, специального времени на учебу ему не выделяется.

Особым вызовом является кадровое обеспечение образовательного процесса — подготовка молодых кадров высшей квалификации и их привлечение на работу в высшие учебные заведения. В данной связи заслуживают анализа две проблемы, одна связана с конкурсным отбором на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава, а другая — с аспирантурой.

В настоящее время процедура конкурсного отбора на замещение вакантной должности преподавателя представляет собой весьма бюрократизированный марафон, занимающий до нескольких месяцев, в течение которых кандидат пребывает в достаточно подвешенном состоянии и еще может столкнуться с конкурентной борьбой, исход которой далеко не всегда предсказуем. В данной связи талантливые выпускники редко остаются работать в стенах альма-матер, поскольку легко находят хорошо оплачиваемые должности за пределами академических учреждений.

Если говорить об аспирантуре, то в нашей стране она за последнее десятилетие пережила несколько трансформаций.

В СССР аспирантура относилась к послевузовскому профессиональному образованию, а ее окончание, обычно сопровождаемое защитой кандидатской диссертации и присвоением ученой степени, давало выпускникам явные преимущества с точки зрения карьерного роста, ощутимого повышения финансового благополучия, в отношении самореализации в научной и образовательных сферах. Кандидат наук считался кадром высшей квалификации, способным, в самом широком смысле, быть не только самостоятельным исследователем, но и организатором коллективных научно-исследовательских проектов. Соответственно статус аспиранта был достаточно высок: аспирант считался исследователем, был полностью погружен в изучение темы своей будущей диссертации, а также в работу той кафедры или научно-исследовательской лаборатории, на базе которой она выполнялась.

В новой модели аспирантуры, когда ее включили в качестве третьей ступени в процесс высшего образования, статус аспиранта существенно понизился — до обыкновенного студента.

По прошествии всего нескольких лет стало очевидно, что реализация этой новой модели аспирантуры на практике повлекла за собой множество проблем, связанных как с организацией процесса обучения в аспирантуре, так и с его результатами: необходимость обязательного посещения занятий, организованных строго по расписанию, не давала возможности полноценно заниматься наукой, а диплом с абстрактной квалификацией “Исследователь. Преподаватель-исследователь”, который получал аспирант, не давал ему никаких преимуществ у потенциальных работодателей.

В результате выпускники аспирантуры практически перестали выходить на защиту кандидатских диссертаций, поскольку суррогат в виде научно-квалификационной работы аспиранта мало что общего с ней имел. Очевидно, что реализация “обновленной модели аспирантуры” также повлекла за собой множество проблем. При этом даже преимущество в виде диплома не сохранилось.

Итоговым результатом стал полный развал этого весьма эффективного института подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Тому есть множество причин, но главной, на наш взгляд, является исключение материальной составляющей из процесса обучения.

В современных социально-экономических реалиях далеко не каждый человек, достигший определенной социальной зрелости (минимальный возраст аспиранта — 23 года), может еще три года быть иждивенцем (обычно даже не у кого), поскольку с полноценной, достойно оплачиваемой работой написание и защита кандидатской диссертации в рамках обучения в аспирантуре не совместимы. Время обучения в вузе, искусственно растянутое на девять лет, оказывается привлекательным только для тех, кто пытается решить в первую очередь свои личные проблемы, например, получить отсрочку от армии (или частичной мобилизации), прожить в относительно недорогом, но благоустроенном общежитии в столице и т.п.

Сегодня никто не отрицает, что аспирантура должна снова стать мерилom интеллектуального уровня страны и в то же время не только формировать научную элиту страны, но и поставлять высококвалифицированные кадры практиков для усложняющейся экономики.

В рамках развернувшейся дискуссии об эффективности структурированной модели аспирантуры в России и возможностях ее реформирования, на наш взгляд, определенного пересмотра требуют организация и итоги собственно учебного процесса в аспирантуре. На наш взгляд, необходимо вернуть традиционную, оправдавшую

себя в советский период, достаточно высокую стипендию (не ниже минимального размера оплаты труда) для аспирантов, а также лишённую лишних бюрократических препон процедуру защиты кандидатских диссертаций, в рамках которой следует перенести акценты на собственно научно-квалификационные характеристики.

Известно, что ко многим перекосам привели необходимость проверки диссертационной работы в системе “Антиплагиат”, результаты которой часто являются некорректными, поскольку любую бессмыслицу “Антиплагиат” выдает за максимально оригинальный текст, а также полное доверие этой системе. На самом деле диссертационную работу должны оценивать только признанные эксперты в данной области и если они достаточно тщательно подобраны, то вероятность обнаружения ими недобросовестных заимствований достаточно высока, при том что собственно квалифицированная научная оценка работы также будет иметь место.

Серьезным вызовом является ценностная трансформация студенческого сообщества, требующая построения новой модели академического взаимодействия.

Так, в период пандемии молодое поколение искусственно выпало из руслу не только полноценной социализации, а студенты, лишённые полноценного живого общения с преподавателями, отвыкли полноценно учиться, стали использовать в процессе подготовки к занятиям легко доступную информацию из интернета, и в результате утратили способность к анализу и синтезу. Многие студенты разучились писать, связно выражать свои мысли, однако достаточно много времени посвящают гаджетам и часто используют несколько гаджетов одновременно.

Многие представители студенческой молодежи пребывают в своеобразном духовном вакууме, который стал стремительно заполняться различного рода информацией, полученной из новых, цифровых СМИ, большая часть которой носит сомнительный характер. Широко известен тот факт, что СМИ служат мощным средством воздействия на сердца и умы молодых людей, но информация, которую они порой агрессивно транслируют, по сути, направлена на подрыв сложившейся системы социально-значимых ценностей. Так, в кругах студенческой молодежи ведется все больше разговоров о необходимости защиты “прав студентов”, но практически никто не поддерживает дискуссию об их обязанностях. Во многом это связано с тем, что виртуальное общение разрушает стереотипы социальных ролей, снимает правило социального авторитета, задающего характер общения, что приводит к социальной дезориентации. Это, в свою очередь, создает ситуацию коммуникативной

вседозволенности. Вседозволенность в выборе форм выражения не позволяет идентифицировать собеседника и себя как принадлежащих к определенному социальному кластеру, а, следовательно, ничто не определяет и характер общения. Кроме того, в виртуальном диалоге отсутствует как физическое, так и эстетическое восприятие говорящего.

Так, если полноценное общение предполагает учет всех специфических особенностей человека: мимики, жестов, взглядов, интонации, запаха, дистанции и т.п., то виртуальный диалог сводится к формальному, часто клишированному и свернутому обмену информацией, что не позволяет адекватно воспринимать “образ другого” и, соответственно, выстроить эффективный способ коммуникации с ним. А это, в свою очередь, вызывает деструктивные коммуникационные эффекты¹⁷.

В настоящее время все больше представителей студенческой молодежи отдают все свое личное, а зачастую и учебное время общению в социальных сетях (не менее четырех часов в день, а в среднем — шесть–восемь часов), вплоть до формирования полной зависимости, когда поиск информации в новых СМИ (через блогеров) и общение в многочисленных сетях (чатах) стали подменять собой все остальные формы общения.

В данной связи интерес представляют результаты социологического исследования “Социальное конструирование здоровья молодежи в условиях цифровизации”, проведенного в том числе с участием автора данной статьи методом опроса в июле 2023 г. (далее — авторское исследование). В опросе приняли участие 256 человек, подавляющее большинство (85%) из которых — студенты ФГБОУВО Москвы и различных регионов России. Диапазон возраста 89% опрошенных находился в пределах 18–23 лет. Так, результаты авторского исследования показали, что практически все опрошенные (98%) считают себя активными пользователями интернета, а 91% респондентов часто общаются в социальных сетях. При этом более трети опрошенных (37%) тратит на подобное общение три–четыре часа в день, каждый пятый респондент (20%) — четыре–шесть часов в день, а 14% — более шести часов в день, что служит серьезной предпосылкой для формирования интернет-зависимости. Ее симптомами являются “уход от реальности; навязчивое желание войти в интернет; более частое использование интернета, чем это практически необходимо; потеря интереса к другим социальным,

---

¹⁷ См.: *Крюков Р.В.* Виртуализация общения как ценность и феномен современного общества // *Идеи и идеалы.* 2016. № 3 (29). С. 55–59.

профессиональным и досуговым мероприятиям; игнорирование физических или психологических последствий использования интернета»¹⁸.

Тем самым очень остро встает вопрос о сохранения физического, социального и духовного здоровья студенческой молодежи¹⁹, для чего важен упор на систематическую воспитательную работу и полноценную социализацию в кругах академического сообщества, система и механизмы которой достаточно хорошо и давно разработаны²⁰, но на практике почти не реализуются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранова А. Что такое Болонская система. URL: <https://www.gostudy.cz/blog/bolonskaya-sistema-obrazovaniya-vsyo-chto-vy-hoteli-o-nej-znat> (дата обращения: 29.02.2024).

Болонская система vs собственная модель? URL: <https://www.mgpu.ru/rossiya-otkazhetsya-ot-bolonskoj-sistemy/> (дата обращения: 29.02.2024).

Елишев С.О. Молодёжная политика в формировании ценностных ориентаций молодёжи // Выбор пути. М., 2010.

Елишев С.О. Приоритетные направления и проблемы в осуществлении государственной молодёжной политики в Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2013. № 6. С. 186–198.

Как отразится на образовании выход из Болонского процесса. URL: <https://imes.su/press-tsentr/stati/item/1233-kak-otrazitsya-na-obrazovanii-vykhod-iz-bolonskogo-protessa> (дата обращения: 03.03.2024).

Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 55. № 4.

Колесов В.П., Садовничий В.А., Всеволожский В.А. и др. Концептуальные вопросы развития высшего образования. М., 1993.

Крюков Р.В. Виртуализация общения как ценность и феномен современного общества // Идеи и идеалы. 2016. № 3 (29). С. 55–59.

Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе // Парадоксы наследия, векторы развития. М., 2000.

Осипова Н.Г. Методология анализа глобальных социальных феноменов в творчестве Питирима Сорокина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3. С. 51–57.

---

¹⁸ *Касавина Н.А.* Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 55. № 4. С. 134.

¹⁹ См.: *Осипова Н.Г., Лядова А.В., Семина Т.В.* Идеология здоровьесбережения современной российской молодежи: состояние и проблемы // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАН. 2023. № 4. С. 347–360.

²⁰ См.: *Елишев С.О.* Молодёжная политика в формировании ценностных ориентаций молодёжи // Выбор пути. М., 2010; *Он же.* Приоритетные направления и проблемы в осуществлении государственной молодёжной политики в Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2013. № 6. С. 186–198; *Он же.* Социальное манипулирование современной молодёжью: Дисс. ... докт. соц. наук. М., 2018.

Осипова Н.Г., Гавриленко О.В., Прончев Г.Б., Дорцева Е.В. Социологическое образование перед вызовами пандемии: новые образовательные технологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 2. С. 9–48.

Осипова Н.Г., Лядова А.В., Семина Т.В. Идеология здоровьесбережения современной российской молодёжи: состояние и проблемы // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАН. 2023. № 4. С. 347–360.

Остапенко А.А., Калинина В.А. Особенности классического университета как элитарной образовательной организации // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 10. С. 227–230. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=6081> (дата обращения: 29.02.2024).

Прокопьев В.П. О признаках классического университета // Университетское управление. 2000. № 2 (13). С. 35–39.

Профессор ВШЭ Абанкина категорически против выхода России из болонской системы образования. URL: <https://www.ridus.ru/professor-vshe-abankina-kategoricheskii-protiv-vyhoda-rossii-iz-bolonskoj-sistemy-obrazovaniya-376307.html> (дата обращения: 29.02.2024).

Путин объявил о реформе высшего образования. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/21/963818-vladimir-putin-obyavil-o-reforme-obrazovaniya> (дата обращения: 29.02.2024).

Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2021.

Что известно о Болонской системе образования и участии в ней России. URL: <https://tass.ru/info/17108043> (дата обращения: 29.02.2024).

REFERENCES

Baranova A. Chto takoe Bolonskaya Sistema [What is the Bologna system]. URL: <https://www.gostudy.cz/blog/bolonskaya-sistema-obrazovaniya-vsyo-chto-vy-hoteli-o-nej-znat> (data obrashcheniya: 29.02.2024) (in Russian).

Bolonskaya sistema vs sobstvennaya model'? [Bologna system vs own model?]. URL: <https://www.mgpu.ru/rossiya-otkazhetsya-ot-bolonskoj-sistemy/> (data obrashcheniya: 29.02.2024) (in Russian).

Chto izvestno o Bolonskoj sisteme obrazovaniya i uchastii v nej Rossii [What is known about the Bologna education system and Russia's participation in it]. URL: <https://tass.ru/info/17108043> (data obrashcheniya: 29.02.2024) (in Russian).

Elishev S.O. Molodyozhnaya politika v formirovanii cennostnyh orientacij molodyozhi [Youth policy in the formation of value orientations of young people] // *Vybor puti*. М., 2010 (in Russian).

Elishev S.O. Prioritetnye napravleniya i problemy v osushchestvlenii gosudarstvennoj molodyozhnoj politiki v Rossijskoj Federacii [Priority directions and problems in the implementation of state youth policy in the Russian Federation] // *Vestnik Rossijskoj nacii*. 2013. N 6. S. 186–198 (in Russian).

Kak otrazitsya na obrazovanii vyhod iz Bolonskogo processa [How will exit from the Bologna process affect education?]. URL: <https://imes.su/press-tsentr/stati/item/1233-kak-otrazitsya-na-obrazovanii-vykhod-iz-bolonskogo-protssesa> (data obrashcheniya: 03.03.2024) (in Russian).

Kasavina N.A. Chelovek i tekhnika: ambivalentnost' elektronnoj kul'tury [Man and technology: ambivalence of electronic culture] // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2019. T. 55. N 4 (in Russian).

Kolesov V.P., Sadovnichij V.A., Vsevolozhskij V.A. i dr. Konceptual'nye voprosy razvitiya vysshego obrazovaniya [Conceptual issues of higher education development]. M., 1993 (in Russian).

Kryukov R.V. Virtualizaciya obshcheniya kak cennost' i fenomen sovremennogo obshchestva [Virtualization of communication as a value and phenomenon of modern society] // *Idei i idealy*. 2016. N 3 (29). S. 55–59 (in Russian).

Novikov A.M. Rossijskoe obrazovanie v novej epohe [Russian education in the new era] // *Paradoksy naslediya, vektory razvitiya*. M., 2000 (in Russian).

Osipova N.G. Metodologiya analiza global'nyh social'nyh fenomenov v tvorchestve Pitirima Sorokina [Methodology for the analysis of global social phenomena in the works of Pitirim Sorokin] // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2019. T. 9. N 3. S. 51–57 (in Russian).

Osipova N.G., Gavrilenko O.V., Pronchev G.B., Dorceva E.V. Sociologicheskoe obrazovanie pered vyzovami pandemii: novye obrazovatel'nye tekhnologii [Sociological education facing the challenges of a pandemic: new educational technologies] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2022. N 2. S. 9–48 (in Russian).

Osipova N.G., Lyadova A.V., Semina T.V. Ideologiya zdorov'esberezheniya sovremennoj rossijskoj molodyozhi: sostoyanie i problem [Ideology of health preservation of modern Russian youth: state and problems] // *Byulleten' NCSFH im. A.N. Bakuleva RAN*. 2023. N 4. S. 347–360 (in Russian).

Ostapenko A.A., Kalinina V.A. Osobennosti klassicheskogo universiteta kak elitarnoj obrazovatel'noj organizacii [Features of the classical university as an elite educational organization] // *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 2014. N 10. S. 227–230. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=6081> (data obrashcheniya: 29.02.2024) (in Russian).

Professor VShE Abankina kategoricheski protiv vyhoda Rossii iz bolonskoj sistemy obrazovaniya [HSE professor Abankina is categorically against Russia's exit from the Bologna education system]. URL: <https://www.ridus.ru/professor-vshe-abankina-kategoricheski-protiv-vyhoda-rossii-iz-bolonskoj-sistemy-obrazovaniya-376307.html> (data obrashcheniya: 29.02.2024) (in Russian).

Prokop'ev V.P. O priznakah klassicheskogo universiteta [On the characteristics of a classical university] // *Universitetskoe upravlenie*. 2000. N 2 (13). S. 35–39 (in Russian).

Putin ob'yavil o reforme vysshego obrazovaniya [Putin announced a reform of higher education]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/21/963818-vladimir-putin-obyavil-o-reforme-obrazovaniya> (data obrashcheniya: 29.02.2024) (in Russian).

Social'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ih proyavleniya v Rossii [Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia] / Pod red. N.G. Osipovoj. M., 2021 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-26-42

ОБРАЗ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

Данная статья подготовлена коллективом авторов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках празднования 270-летия Московского университета. В основу статьи легли обработанные и проанализированные данные социологического исследования “МГУ глазами студентов социологического факультета”, проведенного сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в декабре 2023 г. В рамках исследования опрошено в общей сложности 679 студентов. В дополнение к количественной составляющей, важной частью исследования стал анализ эссе студентов, в которых они описывали свои впечатления от поступления и обучения в МГУ. Цель исследования заключалась в том, чтобы на базе анализа мнений студентов о критериях выбора вуза для получения высшего образования, о различных аспектах собственно образовательного процесса и перспективах трудоустройства, создать целостное представление об отношении обучающихся к Московскому университету, о его миссии в развитии России и российской науки, а также об их собственных жизненных траекториях. В рамках исследования было изучено мнение студентов относительно определяющих факторов при выборе ими вуза для поступления, проанализированы причины, которые способствовали их выбору непосредственно Московского университета в качестве места для получения высшего образования. Была показана взаимосвязь между выбором студентами Московского университета и опытом

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

*** Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

обучения в МГУ их родственников или друзей, проранжирована значимость элементов университетской жизни, в том числе внеучебной деятельности, имеющих наибольшее значение для студентов. Отдельно в статье были рассмотрены вопросы, связанные с трудоустройством выпускников и ожиданиями от будущей профессии.

Ключевые слова: университет, миссия университета, 270 лет МГУ, образ МГУ, студенты МГУ, социологическое исследование.

THE IMAGE OF MOSCOW UNIVERSITY IN THE MINDS OF STUDENTS: EMPIRICAL RESEARCH EXPERIENCE

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

Kanevsky Pavel S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

Current article was written by a team of authors from the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University in preparation for the 270th anniversary of Moscow University. The article is based on processed and analyzed data from the sociological study “MSU through the eyes of students of the Faculty of Sociology”, conducted by employees of the Faculty of Sociology in December 2023. A total of 679 students were surveyed as a part of the study. In addition to quantitative study an important element of the survey were students’ essays in which they described their impressions of entering and studying at Moscow State University. The purpose of the study was to analyze students’ criteria for choosing a university, to better understand their attitudes towards various aspects of the educational process itself and employment prospects, to create a holistic picture of students’ attitudes towards Moscow University, about its mission in the development of Russia and Russian science, as well as about their own life trajectories. The article analyzed students’ opinions regarding the factors that determined their choice of Moscow University, what role did their relatives or friends played in this choice and what extracurricular activities are of a greatest importance to students. Separately, the article discussed issues related to the employment of graduates and expectations from their future profession.

Key words: university, university mission, 270 years of Moscow State University, image of Moscow State University, MSU students, sociological research.

В настоящее время одним из значимых направлений современных социологических исследований является изучение роли классических университетов, места ведущих классических университетов в развитии системы высшего образования в России, а также их участия в процессе образования, социализации и социального развития современной российской молодежи. Ведь в России высшее образование традиционно рассматривается как важнейшее условие построения успешной карьеры и достижения поставленных жизненных целей молодым поколением, а классические университеты играют в этом однозначно лидирующую роль. В этом ключе, а также в контексте предстоящего 270-летия Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, особый интерес представляют данные социологического исследования, проведенного сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в декабре 2023 г. “МГУ глазами студентов социологического факультета” с целью выявления восприятия студентами социологического факультета образа своей “*Alma mater*” — Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в целом и его социологического факультета в отдельности.

Цель исследования заключалась в том, чтобы на базе анализа мнений студентов о критериях выбора вуза для получения высшего образования, о различных аспектах собственно образовательного процесса и перспективах трудоустройства, создать целостное представление об отношении обучающихся к Московскому университету, о его миссии в развитии России и российской науки, а также об их собственных жизненных траекториях.

Обозначенная цель исследования предопределила конкретные задачи исследования:

- изучить мнение студентов относительно определяющих факторов при выборе ими вуза для поступления;
- проанализировать причины, которые способствовали их выбору непосредственно Московского университета в качестве места для получения высшего образования;
- выявить взаимосвязь между выбором студентами Московского университета и опытом обучения в МГУ их родственников или друзей;
- проранжировать значимость элементов университетской жизни, в том числе внеучебной деятельности, имеющих наибольшее значение для студентов;
- рассмотреть карьерные ожидания студентов от получаемой профессии;

– проанализировать мнения студентов о главных целях и миссии Московского университета в российском обществе и в мире.

Всего было опрошено 679 студентов социологического факультета МГУ, из них — 78,2% бакалавров (всех курсов и форм обучения) и 21,8% магистров. Среди студентов бакалавриата социологического факультета 83,8% опрошенных составили студенты по направлению подготовки “Социология”, 16,2% — студенты по направлению подготовки “Публичная политика и социальные науки”. По условиям обучения учащиеся бюджетной формы обучения составили 69,2% опрошенных против 30,8% студентов договорной формы обучения. 30,3% опрошенных представляли лица мужского пола, а 69,7% — женского, что в целом соответствует общему гендерному составу студентов факультета.

17,7% опрошенных составили молодые люди в возрасте 17–18 лет, 17,1 — в возрасте 19 лет, 19,3 — в возрасте 20 лет, 16,8 — в возрасте 20 лет, 10,2 — в возрасте 22 лет, 10,3 — в возрасте 23 лет и только 8,7% — респонденты в возрасте от 24 лет и старше.

По типу и месту проживания опрошенные студенты распределились следующим образом: чуть более трети из них (38,1%) проживают с родителями, 29,8% — в общежитии, 19,1 — проживают в съемной квартире, 9,9% — отдельно от своих родителей в собственной квартире. 3,1% молодых людей проживают у родственников и знакомых.

Оценка студентами материального положения родительской семьи показала, что у подавляющего большинства студентов (95,2%) родители или вообще “не испытывают материальных трудностей” (60,1% ответов) или “испытывают материальные трудности время от времени” (35,1% ответов). И только 4,9% опрошенных указали на то, что “их родители находятся в трудном материальном положении”.

При этом интересен тот факт, что более двух третей студентов располагает определенным ежемесячным доходом: менее 2000 рублей — 14,6% студентов, от 2000 до 5000 рублей получают 13,4% респондентов, от 5000 — до 10000 рублей — 13,7%, от 10000 до 30000 рублей — 22,2%. Почти 35% всех опрошенных имеют существенный, если его сравнивать со среднестатистическим российским, доход. Так, от 30000 до 45000 рублей в месяц получают 14,6% студентов, а свыше 45000 рублей имеют доход 21,5% молодых людей.

Результаты проведенного исследования показали, что по мнению студентов социологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, как старейший

классический университет России, является безусловным лидером науки и образования в Российской Федерации. Как отметили студенты социологического факультета, прежде всего, именно “накопленный веками научный и образовательный потенциал” (62,4% ответов), “фундаментальный подход к науке и образованию” (59,4% ответов) и “высокий уровень профессионализма преподавателей и научных сотрудников” (54,3% ответов), как знаковые характеристики классического университета, делают Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова флагманом науки и системы высшего образования в России.

В связи с этим миссию Московского университета студенты социологического факультета усматривают: во-первых, в приумножении интеллектуального потенциала России (45,9% опрошенных); во-вторых, в развитии науки и технологий (38,1%); в-третьих, в содействии социальному, экономическому, технологическому и духовному развитию России (34,8%); в-четвертых, в распространении передовых знаний и научных достижений (33,9%); в-пятых, в подготовке элиты общества (33,7%); в-шестых, в сохранении и приумножении духовных и культурных ценностей (25,9%); в-седьмых, в служении истине и свободе научного творчества (19,6%); в-восьмых, в решении проблем в разных областях жизнедеятельности общества (19%); в-девятых, в анализе вызовов и рисков современного общества (11,8%).

Главным символом Московского университета, на взгляд студентов социологического факультета, является, прежде всего, Главное здание МГУ на Воробьевых горах (87% ответов), ставшее символом не только МГУ, но также Москвы, России, традиций науки и высшего образования в нашей стране. При этом отдельно шпиль Главного здания МГУ, как один из значимых символов Московского университета, отметили 13% опрошенных.

Вторым по значимости символом МГУ, по мнению 33% опрошенных, является фигура одного из основателей Московского университета — выдающегося русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова, памятник которому также является своеобразным символом МГУ, как считают 8% студентов социологического факультета.

Третьим по значимости символом МГУ, по мнению 14% респондентов, является ректор Московского университета — академик Виктор Антонович Садовничий.

В меньшей степени МГУ ассоциируется с Библиотекой МГУ (6% опрошенных), эмблемой МГУ (4%), Ботаническим Садам МГУ (4%), Воробьевыми горами (4%) и гербом МГУ (3%).

К любимым местам в МГУ студенты социологического факультета отнесли родной для них социологический факультет МГУ (41% ответов), столовые МГУ (39% ответов) и Главное здание МГУ (38% ответов). Далее, по мере убывания значимости — Ботанический сад МГУ (20% ответов), Библиотека МГУ и здание экономического факультета (по 15% ответов), коворкинг 1-го ГК (12% ответов), аллея МГУ (8% ответов), спортивные залы и площадки МГУ (6% ответов), а также другие коворкинги, территории и парковые зоны в МГУ.

Проведенное исследование показало, что определяющими факторами при выборе вуза абитуриентами являются “история и традиции вуза, его репутация” (59,4% ответов), “возможности трудоустройства выпускников” (50,8% ответов), “профессорско-преподавательский состав” (41,2% ответов) и “качество обучения” (40,9% ответов).

Как отметили сами студенты в своих эссе “Мой университет”, которые они писали в дополнение к опросу, “действительно, каждому гражданину Российской Федерации и любому человеку в мире, который следит за тенденциями в сфере образования, известно, что МГУ является лучшим российским вузом”. Поэтому не удивительно, что когда абитуриенты намечают список вузов, в которых они хотели бы учиться, то чаще всего решают, что “достойны получить образование в лучшем университете”.

Среди студентов старших курсов социологического факультета также возрастает значимость факторов, связанных с трудоустройством, а именно возможностью успешного трудоустройства, имиджем компаний-работодателей, практиками студентов. При этом вопросы, связанные с трудоустройством, в большей степени имеют значение для студентов-магистрантов (66,2%), нежели для студентов-бакалавров (46,5%) социологического факультета.

На выбор именно Московского университета повлияли, прежде всего, репутация вуза (65,3%), ориентация на баллы ЕГЭ (36,2%), высокое качество образования и преподавания (34,1%), перспектива трудоустройства (24,7%).

Так, одна студентка пишет следующее: “Мы с родителями и братом часто приезжали гулять по Воробьевым горам, и уже тогда Главное здание МГУ произвело на меня сильное впечатление”. Другую студентку “поразили его (ГЗ) величие, его история и традиции. Помню, как смотрела видео в интернете об учебе в этом университете, читала отзывы, любовалась главным зданием и прекрасной территорией”. Один студент еще более красочно описывает свое знакомство с МГУ, его Главным зданием: «Моя жизнь примерно с 7-го класса была неизменно связана с МГУ. Я учился в школе №1533 “НИТ”, ко-

торая находится неподалеку. Окна во всех рекреациях выходили на Главное здание, как и окна части кабинетов. На некоторых уроках, когда было особенно скучно, я любил рассматривать эту грандиозную сталинскую высотку. Ее шпиль со звездой, статуи, орнамент, части. Мне нравится архитектура 30–50-х годов, в ней чувствуется масштаб. Мой друг и, по совместительству, одноклассник, ходил на курсы географии в МГУ, которые находились на верхних этажах ГЗ. Как-то раз, провожая его, я дошел с ним до дверей университета. Как сейчас помню это ощущение собственной ничтожности по сравнению с этой громадой. Сама мысль о том, что подобное дело рук человеческих, что это построили мои соотечественники, впервые дала мне в полной мере почувствовать Горьковское “Человек — это звучит гордо”. Каждый раз, когда взгляд падал на ГЗ, я чувствовал, как наполняюсь уверенностью и решимостью: нет ничего невозможного».

При этом следует отметить, что среди тех, кто удовлетворен выбором МГУ в качестве места получения высшего образования (а таковых в общей сложности 84,4%), важными факторами выбора вуза также были интерес к профессии и возможность личностного развития. Отсюда можно сделать вывод, что чем выше изначальная заинтересованность студента в профессиональном и личностном развитии, тем выше его удовлетворенность обучением. Развитие является одним из важнейших стержней мотивации индивида, тем более во время активного периода взросления и социализации. Такие люди обычно весьма требовательны к выбору мест, где они обучаются и очевидно, что, став студентами МГУ, они не были разочарованы. “Все мои ожидания подтвердились, и я нахожусь в полном восторге от обучения. Я знаю, что все знания, которые нам очень информативно и бережно передают преподаватели, помогут и в дальнейшем. Благодаря университету я открыла для себя такую прекрасную специальность, которая позволяет каждый день узнавать что-то новое как о себе, так и об устройстве общества в целом”, — отмечает одна из студенток.

29,1% среди опрошенных студентов считают, что мнение друзей или родственников также может влиять на выбор вуза. При этом 37,7% опрошенных признались, что данный фактор сыграл свою роль при выборе именно МГУ как места обучения. Для одних — это “семейный университет” — в нем учились “дедушка, тетя и мама”, поэтому сомнений при выборе вуза у них никогда не возникало. Характерной в этой связи представляется история одной студентки, которая “об университете узнала еще в далеком детстве”, когда ей

было 7–8 лет. «Мой брат тогда только-только поступил в институт и мне было очень интересно, что это такое. Тогда я пришла к своей бабушке и начала расспрашивать ее обо всем. И бабушка рассказала, как в молодости она поступила в МГУ на экономический факультет, что это было прекрасное время, лучший институт, замечательные люди. Мне настолько понравилась история бабули, что я ей выпалила: “Я тоже там буду учиться”. Как вы могли заметить, свое обещание я выполнила».

При принятии решения о поступлении в МГУ 70,8% студентов ориентировались на информацию, содержащуюся на сайте МГУ, 32,3% — на информацию, содержащуюся в группах МГУ в социальных сетях. Для 21,5% опрошенных при принятии решения о поступлении в МГУ важной оказалась информация, полученная от учителей и представителей МГУ. 10,5% студентов ориентировались на информационные буклеты, 8,5% — на рекламу в интернете. 8,8% студентов ориентировались на иные источники.

Анализ эссе студентов также показал, что некоторые старшеклассники приняли решение о поступлении в МГУ, получив информацию от учителей, репетиторов или просто “последовав их примеру”. «Информацию об университете и социологическом факультете я узнала из онлайн-школы по обществознанию “НЕФОРМАТ”. Моя репетитор (создатель данной онлайн-школы) сама училась на социологическом факультете МГУ и добилась многого в своей жизни. Поэтому я решила последовать ее примеру и поступила в данный вуз».

Для многих решающим фактором стало посещение дня открытых дверей в Главном здании и на конкретном факультете. “Решающим фактором при выборе именно МГУ стало мое посещение дня открытых дверей на социологическом факультете. Меня абсолютно очаровала атмосфера лучшего вуза страны, я сразу ощутил свою принадлежность к чему-то большому и великому. Очаровательные студентки со второго курса рассказали обо всех преимуществах факультета и ответили на все интересующие меня вопросы. Именно в тот день после выхода из здания факультета твердо решил — надо во что бы то ни стало трудиться и поступить в МГУ. А дальше были долгие месяцы упорного труда”.

Путь к поступлению для подавляющего большинства студентов “был непрост”. Обычно он начинался с 9 класса, когда они стали активно готовиться к экзаменам, “чтобы хорошо сдать ЕГЭ”. Дальше шла усиленная подготовка к дополнительному вступительному испытанию по обществознанию — “десятки эссе, вебинаров, прочи-

танных книг помогли добиться цели!” “Репетиторы, онлайн-школы, большое количество материала, который нужно запомнить, недостаток сна и постоянный страх перед будущим — такими словами можно описать прошедшие два года”.

Результаты опроса показали, что 55,8% опрошенных заявили, что они самостоятельно готовились к поступлению в вуз, 40,4% — что они готовились к поступлению при помощи репетиторов. 38% студентов прошли онлайн-курсы в интернете, подготовительные курсы в школе — 19,6%, подготовительные курсы в вузе — 18,1%. 10,5% “скромно” заявили, что они специально не готовились к поступлению в МГУ.

Для многих очень значимой в то время была поддержка близких. “От самого начала и до конца со мной были мои самые близкие люди. Для них мое поступление не было удивлением, поскольку они всегда в меня верили. Однако это не значит, что мной не гордились. Также меня поддерживали и мои друзья, любимые учителя. Многие были очень удивлены, что я смогла поступить в первый вуз страны, однако все поздравили и пожелали удачи в дальнейшей учебе”.

Сам факт поступления в Московский университет был связан для студентов с гаммой позитивных чувств. Подтверждением тому служат выдержки из студенческих эссе. “Какие эмоции вызывает поступление? Стресс, страх, волнение, переживания, усталость? Да. Однако, когда ты видишь себя в списках поступивших, а еще и на бюджет, то это ощущение невероятной радости, гордости напроочь стирает все переживания”.

Многие испытали ощущение счастья: “Мне казалось, что в таком огромном и красивом университете должны учиться самые-самые умные и интеллигентные люди. Теперь я сама здесь, на первом курсе Социологического факультета, чему я безумно рада и счастлива!” “Счастье переполняло мой дом. Родители, бабушка и дедушка, младший брат были очень рады. Семья гордилась мной. Я стала вторым человеком в своем селе, который смог поступить в лучший вуз страны на бюджет. Но самое главное, я сдержала данную самой себе три года назад клятву. Я смогла. У меня получилось. Мое окружение было удивлено. Некоторые переспрашивали, как будто не верили”. “Мое поступление на социологический факультет МГУ связано с ощущением волнения и радости одновременно. Я почувствовал себя готовым к новым вызовам и возможностям, которые открываются передо мной в университете”.

Следует отметить, что для студентов бюджетной формы обучения (“бюджетников”) данные эмоции были выражены более ярко

в сравнении со студентами, поступавшими на договорную форму обучения (“контрактников”).

Среди основных чувств, названных студентами, оказались радость (63,6% среди “бюджетников” в сравнении с 55% у “контрактников”), гордость (57,9% у “бюджетников” и 43,1% у “контрактников”), ощущение начала нового этапа в жизни (48,7% и 46,4% соответственно), облегчение (32,6% и 27,9%). Определенная разница в ответах студентов, принадлежащих к упомянутым двум формам обучения, возможно объясняется тем, что студенты, стремящиеся поступить на бюджет, ощущают на себе больше ответственности и в меньшей степени уверены в конечном исходе, а потому и эмоции после поступления для них оказываются чуть более ярко выраженными.

Первые дни в университете для многих стали незабываемыми и даже по прошествии ряда лет возникают перед глазами почти как наяву.

“Думаю, что первое сентября в роли первокурсницы запомню надолго. На торжественном посвящении первокурсников мое желание учиться и работать возросло. Особое воздействие оказала роль В.А. Садовниченко. Я поняла, что передо мной открыты все двери, что МГУ — лучшее место для развития своего потенциала. Мотивация переполняла меня. Я чувствовала себя на своем месте”.

“Ректор МГУ, В.А. Садовниченко, выступал перед всеми первокурсниками в актовом зале главного здания, там было множество приглашенных гостей, от которых мы также услышали поздравления и напутствия. Тогда меня поразил масштаб всего происходящего. Я почувствовала себя причастной к чему-то великому, к огромной истории, которая повлияла на жизнь миллионов людей. Тогда я точно поняла, что оказалась в нужном месте. В этот день все родственники и близкие поздравляли меня, все были счастливы, что я оказалась в таком легендарном месте и имею право учиться у профессионалов”.

“Когда я пришла на занятия, я словно бы очутилась в новом мире. В мире знаний и науки, где лекции студентам читают профессора с многолетним стажем работы”, — писали студенты.

Важно и то, что почти две трети студентов (64,1% опрошенных) заявили о соответствии своих впечатлений от первых дней обучения в МГУ своим изначальным представлениям (23,9% — в полной мере, 40,2% — “скорее да”). Лишь 10,3% молодых людей заявили о несоответствии впечатлений от первых дней обучения в МГУ своим изначальным представлениям, 18,7% — скорее о их несоответствии. 6,9% респондентов затруднились с ответом.

В то же время проведенное исследование выявило очевидную тенденцию к снижению оценки ценностно-содержательной стороны высшего образования и повышение значимости его материально-практического компонента, что ориентирует студентов не на сам процесс обучения, а на быстрый результат, включающий материальную отдачу. Так, для многих студентов в будущей профессии в первую очередь важны “возможность получать высокие доходы” (70,1% ответов), а возможность “принести больше пользы обществу” отмечает только треть из них (30,7% ответов).

Среди наиболее важных элементов университетской жизни студенты выделяют получение практических навыков и компетенций (95,8%), наличие возможности для стажировок в компаниях-работодателях (89,1%), возможность изучать современные средства анализа и обработки данных (83,6%), получение фундаментальных и теоретических знаний (83,5%).

При этом фактор получения практических навыков и компетенций является определяющим в особенности среди тех, кто уже работает (95,1%) и собирается работать (97%). Это связано в том числе и с тем, что современные студенты видят ценность высшего образования как необходимого этапа в успешном трудоустройстве и построении карьеры. Это объясняет, почему в приоритетах у студентов находятся возможности для стажировок и обучения анализу и обработке данных. Данные показатели вписываются в современные тенденции, когда все больше россиян и российской молодежи рассматривают высшее образование прежде всего с практической точки зрения. В частности, опрос, проведенный ВЦИОМ в 2023 г., показал, что доля россиян, осознающих значимость высшего образования и его влияние на будущие карьерные достижения, выросла до 45% (составив при этом 48% среди 25–34-летних и 40% среди 18–24-летних). По сравнению с 2020 г. данный показатель вырос на 16%, достигнув исторического максимума за все время опросов¹.

Исходя из этого, неудивительно, что некоторые молодые люди полагают, что для их успешной карьеры будет достаточно получить диплом бакалавра с определенной (любой) квалификацией, а собственно знания могут быть приобретены непосредственно в процессе накопления трудового опыта. Объяснением такого рода императива-установки является намеренная популяризация идеи

---

¹ Высшее образование: неожиданный ренессанс? // ВЦИОМ. 2023.25.01. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannyi-renessans>

о необходимости исключительно практической ориентации высшего образования в ущерб его фундаментальности. В силу чего среди наиболее важных для себя элементов университетской жизни студенты отмечают: “получение практических знаний и навыков” (75%); “наличие возможности для стажировок в кампаниях-работодателях” (65,5%). При этом “получение фундаментальных теоретических знаний” и даже “формирование цифровой грамотности и навыков использования информационно-коммуникативных технологий” занимают в числе этих элементов гораздо менее значимое место (43,7 и 40,6% ответов соответственно).

Отсюда в свою очередь закономерно проистекает и низкий интерес к освоению даже базовых дисциплин профессионального цикла (применительно к социологии — общей социологической теории, истории социологии и т.п.), что в конечном счете приводит к реальной некомпетентности, когда выпускнику приходится принимать и обосновывать серьезные аналитически обоснованные экспертные заключения. Тем не менее, анализ эссе показал, что в студенческой среде еще остались целеустремленные, открытые к получению фундаментальных знаний студенты, которые хотят взять все возможное от своего пребывания в стенах МГУ.

“МГУ всегда казался каким-то недостижимым и волшебным местом, я и сейчас не до конца осознаю, что учусь в таком престижном месте. Я ожидаю от учебы в МГУ яркой, интересной, насыщенной студенческой жизни, надеюсь, что все полученные здесь знания и навыки пригодятся мне как в жизни, так и в работе. Я думаю, что социологическое образование станет очень полезным для меня, оно и научит коммуницировать с людьми, и расширит мой кругозор, и передаст полезные знания. Я очень счастлива, что поступила в МГУ”.

“Фундаментальность — первое единственное ожидание от МГУ. Затем — грандиозность, стабильность, серьезность. Образование, которое когда-то казалось слишком советским, стало (а оно и было) самым привычным и качественным. Семья МГУ — огромная. Не счесть активностей, которые открыты для наших студентов. Не счесть путей развития — стоит только захотеть — и бери”.

“Получаемое и полученное образование в МГУ оказалось, и, думаю, окажется для меня полезным. Уже сейчас в рамках курсовых, докладов, рефератов я делаю то, что мне интересно. В этом тоже огромная благодарность вузу и его преподавателям. Не понаслышке знаю, что такого широкого поля для развития и таких широких просторов нигде больше нет”.

Учеба в Московском университете для его студентов — это восторг, гордость, и конечно, любовь — любовь к месту, ставшему родным.

“МГУ — это легендарное, историческое место, которое символизирует и презентует лучшее образование в нашей стране, это старейший университет со своим уникальным наследием”.

«Вокруг МГУ, вплоть до моих студенческих дней здесь, всегда царил атмосфера возвышенности, отчужденности, фундаментальности. От того вуз всегда казался лучшим, но “старым”. В смысле взаимоотношений, системы образования. Недостаточно прогрессивным и новым, слишком самобытным. Как оказалось, роскошь самобытности вуз может себе позволить».

“МГУ — это не только авторитетное заведение, но еще и возможность получить все необходимые знания от невероятно умных и опытных преподавателей, также это отличный способ познакомиться с людьми с теми же амбициями и ценностями, что и у меня, и, возможно, даже двигаться с ним вместе по жизни”.

Тем не менее результаты опроса показали, что достаточно острой проблемой для успешного осуществления образовательного и воспитательного процесса является совмещение студентами учебы и работы. Так, на вопрос анкеты “Собираетесь ли Вы работать во время обучения?” более трети студентов (38,0%) ответили, что они “уже работают”, примерно столько же (35,9%) ответили утвердительно (“да, собираюсь работать”). “Не собираются работать” во время обучения только 16,2% студентов. При этом почти половина студентов (47,4%) одновременно с учебой в вузе, хотела бы иметь постоянную работу, а 26,5% — “время от времени подрабатывать”. О том, что “не хотели бы совмещать работу с учебой в вузе” заявила примерно четверть (26,1%) студентов.

Наряду с этим интересно и то, что среди работающих или работавших студентов 10,8% работают или работали “по специальности”, чаще всего “по специальности” — 22,9%. Работали или работают в другой отрасли — 44,8%. Постоянно работают не “по специальности” — 21,5% студентов.

Причины же, по которым в большинстве случаев студенты вынуждены совмещать учебу и работу, весьма тривиальны — в первую очередь, “для того, чтобы зарабатывать деньги на жизнь” (77,6%), затем — “для того, чтобы почувствовать себя независимым человеком” (51,8%). Примерно половина (49,9%) опрошенных студентов работает, “для того, чтобы иметь гарантию сразу получить работу сразу после окончания вуза”, более четверти (28,6%) — “чтобы лучше овладеть будущей профессией”. Лишь каждый пятый из под-

рабатывающих студентов (20,8%) указал на то, что “есть свободное время, которое хочется потратить с пользой”. Достаточно студентов (16,2%) вынуждены работать исключительно “для оплаты учебы”.

Естественно, умеренная, традиционная для студенческой молодежи подработка (в выходной или в каникулы), вполне безобидна, когда не наносит ущерб учебе. Но в современных реалиях, связанных с особенностями рынка студенческого труда и требованиями работодателей, работа, как правило, поглощает студента так, что ему совсем не остается времени на учебу. И если ранее студенты подрабатывали, временно занимая должности, не требующие квалификации (разнорабочие, грузчики, дворники, секретари и т.п.), то сейчас многие частные компании нанимают студентов практически на любые позиции как низшего, так и среднего управленческого звена, поскольку им остро нужны рядовые исполнители, которых обычно не хватает. И хотя факт обучения сотрудника в вузе ими учитывается, специального времени на учебу ему не выделяется.

Наряду с этим было выявлено, что у студентов магистратуры социологического факультета по сравнению со студентами бакалавриата социологического факультета отчасти прослеживается чуть более прочная связь между получаемым образованием и будущей профессией. На вопрос “Планируете ли Вы после окончания вуза работать по профессии?” однозначно, что планируют, ответили 6,8% бакалавров и 15,5% магистрантов. “Скорее всего планируют работать по профессии” 44,6% бакалавров и 55,4% магистранта. “Скорее всего, не будут работать по профессии” 24,9% бакалавров и 16,2% магистрантов. “Однозначно не будут работать по профессии” 7,5% бакалавров и лишь 1,4% магистрантов.

При этом между студентами бакалавриата и магистратуры социологического факультета нет разницы в том, что они считают самым важным в любой профессии. Для студентов это, прежде всего, возможность получать высокие доходы (70,4% среди бакалавров и 68,9% среди магистрантов), возможность реализовать свой потенциал (49,6 и 45,3% соответственно), соответствие профессии способностям и умениям будущих выпускников (32,3 и 29,1%), высокий престиж профессии (26,0 и 27,7%).

Среди внеучебных форм образования и саморазвития, направленных на профессиональную ориентацию, больше всего студентов интересуют встречи с работодателями (46,2%), мастер-классы, тренинги, обучающие семинары (44,3%), посещение культурных мероприятий (39,1%), дополнительное онлайн-образование (31,6%), участие в крупных научных и научно-популярных мероприятиях (31,1%), посещение публичных лекций (29%), выездные мероприя-

тия для студентов (27,4%), клубы, встречи по интересам (26,1%), очное дополнительное образование (21,6%), научные мероприятия для студентов (20,9%), тематические, дискуссионные встречи (16,6%), участие в программах наставничества (16,3%).

Для 65,5% опрошенных важным фактором обучения является участие в студенческой жизни. Причем для первого курса этот фактор является более важным — так считают почти 82% первокурсников. На последующих курсах данный фактор несколько теряет в своей важности — на втором курсе он составляет 69,2% и держится на уровне 60–65% на последующих курсах. Зато на более старших курсах увеличивается ценность изучения практических навыков (умения анализа и обработки данных, программирования), а также возможность совмещать учебу и работу.

В значительной степени это связано с тем, что в начале своего обучения студенты стремятся сформировать группы друзей и знакомых, хотят вкυσить всю полноту студенческой жизни, хотят больше коллективных встреч. Данный тезис подтверждается и другими ответами на вопросы. Так, 36,5% студентов первого курса и 32,4% второго сказали, что их интересуют выездные мероприятия для студентов, в то время как к четвертому курсу данный показатель падает до 17%. В этом ключе прослеживается динамика заинтересованности студентов к организации клубов и встреч по интересам — на первом курсе она составляет 35,6%, а на последнем 16,9%. Посещение культурных мероприятий на первом курсе интересует 51,9%, а на четвертом — 32,3%.

В то же время по мере перехода на более старшие курсы у студентов увеличивается заинтересованность в получении новых компетенций. Например, с 27,9% на первом курсе до 35,4% возрастает интерес к публичным лекциям, с 18,3 до 25,9% — к очному дополнительному образованию, с 23,1 до 34,7% — к дополнительному онлайн-образованию, с 12,5 до 21,1% — к программам наставничества.

В целом, можно констатировать, что подавляющее большинство студентов вполне осознанно подходило к выбору вуза и направления подготовки для последующего на них поступления. Самым значимым факторов при выборе ими траектории своего образовательного пути являлся фактор всемирной известности, престижности и популярности МГУ имени М.В. Ломоносова. И университет оправдал их ожидания, дав достаточно много.

“Московский университет и социологический факультет, в частности, уже дали мне очень многое. Я испытывала огромную благодарность за людей, которых я здесь встретила”. “Образова-

ние, полученное в стенах МГУ, дало мне фундаментальный взгляд на устройство мира, общество и человека. Эти знания уже сейчас ускоряют понимание многих вещей и время поиска решения проблем. Социологический факультет дает как практические навыки, которые будут полезны в дальнейшей работе, так и всесторонне развивает студента, обеспечивая его хорошим фундаментом теоретического знания”.

“Я уверен, что учеба на факультете социологии МГУ помогает мне расширять свой кругозор и развивать не только профессиональные навыки, но и личностные качества. Я готов к трудностям и готов принимать новые знания и опыт”. «Я горда быть частью такой большой и существующей уже, так сказать, “вне времени” системы студентов МГУ, рада проводить свои студенческие годы в окружении целеустремленных, амбициозных, разносторонних личностей, польщена тем, что могу брать знания у профессионалов и сама становиться таковым».

Исследование показало, что именно обучение в МГУ также дает студентам возможность строить вполне оптимистичные планы на будущее.

“Я планирую сохранить те навыки, которые я приобрела в МГУ... Я хочу сохранить то умение мыслить, размышлять, которое мне дал МГУ. Хочу сохранить отношения с людьми, с которыми меня связал мой вуз. Хочу сохранить эту постоянную мотивацию работать, докапываться до сути, становиться лучше. Эти способности в будущем точно приведут к успеху”. “Студент МГУ — это навсегда!”

“После окончания МГУ я планирую поступить в аспирантуру и начать карьеру преподавателя”.

“Довольно трудно загадывать наперед, однако всегда есть планы, цели, мечты, к которым ты стремишься. Для меня обучение всегда было в приоритете, поэтому после окончания бакалавриата я точно не остановлюсь. Также хотелось бы в будущем реализовать себя в качестве преподавателя, поскольку именно в этой профессии я вижу возможность реализовать себя, добиться уважения, а также не расставаться с любимым делом”.

“Думаю, что в будущем диплом МГУ откроет передо мной множество дорог. Полученные знания помогут создать что-то свое. Я бы хотела стать автором научных статей, проводить исследования”.

“Я не знаю, буду ли я работать по профессии, но я точно знаю, что выбрала для себя лучший Университет и я очень горжусь, что я — студентка МГУ!”

Тем самым очевидно, что большая часть студентов в процессе обучения не потеряла интереса к выбранной профессиональной траектории.

«Уникальные занятия, всемирно известные профессора, преподаватели, самые обогащенные программы, проверенные столетиями! МГУ уже открывает передо мной все двери — получение стипендии В.В. Гродского, стажировка во ВЦИОМ, в Сбербанке, прохождение дополнительных курсов от университета, активная студенческая общественная жизнь! Все это мое — благодаря МГУ. Вскоре же меня ждет магистратура и престижная работа с запредельным уровнем зарплат!

А что уже говорить о научной жизни! Наука в МГУ на самом высшем уровне: от международных конференций до Научного студенческого общества. Важно выделить и наставничество заслуженных, всемирно известных профессоров, которые являются проводниками для “юного ученого”. Лично я уже написал порядка 12 научных статей, опубликовав их заодно во Всероссийских журналах, и провел шесть своих научных социологических исследований.

А это только начало! И все благодаря моему университету!», — написал в своем эссе один из наиболее активных представителей студенческого сообщества социологического факультета.

Многие студенты не просто гордятся своей альма-матер, своей причастностью к ней, они признаются квискренней любви к ней, испытывают глубокое чувство благодарности.

“Как первокурсница первого вуза России я чувствую неподдельную гордость и восторг. Быть причастным к деятельности Московского государственного университета дорогого стоит!” “Я испытываю гордость, считая себя человеком Московского университета”. «Мой университет — моя любовь. Не банальная “с первого взгляда”. А долгая и здоровая. Любовь после сотни встреч, сотни разговоров и событий. МГУ — главная достопримечательность, которую я покажу друзьям-туристам. МГУ, его здание, улочки, сады, преподаватели, студенты, коты (живущие в садах) — самые интересные собеседники, места для посещения и т.д.».

Студенты “на все сто” уверены, что “МГУ — величайший университет мира!” “Он много что дал мне, — пишет студент, — а я же в свою очередь воздам ему за все это в десятикратном размере! Я люблю МГУ имени М.В. Ломоносова, а он, в свою очередь, любит меня, как и всех своих студентов, и безмерно заботится о нашем, всестуденческом благополучии, и об этом знают все! Я же просто от имени всех студентов говорю моему университету: Спасибо!”

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-43-71

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ “БОЛЬШОЙ ИГРЫ” КЛАССИКАМИ РУССКОЙ ШКОЛЫ ГЕОПОЛИТИКИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена осмыслению сущности “Большой Игры” (The Great Game) — политики сдерживания развития России англосаксонскими элитами и державами, насчитывающей уже более двух столетий, классиками русской школы геополитики. Автор статьи рассматривает геополитические концепции основоположников цивилизационного подхода и цивилизационной геополитики — Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, представителей панславизма (Р.А. Фадеева, И.И. Дусинского), военно-стратегического направления (Д.А. Милютин, А.Е. Вандама, А.Е. Снесарева), евразийства (П.Н. Савицкого), Ю.С. Карцова, В.П. Семенова-Тян-Шанского, П.Н. Дурново.

Автор подчеркивает, что развитие русской геополитической мысли происходило в условиях отсутствия политического заказа со стороны государства, а также политических и экономических элит на выработку геополитической стратегии развития России и осуществления ее внешней политики. К сожалению, констатирует автор, многие идеи классиков русской школы геополитики (в частности по осмыслению ими сущности, содержания и динамики “Большой Игры”) оказались невостребованными правящими кругами и правительствами, среди которых было много лиц англофильской ориентации, продвигающих идеи союзнических отношений с Англией в ущерб национальным интересам России.

В то же время, отмечает автор статьи, осмысление сути и особенностей развития событий “Большой Игры” представителями русской школы геополитики в значительной степени осуществлялось фрагментарно, часто в аспекте анализа многовекового цивилизационного противостояния России и романо-германского культурно-исторического типа (западноевропейской великой культуры, цивилизации), а не чисто континенталистских концепций.

К авторам, осмысляющим в своих произведениях сущность и знаковые события “Большой Игры”, относятся: представители панславизма — Н.Я. Данилевский, И.И. Дусинский, Р.А. Фадеев; представители военно-стратегиче-

* Начало. Продолжение статьи в № 3 за 2024 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

ского направления — А.Е. Снесарев и А.Е. Вандам; Ю.С. Карцов и П.Н. Дурново. Остальные классики русской школы геополитики обращались к данной проблематике выборочно, в рамках других интересующих их тем.

Ключевые слова: “Большая Игра”, Русский мир, Англосаксонский мир, панславизм, цивилизационный подход, евразийство, военно-стратегическое направление.

UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE “GREAT GAME” BY CLASSICS OF THE RUSSIAN SCHOOL OF GEOPOLITICS (beginning)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the essence of The Great Game — the policy of containing the development of Russia by Anglo-Saxon elites and powers, dating back more than two centuries, by the classics of the Russian school of geopolitics. The author of the article considers the geopolitical concepts of the founders of the civilizational approach and civilizational geopolitics — N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontyev, representatives of Pan-Slavism (R.A. Fadeev, I.I. Dusinsky), military-strategic direction (D.A. Milyutin, A.E. Vandam, A.E. Snesearev), Eurasia (P.E. N. Savitsky), Y.S. Kartsova, V.P. Semenova-Tyan-Shansky, P.N. Durnovo.

The author emphasizes that the development of Russian geopolitical thought took place in the absence of a political order from the state, as well as political and economic elites to develop a geopolitical strategy for the development of Russia and the implementation of its foreign policy. Unfortunately, the author states, many ideas of the classics of the Russian school of geopolitics (in particular, in their understanding of the essence, content and dynamics of the Great Game) turned out to be unclaimed by the ruling circles and governments, among which there were many people Anglophile orientation, promoting the ideas of allied relations with England, to the detriment of the national interests of Russia.

At the same time, the author of the article notes, the understanding of the essence and features of the development of the events of the “Great Game” by representatives of the Russian school of geopolitics was largely carried out fragmentally, often in the aspect of analyzing the centuries-old civilizational confrontation between Russia and the Romano-German cultural and historical type (Western European great culture, civilization), and not purely continentalist concepts.

Authors who comprehend the essence and significant events of the “Great Game” in their works include: representatives of Pan-Slavism — N.Ya. Danilevsky, I.I. Dusinsky, R.A. Fadeev; representatives of the military-strategic direction — A.E. Snesearev and A.E. Vandam; Y.S. Kartsov and P.N. Durnovo. The rest of the classics of the Russian school of geopolitics addressed this issue selectively, within the framework of other topics of interest to them.

Key words: “Great Game”, Russian World, Anglo-Saxon World, Pan-Slavism, civilizational approach, Eurasianism, military-strategic direction.

В контексте изучения сущности, истории и тенденций развития “Большой Игры” (The Great Game) — глобального геополитического противостояния Англосаксонского и Русского миров (стартовавшего в начале XIX в. и продолжающегося вплоть до настоящего времени), особое значение приобретает осмысление ее сути, содержания и динамики развития представителями русской школы геополитики в классический (традиционный) период развития геополитической мысли. Именно в этот период развития геополитики (условно начавшийся к концу XIX — началу XX в. и ориентировочно продолжавшийся до завершения Второй мировой войны) и произошло оформление основных и ведущих направлений, теорий русской национальной школы геополитики, массовый интерес к которым стал активно заново проявляться только в постсоветский период российской истории.

В советский период российской истории геополитика с ее явным несоответствием официальным положениям марксистско-ленинской идеологии фактически была полностью и официально запрещена в СССР как “буржуазная лженаука”, “буржуазная, реакционная концепция, использующая извращенно истолкованные данные физической и экономической географии для обоснования и пропаганды агрессивной политики империалистических государств”¹. Геополитике отводилась роль и функция оправдания внешней экспансии буржуазных государств, «капиталистической интеграции, создания военно-политических блоков и притязания на энергетические и сырьевые ресурсы развивающихся стран, которые произвольно включают в сферу “жизненных интересов” капиталистического Запада»². В частности, в трактовке советских идеологов она определялась как “официальная доктрина немецкого фашизма, оправдывающая его агрессивную внешнюю политику и претензии на мировое господство”³. Исходя из этого, осмысление сущности “Большой Игры” в геополитическом ракурсе советскими исследователями вообще не осуществлялось, а потому анализ воззрений и работ классиков русской школы геополитики в этом ключе приобретает еще большую актуальность.

При изучении воззрений представителей русской геополитической школы классического периода ее развития следует, прежде всего, отметить, что внутри нее не сложилось такого единого, в целом монолитного, системного и идеологически оформленного

---

¹ Большая Советская Энциклопедия. М., 1971. С. 316.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 116.

³ Там же.

теоретического каркаса, каким является атлантизм⁴ для британской и американской англосаксонских геополитических школ. Однозначно можно сказать, что многие классики русской школы геополитики мыслили совсем не в строгих рамках идей геополитического дуализма, трактующего весь ход мировой истории как противостояние двух типов держав, цивилизаций — держав Моря и держав Суши (что было характерно, прежде всего, для англосаксонских геополитиков). Хотя, конечно же, с атлантистскими геополитическими концепциями многие из классиков русской геополитики были знакомы, изучали, критически осмыслили их и предлагали определенные шаги и стратегии для противодействия реализации русофобских англосаксонских стратегических планов. В то же время теоретические наработки и позицию многих из них можно было лишь с большой натяжкой или только условно отнести или причислить к противоположности атлантизма — континентализму⁵.

Такая ситуация в значительной степени была обусловлена следующими причинами и связана с конкретными обстоятельствами.

В ведущих англосаксонских державах геополитические концепции фактически были разработаны в рамках выполнения своеобразного политического заказа англосаксонских элит для соответствующего идеологического обоснования и дальнейшего оправдания курса внешней политики данных государств, в том числе и в отношении к России. Таким образом, данные идеи и идеологические конструкции после их оформления фактически сразу оказались востребованными, а затем были взяты на вооружение и активно распространялись — продвигались представителями англосаксонских и подконтрольных им западных элит в ряде европейских стран (например, во Франции и Германии). Иными словами, их идеи и наработки легли в основу стратегии внешней политики держав англосаксонского мира, а затем и всего Запада.

Идеи западных геополитиков, мыслящих в иной плоскости, в русле континентализма, без особой поддержки государственных структур и политических элит особой популярностью не пользовались и на практике в жизнь не воплощались. Пример тому — геополитические идеи и концепции К. Хаусхофера и К. Шмитта, выдающихся представителей немецкой школы геополитики.

---

⁴ **Атлантизм** — геополитическая теория и практика Запада, стран-участниц НАТО, отводящая ведущую роль в мировой истории морским государствам, цивилизациям, от которых внутрь континентов идут культурные импульсы.

⁵ **Континентализм** — геополитические теории и школы, отводящие, в противоположность “атлантизму”, ведущую роль в мировой истории континентальным державам.

Данное обстоятельство естественно не свидетельствует о научной обоснованности англосаксонских атлантистских геополитических теорий. Когда в науку проникает идеология, добиться объективности в оценке тех или иных геополитических реалий, явлений и процессов, становится сложно, а фактически — невозможно. Тем не менее, как уже было отмечено, большая часть их теоретических работ была взята на вооружение англосаксонской политической и экономической элитой, а также подконтрольными ей западноевропейскими государствами и институтами с целью последующего идейного оправдания и идеологического обоснования крайне агрессивной политики сдерживания развития России в различных сферах ее жизнедеятельности, как в имперский, советский, так и в постсоветский периоды ее истории. Исходя из этих идеологических конструкций, в сознании представителей англосаксонских и подконтрольных им западноевропейских политических и экономических элит сложилось и восприятие России как основного препятствия для достижения англосаксонскими державами своей глобальной геополитической гегемонии.

На практике же стремление к обретению данной гегемонии закономерно привело представителей англосаксонских элит к началу против России масштабных дипломатических, экономических, информационных войн и сражений, военных действий, операций по организации государственных переворотов и “революций” с целью уничтожить Россию как действиями извне, так и посредством дестабилизации обстановки изнутри.

Развитие же русской геополитической мысли происходило совсем в иных условиях и обстоятельствах. Изначально со стороны русских политических и экономических элит, в отличие от англосаксонских держав, фактически не было сделано никакого политического заказа на разработку, идейное и теоретическое обоснование стратегий геополитического развития и внешней политики России. Данное обстоятельство было обусловлено в значительной степени тем, что духовный кризис, в котором оказалось русское общество начиная с начала XVII в., и, к сожалению, продолжающийся до настоящего времени, закономерно привел к тому, что значительная часть российской элиты фактически оказалась оторванной от своего народа, не понимала его традиций, чаяний и устремлений. Она воспитывалась в иной, западнической социокультурной традиции, ориентированной на ценности западноевропейской культуры.

Соответственно и представители этой достаточно влиятельной “традиции” отрицательно относились к самой идее самобытности, своеобразия, уникальности путей развития русской, более обще,

восточноевропейской культуры, стремясь навязать русской нации формы западной культуры, социальной практики и политического устройства, отвергая систему ценностей и традиционных устоев жизнедеятельности русского общества. В этом контексте бессмысленно говорить об отстаивании представителями этой “традиции” национальных интересов России в сфере внешней политики и геополитики, которые фактически сводились в их понимании к стремлению влиться в “единую”, “общеевропейскую семью”, интеграции со странами Запада, поиску своего места там, а также обязательному компромиссу с ведущими державами Запада при возникновении конфликта интересов.

Таким образом, в силу влиятельности позиций представителей западничества⁶ (в том числе англофильской ориентации) в российской политической элите политический заказ на разработку, идейное и теоретическое обоснование стратегии геополитического и внешнеполитического развития России российским ученым сделан так и не был. Соответственно, разработка геополитических теорий, концепций, проектов стратегии развития России практически сразу легла на плечи русских интеллектуалов без системной поддержки, а часто вовсе без поддержки и покровительства со стороны российских политических и экономических элит и государства в целом. Более того, представители российской имперской бюрократии часто очень болезненно и негативно реагировали на любую конструктивную критику со стороны классиков русской школы геополитики внешнеполитического курса Российского государства, в котором явно отсутствовали четко обозначенная стратегия, системность и последовательность.

В этом контексте становится понятным, почему многие идеи классиков русской школы геополитики (в частности по осмыслению ими сущности, содержания и динамики “Большой Игры”) оказались невостребованными правящими кругами и правительствами, среди которых было много лиц англофильской ориентации, продвигающих идеи союза со столь любимой ими Англией в ущерб национальным интересам России. Отдельные же наработки, сформулированные классиками русской школы геополитики, хотя и продвигались рядом государственных и политических деятелей (например, П.Н. Дурново), но в отличие от англосаксов реализовывались бессистемно и фрагментарно, не воплощаясь в жизнь в полной мере.

Тем не менее несомненной заслугой русских мыслителей являлась разработка ими основ цивилизационного подхода (а соответ-

---

⁶ См.: *Елишев С.О.* Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 80–81.

ственно, и цивилизационной геополитики как очень влиятельного и значимого направления развития современной геополитической мысли).

Именно Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, основоположники цивилизационного подхода к трактовке общественно-исторического развития, развивая идеи славянофилов и русских консерваторов, еще до начала процесса оформления ведущих западных школ геополитики, фактически явились родоначальниками как самой русской национальной геополитической школы, так и самой цивилизационной геополитики, в целом задавая ее теоретически богатый и самобытный вектор развития русской геополитической школы. Многие разработанные ими идеи легли в основу ряда течений и направлений русской геополитической мысли, например, таких как: панславизм (видными представителями которого являются Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский, Р.А. Фадеев, И.И. Дусинский), военно-стратегическое направление (Д.А. Милютин, А.Е. Вандам, А.Е. Снесарев), евразийство (П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой и др.). В то же время следует отметить, что развитие русской геополитической мысли шло не только в рамках упомянутых направлений, но и с учетом разработки отдельными авторами (своеобразными геополитическими “одиночками” (Ю.С. Карцов, В.П. Семенов-Тянь-Шанский), не создавшими собственных научных школ), весьма оригинальных геополитических теорий и концепций, стоящих особняком в ряду обозначенных направлений и не утративших своей актуальности до настоящего времени.

При этом у многих из классиков русской геополитики проблема осмысления англо-российских взаимоотношений и противостояния затрагивалась фрагментарно, часто в контексте изучения в целом имеющего место полноценного и многовекового, по мнению ряда из них, цивилизационного противостояния России (как центра восточно-христианской (православной) великой культуры) и в целом православной великой культуры с Западом (“Миром цивилизованным” — самоназванием бывшей западно-христианской великой культуры). В их представлениях по своей религиозной, ценностной, культурной и политической системам (образующим своеобразный каркас, основу этого мира) Россия являлась правопреемницей православной Византийской империи и исторической миссии державообразующего имперского народа, состоящей в сохранении истинной православной веры, ценностей и культуры, защиты православных народов и удержания мира от скатывания к злу и от наступления власти Антихриста.

Россия, на их взгляд, имела свой собственный, полностью отличный путь развития от секулярной западно-европейской культуры, поэтапно отходящей в своем развитии от основ христианского мировосприятия и жизнедеятельности и настроенной в целом весьма агрессивно по отношению к России и Православию. Основные стратегические задачи, стоящие перед Россией, они видели в сохранении ее цивилизационной, духовной и культурной идентичности, суверенитета, а также в исполнении ее исторической имперской миссии.

Например, **Николай Яковлевич Данилевский**, видный представитель неославянофильства и родоначальник цивилизационного подхода к процессу общественно-исторического развития, разработал в рамках данного подхода первую полномасштабную теорию цикличного развития человеческих обществ — теорию культурно-исторических типов, т.е. “самобытных цивилизаций”⁷, с теоретическим обоснованием определяющей роли России в восточно-христианской великой культуре.

В своей фундаментальной работе “Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому” Н.Я. Данилевский отрицал сам факт существования единой “общечеловеческой цивилизации” (в которой за эталон и образец для подражания берется и с которой необоснованно отождествляется опыт и история развития стран Запада). Этот мыслитель предлагал рассматривать всемирный исторический процесс не в русле прогрессистских, эволюционистских, европоцентристских, линейных концепций (характеризующих формационный подход к процессу общественно-исторического развития), а как процесс рождения, развития, расцвета и угасания культурно-исторических типов, “так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного одним словом, исторического развития”⁸.

В своем развитии любой культурно-исторический тип, состоящий из группы народов, проходит ряд состояний: от состояния *этнографического* (этап формирования нации и национального идеала) — к состоянию *государственному*; от государственного состояния — к *цивилизации* (характеризующейся высокой степенью развития духовной и материальной культуры); от цивилизации — к *апатии* (*апатии самодовольства или апатии отчаяния*)⁹.

---

⁷ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 88.

⁸ Там же. С. 85.

⁹ См.: Там же. С. 92–106.

В историческом развитии человечества Н.Я. Данилевский выделил 10 культурно-исторических типов, полностью или частично исчерпавших возможность своего исторического развития. Это: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или арабийский, 10) германо-романский, или европейский¹⁰. Дополнительно им были отмечены “два американских типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития”¹¹. Также он говорил о большом будущем только начавшего свое развитие “славянского” культурно-исторического типа, наиболее полно выраженного в русском народе.

Каждый культурно-исторический тип, по мнению Н.Я. Данилевского, по своей природе самобытный и неповторимый, исторически самопроявляет себя в четырех формах деятельности: 1) *деятельности религиозной*, 2) *деятельности культурной* (теоретически-научной, эстетически-художественной; технически-промышленной), 3) *деятельности политической*; 4) *деятельности общественно-экономической*¹².

В зависимости от того, как проявляют себя культурно-исторические типы в этих видах деятельности, Н.Я. Данилевский условно разбивает их на четыре группы. Первую группу составляют “первичные, или аутохтонные” (*египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский; халдейский, или древнесемитический; индийский и иранский*) культурно-исторические типы, полноценно не проявившие себя ни в одной из обозначенных форм деятельности: “... всё было в них еще в смешении; религия, политика, культура, общественно-экономическая организация еще не выделились в особые категории деятельности”¹³.

Вторую группу образуют “одноосновные” (*еврейский, греческий и римский*) культурно-исторические типы, каждый из которых добился больших успехов в развитии одной из выделенных форм деятельности. Еврейский — в религиозной деятельности, греческий — в культурной деятельности, римский — в политической деятельности¹⁴.

К третьей группе относится “двуосновной” *германо-романский* или *европейский* культурно-исторический тип, который имел все

---

¹⁰ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 88.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 471–472.

¹³ Там же. С. 472.

¹⁴ Там же. С. 477.

предпосылки активно проявить себя во всех формах деятельности, но в силу ряда внутренних особенностей своего исторического развития добившийся больших успехов только в политической и преимущественно научной и промышленной сферах культурной формы деятельности¹⁵.

К четвертой группе принадлежит только “начинающий жить” славянский культурно-исторический тип, в котором основная роль принадлежит России и русскому народу. Славянский культурно-исторический тип представляет собой единственный культурно-исторический тип, который полно сочетает в себе все четыре формы деятельности¹⁶. В силу “молодости” и уникальности сочетания этих форм деятельности в “славянском” культурно-историческом типе — за ним большое будущее.

Как идеолог панславизма¹⁷, Н.Я. Данилевский большое внимание уделял разработке проекта создания Славянского союза государств, а также описанию внешнеполитического взаимодействия двух разных культурно-исторических типов — России с Западом (романо-германским культурно-историческим типом). Он отмечал, что Запад (т.е. “Европа в политическом смысле”¹⁸) представляет собой “совокупность европейских государств, сознающих себя как одно целое, интересы которого противоположны интересам России и Славянства. Иного значения и смысла, кроме этой постоянной враждебности к нам, политическая Европа, конечно, не имеет. Со стороны Европы этот антагонизм есть не только факт существующий, но и факт ясно и отчетливо сознаваемый; со стороны же России, и Славянства он не более как факт существующий, но, к сожалению, еще недошедший до их сознания”¹⁹.

Противоположность интересов России и Запада (Европы) позволяет утверждать, что “в политическом смысле Россия не только не Европа, но Анти-Европа”²⁰, а “сила и могущество Европы — в целом — в значительной степени покоится частью на костях Славянства, частью на его поте, крови и слезах. На костях Славянства основано самое существование, а не только могущество Пруссии, а

---

¹⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 478–479.

¹⁶ Там же. С. 508.

¹⁷ **Панславизм** (от греч. *pan* — “все” и *slavus* — “славянин”) — национально-политическая идеология и соответствующее ей течение в российской общественной мысли второй половины XIX в., ставящее себе целью культурное и политическое объединение всех славянских народов.

¹⁸ См.: Данилевский Н.Я. Горе победителям! // Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнение к книге “Россия и Европа”. М., 2013. С. 174.

¹⁹ Данилевский Н.Я. Горе победителям!

²⁰ Там же. С. 166.

с нею и могущество Германии. Но этот вопрос уже покончен историей еще в то время, когда оплот Славянства, — Россия, только что зарождалась²¹.

И эта противоположность, на взгляд Н.Я. Данилевского, есть “не выдумка, не изобретение панславистов, славянофилов, или вообще журнальных публицистов и теоретиков, какой бы то ни было партии, а факт общепризнанный самыми трезвыми и практическими политическими умами, — свидетельствуют нам всего лучше и прямее самые протоколы Берлинского конгресса. Читая эти документы, мы постоянно встречаем, что, как представители России, так и представители других держав беспрестанно противопоставляют интересы России — интересам Европы. Одни требуют во имя этих последних — уступок со стороны России, другие соглашаются на них именно в виду этой причины²²”.

Н.Я. Данилевский констатировал, что данная противоположность интересов России интересам Европы до того стала “присуща представлению государственных людей всех наций, что они инстинктивно, как бы против своей воли, несмотря на всю дипломатическую осторожность, употребляют выражения, соответствующие действительности и прямо противоположные той видимости, которую, конечно, желали бы ей придать: представители европейских государств для того, чтобы и впредь было им удобнее пользоваться тем обманом, в который добровольно вдается Россия; представители же России для того, чтобы не выставить на вид всей несостоятельности того политического направления, которое приносит интересы России в жертву интересам Европы²³”.

Проявления постоянной враждебности и русофобских настроений западноевропейцев Н.Я. Данилевский объясняет тем, что Россия является для них “трудно преодолимым препятствием к развитию и распространению²⁴ господства германо-романского культурно-исторического типа. О чем очень сожалеют представители западничества внутри России: “Этот взгляд, выраженный здесь только в несколько резкой форме, в сущности, очень распространен и между корифеями нашего общественного мнения и их просвещенными последователями. С этой точки зрения становится понятным (и не только понятным, а в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к

---

²¹ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 167.

²² Там же. С. 186.

²³ Там же.

²⁴ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 64.

ослаблению русского начала по окраинам России, — к обособлению (даже насильственному) разных краев, в которых, кроме русского, существуют какие бы то ни было инородческие элементы, к покровительству, к усилению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому”²⁵.

Россия, по Н.Я. Данилевскому, должна противодействовать проникновению, тлетворному влиянию, духовной и культурной экспансии Запада во внутреннюю жизнь российского общества, проводя самостоятельную и независимую внешнюю политику без оглядки на западноевропейское “общественное мнение” и использовать внешнеполитические разногласия и противоречия между государствами Запада в свою пользу. Для успешного осуществления курса русской внешней политики “в будущем ничего другого не остается, — писал Н.Я. Данилевский, — как смотреть на свое политическое и историческое положение открытыми глазами, то есть перестать считать Россию членом европейской политической системы, которая постоянно оказывается нам враждебной, лишь только обстоятельства выдвинут на сцену вопросы, затрагивающие интересы или сочувствия России, не взирая на всю справедливость и все бескорыстие ее целей, — открыто и решительно выпутаться из нее, освободиться от добровольно наложенных на себя пут и цепей, стесняющих свободу наших действий”²⁶.

На взгляд Н.Я. Данилевского, историческая миссия богоизбранного русского народа, а также других православных богоизбранных народов славянского культурно-исторического типа состоит прежде всего в “охранительно-консервативной”²⁷ религиозной деятельности, направленной на сохранение православия как “живого предания религиозной истины”²⁸ и последующей ее “передачи в неприкосновенной чистоте другим народам и грядущим поколениям”²⁹.

Сохранение своих духовных и религиозных основ и устоев, поддержка православной веры и церкви являлись первоочередными задачами, стоящими перед российским обществом и государством, что в условиях распространения в России западничества (или “европейничанья”, как его именовал Н.Я. Данилевский) было особенно актуально. Россия, по Н.Я. Данилевскому, должна противодейство-

---

²⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 64.

²⁶ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 189.

²⁷ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 481.

²⁸ См.: Там же.

²⁹ Там же.

вать проникновению, тлетворному влиянию, духовной и культурной экспансии Запада во внутреннюю жизнь российского общества, а также помочь обрести политическую независимость славянским православным народам с целью создания Славянского союза государств для укрепления политического единства славянского культурно-исторического типа и успешного противодействия постоянной враждебной и русофобской политики стран Запада.

Следует отметить, что Н.Я. Данилевский первым среди видных представителей панславизма качественно и добротнo осуществил анализ российско-британских взаимоотношений, а также перипетий и знаковых событий “Большой Игры”. Хотя следует отметить, что он в таком же объеме анализировал взаимоотношения России с другими европейскими странами.

Н.Я. Данилевский определял Англию, как “самого отъявленного и самого постоянного противника России на Востоке, с самого окончания наполеоновских войн”³⁰. Русофобский курс внешней политики Англии, особенно в Восточном вопросе, по его мнению, в значительной степени был обусловлен необоснованными страхами англичан потерять свои индийские колонии в результате гипотетического похода русской армии в Индию³¹.

“Последствия такого похода, — писал Н.Я. Данилевский, — предпринятого даже с малыми силами и даже неудачного, были бы самые губительные для английского могущества, — так же точно, например, как и французская высадка на английский берег, хотя бы и неудачная. В стране торговой и промышленной по преимуществу все основано на кредите, на вере; и вера англичан в неприкосновенность английской территории (в одном случае) так же, как вера туземцев в неприкосновенность английского владычества в Индии (в другом) были бы поколеблены, нарушены. Что не удалось один раз, может при больших усилиях, при лучшем ведении дела удасться в другой. С момента этих вторжений дамоклов меч постоянно висел бы над Англией”³².

Поход русской армии в Индию, по его мнению, гипотетически являлся вполне возможным, хотя “очевидно, что Россия не имеет ни малейшего интереса овладеть Индией или какой бы то ни частью ее. Такое приобретение легло бы на нее таким излишним и тяжелым бременем, что смело можно утверждать, если бы оно выпало ей даже как наследство от умершего дяди набоба, ей ничего бы не оставалось, как продать его за какую бы то ни было цену, а если бы никто

---

³⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 448.

³¹ См.: Там же. С. 449–451.

³² Там же. С. 449–450.

ничего не дал, то отдать хоть даром. Поэтому английская Индия ограждена от вторжения русских не столько физической, сколько нравственной невозможностью индийского похода, — невозможно-стью, из которой существует одно и только одно исключение. Поход в Индию есть единственное оборонительное средство России в войне с Англией”³³.

Поход в Индию может стать вынужденной мерой, поскольку ничего более болезненного для Англии в возможном столкновении с ней Россия (как могучая континентальная, но не морская держава) сделать не сможет: “...роль ее в войне должна быть чисто пассивной, если она не прибегнет к походу в Индию, который, при малочисленности там англичан, при расположении туземного населения, может иметь самые важные последствия одним своим началом, одной предшествующей ему молвой, расцвечаемой восточным воображением”³⁴.

Еще до оформления классиками англосаксонской геополитики их геополитических атлантистских концепций, Н.Я. Данилевский осуществил блестящий анализ сути “Большой Игры”, фактически рассматривая ее как один из эпизодов масштабной борьбы англичан за обретение ими “всемирного морского владычества”, т.е. в условиях XIX столетия — мировой геополитической гегемонии. В рамках данного эпизода Россия и Славянство выступали как определенное препятствие и наиболее серьезный противник для достижения англичанами своих стратегических целей.

При этом для достижения мировой геополитической гегемонии (“всемирного морского владычества”) недостаточно только “одного торгового преобладания, доставляемого обилием капиталов, развитием промышленности, обширностью коммерческих сношений”³⁵. “Морское владычество, — подчеркивал Н.Я. Данилевский, — означает политическую власть, или, по меньшей мере, почти исключительное преобладающее политическое влияние во всех частях света, туземные государства которых не обладают достаточным военным могуществом для сопротивления собственными силами флотам и десантам владычицы морей”³⁶.

Англия, являясь могущественной морской колониальной державой, поэтапно победила в борьбе за мировую геополитическую гегемонию своих соперников — испанцев, голландцев и французов, взяв под свой политический контроль большую часть мира (Австра-

---

³³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 450.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 169–170.

³⁶ Там же. С. 170.

лию, большую часть Африки, Азии, Южную Америку), за исключением Европы и Северной Америки³⁷.

Под предлогом сохранения баланса сил в Европе Англия активно вела “войны против всех государств, обладавших заморскими колониями”³⁸, в результате чего “почти все колонии европейских государств подпали под власть Англии или под ее преобладающее влияние. Посредством этих же войн, веденных якобы из-за охранения европейского равновесия, а также посредством отдельных захватов, при всяком удобном случае, очутились во власти Англии: главные проливы — Гибралтар, Перим, Сингапур; острова при входах во внутренние моря, как например Малые Антильские, центральные пункты во внутренних морях, как Мальта, Ямайка, прибрежные острова, составляющие сторожевые, наблюдательные пункты, как Гольголанд, Гонг-Конг, Кипр; пункты перекрещения океанских путей, как остров св. Елены, мыс Доброй Надежды; наконец, целые материки или обширные тропические страны, как Австралия и Индия”³⁹.

Для достижения всемирного морского могущества Англии лишь осталось утвердить свою власть “над обширнейшим и богатейшим азиатским материком. Лучшие страны его уже подчинены Англии. В сохранении и распространении этой власти над Азией и заключается в настоящее время для Англии весь вопрос о всемирном владычестве. И тут-то именно, с того времени, как Россия собственными руками низвергла последнего и самого страшного из прежних противников Англии — Наполеона, является она новым противником Англии, уже не в виде морской, а чисто континентальной державы. Россия, и только одна Россия имеет возможность угрожать Индии, в случае нужды подать помощь Китаю, защитить Персию и, вследствие ослабления Турции, с одной стороны, овладеть проливами, и через них угрожать кратчайшему пути сообщения с Индией, с другой же, по соседству, сделаться наследницею богатейших стран Азиатской Турции”⁴⁰.

Н.Я. Данилевский отдает должное успехам английской дипломатии, системному и планомерному движению англичан к обретению мировой геополитической гегемонии. На протяжении XIX в. Англия благодаря жесткому прагматизму своей внешней политики одержала целый ряд побед над своими противниками, в значительной степени не благодаря собственным силам, а благодаря “искус-

---

³⁷ См.: Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 170.

³⁸ Там же. С. 169.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 170.

ству заставляя, как друзей, так и врагов своих, работать для достижения ее целей и тем утвердила свое владычество во всех частях света. Австрия и Пруссия грызлись за нее против Наполеона и довели себя до гибели, от которой избавились лишь благодаря России, которая также почти непрерывно, в течение 15-ти лет, враждовала, преимущественно из-за английских интересов, с Наполеоновской Францией, единственным государством, предлагавшим ей свою искреннюю, на обоюдных выгодах основанную и делами, а не словами доказанную дружбу. Подобным же образом умела Англия заставить наследника великого Наполеона способствовать ее планам против России, с которой она вступила во враждебные отношения тотчас после поражения, преимущественно руками России же, великого Императора⁴¹.

Несмотря на то, что обретение контроля Англией над азиатскими пространствами не соответствует интересам целого ряда европейских государств, английская дипломатия, как ранее в своем противоборстве с Францией, смогла создать антироссийскую коалицию европейских держав на этот раз под предлогом «охранения Европы от грозного панславизма»⁴², т.е. прежде всего — от России.

Н.Я. Данилевский отмечал неизбежный характер столкновения Англии и России, от которого невозможно будет уклониться. «Англия дерзко вызывает нас на бой, прямо и открыто, без всякой маски, без чьего-либо посредства. Принятие этого вызова есть только вопрос времени, и таким образом, Восточный вопрос примет свой настоящий вид: борьбы России и Славянства сначала против главного врага их — Англии. Весьма благоприятным началом ее будет, если она возникнет из непосредственной ссоры с Англией из-за азиатских дел. Этот окольный путь всего лучше приведет нас к нашим целям: к полному освобождению и объединению Славян и к приобретению проливов в наше полное распоряжение»⁴³.

Однако для того, чтобы одержать победу над Англией, необходимо, прежде всего, провести работу над ошибками. А их во внешней политике России совершено было достаточно много. Анализируя курс внешней политики России после смерти Екатерины II, Н.Я. Данилевский отмечал, что внешняя политика России, в отличие от англичан, носила двойственный и нерешительный характер, балансируя «между двумя притягательными полюсами интересов

---

⁴¹ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 175.

⁴² Там же. С. 171.

⁴³ Там же. С. 206.

русско-славянских и интересов европейских”⁴⁴. Причем русскими национальными интересами часто жертвовали в ущерб интересам европейским. Фактически “всякое действие России, имевшее в виду соблюдение, охранение или восстановление интересов Европы, заставляло упускать из виду русские интересы, пренебрегать и жертвовать ими различными способами”⁴⁵.

Так, после смерти Екатерины II Павел I направил войска на помощь Англии и Австрии в их противостоянии с Францией. “Война была блистательна, подвиги русских изумительны; но и в 1799 г., как и в 1878 г., можно было воскликнуть: горе победителям! Победы были напрасны, от плодов их не осталось и следа”⁴⁶. Последующая череда “наполеоновских войн” также осуществлялась не в русских национальных интересах. Наполеон был сторонником стратегического союза России и Франции, направленного против Англии. Он “считал союз с Россией не временною сделкою, имевшею для него важность при тех или других случайных обстоятельствах, а политической необходимостью, существенною частью своей политической системы, независимо от временных отношений между обеими державами, независимо от победы той или другой стороны. Война между Россией и Францией справедливо казалась ему лишь результатом недоразумений, наговоров, интриг, непонимания истинных интересов обоих государств, и потому он надеялся и верил, что свидание с императором Александром рассеет этот напускной туман”⁴⁷.

В отношении России Наполеон “постоянно высказывал самое дружеское расположение, искал ее союза, предоставлял ей самое широкое поле действия. Если, по роковому ходу событий, проистекавших из твердого и неуклонного стремления Наполеона достигнуть своей вполне законной, справедливой, неизбежно для него необходимой цели — обуздать и смирить Англию, близок он был к достижению всемирного владычества, — то он призывал Россию разделить его с ним, чувствуя, что одному ему оно было не под силу. Россия смело и с чистою совестью могла бы последовать этому призыву, потому что все могущество и величие, которые пришлось бы на ее долю в этом разделе, принадлежали и принадлежат ей по праву: в них не заключалось никакого хищения или неправого стяжания”⁴⁸.

---

⁴⁴ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 163.

⁴⁵ Там же. С. 165.

⁴⁶ Там же. С. 158.

⁴⁷ Там же. С. 159.

⁴⁸ Там же.

“В причинах, побудивших Россию, с таким напряжением сил, — писал Н.Я. Данилевский, — вести против Наполеона войны 1805, 1807, 1812, 1813 и 1814 годов, невозможно отыскать никакого существенно русского интереса. Они были предприняты в защиту чуждых нам целей и интересов: английских, прусских, австрийских, германских, пожалуй — итальянских, голландских, испанских и португальских, одним словом — интересов и целей европейских, но никак не русских. Мы низвергли не только совершенно безвредное, но существенно полезное для нас могущество Наполеона, для того чтобы укрепить могущество Англии и восстановить силу Австрии, которые и прежде и после этого всегда были нам враждебны, которые стояли и стоят поперек всем нашим исконным, законнейшим и справедливейшим стремлениям”⁴⁹.

Такого же рода антинациональный курс внешней политики фактически наблюдался и в последующие годы, когда правительство фактически жертвовало русскими национальными интересами и интересами Славянства в пользу Англии и других европейских стран. Без изменения данной ситуации, прекращения заискивания перед Европой, возвращения к отстаиванию исключительно собственных национальных интересов, успешно противостоять Англии, да и другим европейским государствам, на взгляд Н.Я. Данилевского, будет невозможно.

Теоретически переосмыслил, развил и дополнил концепцию Н.Я. Данилевского один из основоположников цивилизационного подхода — **Константин Николаевич Леонтьев**. Этот мыслитель утверждал, что каждый культурно-исторический тип, нация, общество и государство имеют свою самобытную и неповторимую форму. Форма, в его представлении — есть “выражение идеи, заключенной в материи (содержании)”, “деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбежаться”⁵⁰. Развитие обозначенных субъектов ведет к неповторимости и усложнению их форм, их регресс и деградация — ведут к гибели: упрощению и потере своеобразия формы.

Срок жизни государств и обществ, на взгляд К.Н. Леонтьева, хронологически ограничен: “Наибольшая долговечность государственных организмов, это 1000 или много 1200 с небольшим лет”⁵¹. “Развитие государства сопровождается постоянно выяснением,

---

⁴⁹ Данилевский Н.Я. Горе победителям! С. 159.

⁵⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 75.

⁵¹ Там же. С. 84.

обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей общностью с окружающим”⁵². При этом, “государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частностях, от начала до конца”⁵³. Отказ от самобытности формы государства, общества, нации, как считал К.Н. Леонтьев, неизбежно влечет за собой их гибель.

Выстраивая свою собственную оригинальную концепцию трехстадийного циклического развития человеческих сообществ и культурно-исторических типов, К.Н. Леонтьев отмечал, что в процессе своего развития каждый культурно-исторический тип, как и все уровни онтологической системы, начиная с физического уровня и кончая метафизикой и религией, проходят в своем развитии три периода: 1) период “первичной простоты”; 2) период “цветущей сложности”; 3) период “вторичного упрощения”. Разграничивая и отделяя понятие “развитие” и западноевропейское понимание “прогресса”, К.Н. Леонтьев обращался к античной трактовке данного термина. “Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов... Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности”⁵⁴, — вот в чем состоит истинный смысл развития (прогресса). “Эгалитарный прогресс”, по К.Н. Леонтьеву, есть “не что иное, как процесс разложения, процесс вторичного упрощения целого и смешения составных частей”⁵⁵. Западноевропейские государства и общества, да и в целом весь западноевропейский (романо-германский) культурно-исторический тип, идя по пути эгалитарного прогресса, вступили в период “вторичного упрощения”, фактически исчерпав свой творческий потенциал⁵⁶.

Будущее России К.Н. Леонтьев связывал с охранительной тенденцией по сбережению ее государственного, национального, культурного своеобразия и неповторимости, получивших развитие в концепции “византизма”. В соответствии с данной концепцией, Россия и русский народ являются восприемниками и наследниками Византийской империи: по имперской форме государства, импер-

---

⁵² Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 75.

⁵³ Там же. С. 80.

⁵⁴ Там же. С. 69.

⁵⁵ Там же. С. 76.

⁵⁶ Там же. С. 74.

ской идее и самодержавной форме правления; по религии — православному христианству; по праву — развитию особой национальной системы права. “Византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства”⁵⁷. И в том смысле он полная противоположность западноевропейской концепции эгалитарного прогресса. Изменение принципу “византизма” приведет к гибели России. Продолжая разрабатывать идею Н.Я. Данилевского о создании Славянского Союза государств, К.Н. Леонтьев, в отличие от Н.Я. Данилевского, не придерживался панславистских позиций. Он предлагал отвергнуть принцип объединения славянских народов на основании племенного принципа и взять за основу объединения в Союз принцип византизма, отождествляемый с принадлежностью к православию.

При этом в противоположность Н.Я. Данилевскому, К.Н. Леонтьев не осуществил подробный анализ истории развития отношений России с Англией или этапов их противостояния друг другу. Его больше интересовали цивилизационные аспекты взаимоотношений в целом Запада и России. Он только вскользь и в достаточной степени комплиментарно говорил об Англии, сравнивая ее с Россией: “Есть государства, обреченные историей расти, даже и вопреки себе. Таков был Рим, таковы Англия и Россия”⁵⁸. Мимоходом упоминал о поддержке Россией в противовес Англии “северян” во время Гражданской войны в США, когда Англия поддерживала “южан”⁵⁹, кознях англичан на Балканах, что негативно сказывалось на судьбе христиан на Балканском полуострове⁶⁰. Устами своего героя в рассказе “Египетский голубь” говорил, что налаживание взаимодействия между Россией и Англией положительно скажется на жизни славянских народов на Балканах: “...христианам лучше жить в Турции, когда Россия и Англия заодно. Это согласие подавляющим образом действует на турок. Это общее правило можно применить и к местным условиям: христиане сильнее, когда русское консульство в союзе с английским”⁶¹.

⁵⁷ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 19.

⁵⁸ Леонтьев К.Н. Территориальные отношения // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 158.

⁵⁹ См.: Леонтьев К.Н. Племенная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Избранное. С. 324.

⁶⁰ См.: Леонтьев К.Н. Из жизни христиан в Турции // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 3. СПб., 2001. С. 54.

⁶¹ См.: Леонтьев К.Н. Египетский голубь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 5. СПб., 2003. С. 360.

По ряду позиций с идеями Н.Я. Данилевского перекликались взгляды видного последователя панславизма — военного историка и публициста, генерал-майора **Ростислава Андреевича Фадеева**. Этот мыслитель в ряде своих работ, посвященных анализу Кавказской войны, к сожалению, крайне мало и только фрагментарно акцентировал внимание на роли Англии в ее разжигании и последующем развитии. Рассматривая особенности закрепления России на Кавказе, Р.А. Фадеев отмечал факт отрицания и постоянного оспаривания Англией “самого права нашего (русского — С.Е.) владычества на Кавказе”⁶². Пытаясь остановить закрепление России на Кавказе, англичане активно создавали сами коалиции с разнообразными державами (прежде всего, с Турцией), финансировали сепаратистские движения, враждебные России племена горцев, поставляли им оружие, амуницию, боеприпасы, организовывали и вооружали банды наемников.

“На английские деньги и под турецким покровительством, — писал Р.А. Фадеев, — главными действующими были, разумеется, поляки. Предполагалось даже сформировать польские войска на Кавказском берегу, и с этой целью в 1861 г. был выгружен в Туапсе склад польских национальных мундиров, амуниции и ружей; думали набирать полки из дезертиров поляков Кавказской армии под предводительством прибывших эмигрантов. Однако ж дезертиры не явились; а горцы растащили заготовленные склады: шайки флибустьеров, высаженные на Кавказский берег, таяли и разбегались. Тем не менее все, что можно было задумать зловредного против России, было задумано и отчасти исполнено”⁶³.

После завершения Кавказской войны, осмысляя особенности противостояния России и Англии на азиатских пространствах, Р.А. Фадеев отмечал определенную уязвимость английской позиций в этом регионе, осознание которой (все та же мифическая, на его взгляд, угроза потери своих индийских колоний) и провоцировало англичан на активные русофобские действия в этом и других регионах.

“Относительное могущество европейских государств во всем, что касается азиатских дел, — подчеркивал Р.А. Фадеев, — надо мерить только силой флота и количеством обтерпевшихся боевых войск, с которыми можно предпринять дальний поход в варварскую страну. Флот имеет тут значение лишь как средство соприкосно-

---

⁶² См.: Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 160, 184.

⁶³ Там же. С. 165.

вения между отдаленными странами: Англия и Франция поэтому единственные западноевропейские нации, сильно заинтересованные в азиатском вопросе. Мы не имеем сильного флота, но имеем непосредственное соприкосновение с центрами Азии, вполне его заменяющее. Выгода даже на нашей стороне. Относительное могущество трех держав в решении азиатских дел определяется, стало быть, только численностью войск, приспособленных к дальнему азиатскому походу”⁶⁴.

Между тем, англичане, констатировал Р.А. Фадеев, “вовсе не имеют настоящих походных войск, но делают их такими ценой чрезвычайных пожертвований, обременяя полки нескончаемыми обозами, так что английский солдат в Индии обходится гораздо дороже, чем у нас офицер. При такой стоимости трудно выставить сколько-нибудь значительное войско. Последняя война англичан с Персией явно показала, как трудно им удаляться от моря, до какой степени они слабы в сухопутной кампании. Даже на своей почве, в Индии, в самых серьезных обстоятельствах, они никогда не могли сосредоточить более 12 тыс. англичан; а вне пределов Индии и вне приморских районов даже такая норма будет преувеличенной”⁶⁵.

Р.А. Фадеев негативно оценивает деятельность Англии на азиатских окраинах России, вполне обоснованно квалифицируя ее как угрозу национальной безопасности последней. При этом он писал, что Россия, в целом, “относится к Азии совсем иначе, чем западные народы. Азиатские дела для нас — не роскошь, не прихоть, происходящая от избытка сил, не удовлетворение той или другой исключительной цели, как торговля, политическое влияние и пр.; для нас они — дела русские, обойти которые нам нет никакой возможности. У России, как у Януса, два лица: одно обращено к Европе, другое — к Азии. Мы не создавали себе такого положения, мы родились государством, сросшимся одинаково с Европой и с Азией”⁶⁶.

Совсем иначе, по мнению ученого, складывалась ситуация в отношении Индии у Англии. “Англия владеет Индией потому только, что ей случилось нечаянно захватить эту страну; без Индии она будет все той же Англией, ее острову не грозит ни на волос опасности от каких бы то ни было событий в Азии. Для России же результат перелома, начинающегося на этом материке, составляет жизненный вопрос”⁶⁷, — продолжал Р.А. Фадеев. “Судьба народов, живущих вдоль нашей безмерной южной границы, от Черного моря до Тихого

---

⁶⁴ Фадеев Р.А. Государственный порядок... С. 263.

⁶⁵ Там же. С. 264.

⁶⁶ Там же. С. 290.

⁶⁷ Там же. С. 290.

океана, есть наше личное дело. В своем нынешнем состоянии эти народы не могут иметь значительное влияние на наши дела и сами по себе всегда оставались бы ничтожными; но как спутники чуждого могущества они могут, по своему географическому положению, получить великую для нас важность. По мере того, как падает автономия азиатских государств, державшаяся до сих пор только отчуждением и замкнутостью, европейские влияния приобретают там значение, с которым надобно считаться больше, чем с местными правительствами”⁶⁸.

В этом контексте распространение влияния англичан и французов в Азии являлось фактором, дестабилизирующим ситуацию на границах России. И соответственно закрепление России в Центральной Азии являлось, на его взгляд, вынужденной мерой для противодействия Англии. В то же время поход русских войск в Индию, в отличие от Н.Я. Данилевского, он считал утопическим проектом, осуществить который на практике не представляется возможным.

Еще одним представителем панславизма, сумевшим в своих работах развить идеи Н.Я. Данилевского и осуществить добротный анализ российско-британских взаимоотношений в начале XX в., является, к сожалению, незаслуженно забытый талантливый одесский публицист — *Иван Иванович Дусинский*. В своей работе “Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики” (1910 г.) И.И. Дусинский акцентировал внимание на произошедших к началу века очевидных изменениях в системе геополитических и международных отношений.

Если ранее, на протяжении длительного времени единственным центром мировой политики был Лондон, т.е. Англия, то к концу XIX в., благодаря гению Бисмарка, дарованиям Вильгельма II и его соратников, в Берлине, т.е. в Германии, возник второй, конкурирующий с первым, центр мировой политики⁶⁹. В результате этого англо-германское противостояние-соперничество стало той “осью, вокруг которой вращаются, которою обуславливаются или вызываются все главные мировые события. Германия и Англия по-прежнему остаются двумя полюсами мировой политики, и великий спор между ними, спор за преобладание на мировой арене, еще не решен”⁷⁰.

Из конкурирующих между собой этих центров мировой политики по всему миру в разных направлениях раскинулись “нити мно-

---

⁶⁸ *Фадеев Р.А.* Государственный порядок... С. 290.

⁶⁹ См.: *Дусинский И.И.* Геополитика России. М., 2003. С. 30.

⁷⁰ Там же. С. 30–31.

гочисленных и сложных интриг”⁷¹, опутавших всю земную поверхность, и к настоящему времени, подчеркивал И.И. Дусинский, “едва ли найдется хоть одно мировое событие, которое не стояло бы в известной связи с политикою той или другой великой соперницы”⁷².

К началу XX в. ареной явного и тайного англо-германского соперничества за мировую морскую геополитическую гегемонию, фактически стала вся “обитаемая поверхность суши и судоходная равнина морей и океанов”⁷³. При этом англо-германское противостояние, безусловно, на взгляд И.И. Дусинского, “не исчерпывает всех других международных вопросов, но оно захватывает их и присоединяет к себе. Таким образом, оно постепенно делит мир на два враждующих между собою лагеря, стремления и надежды которых тесно связаны с торжеством Англии или успехом Германии”⁷⁴.

Все более обостряющаяся и затратная для англичан в финансовом плане англо-германская борьба “за власть над морем и связанные с нею великие экономические преимущества”⁷⁵, а также постепенное ухудшение позиций Англии на морских и океанических просторах, диктуют для англичан необходимость “положить этому ухудшению предел и вновь надолго упрочить свое превосходство”⁷⁶, т.е. “самой перейти в наступление и, уничтожив, пока не поздно, флот грозной соперницы, обезопасить себя с ее стороны и свести на нет постоянную угрозу, особенно серьезную в том случае, если бы части флота пришлось выступить для действия вдали от метрополии и тем ослабить ее оборону”⁷⁷.

Однако, «затрудняясь по финансовым и иным соображениям увеличивать во все возрастающей прогрессии свой флот и не имея возможности обеспечить свою безопасность достаточно сильной армией, Англия, в лице короля Эдуарда VII, пришла к заключению о необходимости искать поддержки в военном могуществе других держав. Таким образом, политические успехи Германии в связи с упрочением военного и чрезвычайным ростом морского могущества ее заставили англичан отказаться от своей еще на заре XX века столь превозносимой “splendid isolation” и вступить на путь сближения с другими государствами»⁷⁸.

---

⁷¹ См.: Дусинский И.И. Геополитика России. С. 31.

⁷² Там же. С. 30–31.

⁷³ См.: Там же. С. 31.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См.: Там же. С. 35.

⁷⁶ См.: Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 36.

Исходя из этих обстоятельств, «английская дипломатия стремится группировать вокруг Великобритании три великие державы – Японию, Францию и Россию, тогда как Германия обнаруживает заметное стремление группировать вокруг себя Австро-Венгрию, Италию, Турцию и весь мусульманский мир, а также привлечь на свою сторону Соединенные Штаты и Китай. Более мелкие державы предполагается либо привлечь на сторону одной из групп, либо нейтрализовать, смотря по географическим, политическим или иным соображениям»⁷⁹.

В условиях очевидно приближающегося крупного международного конфликта, проистекающего из неизбежности разрешения англо-германского противостояния за обретение мировой морской геополитической гегемонии, И.И. Дусинский говорил о необходимости осуществления правильной внешней политики России с учетом ее геополитического положения, верного понимания и отстаивания ее стратегических национальных интересов в данную историческую эпоху, а также их осознания лицами, которые ее будут осуществлять.

После тяжелой и неудачной для России русско-японской войны 1904–1905 гг., революционных событий — «бедствий и позора внутренней смуты»⁸⁰, Россия, тем не менее, «не только не пала, но осталась по-прежнему великою державою, с мнением которой державы считаются и добрыми отношениями с которой дорожат»⁸¹. В сложившейся ситуации, когда два мировых центра мировой политики (Англия и Германия) будут стремиться «использовать нашу родину для своих целей и превратить ее в мощное орудие своих стремлений»⁸², основная задача русской внешней политики, по мнению И.И. Дусинского, сводится к тому, чтобы «сделать умелый выбор, соответствующий государственным нашим интересам, и вместе с тем сохранить за собою достаточную самостоятельность и свободу действий для того, чтобы содействие чужим интересам наиболее полным образом сочетать с достижением собственных наших целей. Другими словами, надо, чтобы в предстоящей международной сделке Россия не была обойдена своими противниками или своими друзьями»⁸³.

И хотя, как справедливо отмечал И.И. Дусинский, «к какой группе держав мы бы ни примкнули, наше положение в ней будет

---

⁷⁹ Дусинский И.И. Геополитика России. С. 37.

⁸⁰ См.: Там же.

⁸¹ Там же. С. 37–38.

⁸² Там же. С. 38.

⁸³ Там же.

второстепенное, но смущаться этим несколько не следует, ибо так оно и должно быть в данном случае. Дело в том, что каждая из стоящих во главе основных двух групп держав преследует цели, которые, по крайней мере в данное время, для России не существенны, поэтому вполне естественно, что России нет оснований претендовать на главную роль в любой из этих групп»⁸⁴, образовавшихся между Лондоном и Берлином в их борьбе за морскую геополитическую гегемонию.

“Россия, — констатировал И.И. Дусинский, — держава прежде всего континентальная, сухопутная, не имеющая заморских колоний и обладающая крайне незначительными морскою торговлею и коммерческим флотом. При таких условиях стремиться стать во главе любой из борющихся за морскую гегемонию великодержавных групп было бы просто смешно. Это не значит, разумеется, что могущественная русская держава должна отвернуться от моря и флота и перестать интересоваться им или что занятое ею в отношении Англии или Германии положение должно быть подчиненное: совсем напротив, но это значит, что участие России в той или другой комбинации должно преследовать прежде всего цели русские, а не британские или германские и что, содействуя одной из сторон в достижении поставленной себе ею цели, Россия должна работать в то же время для себя”⁸⁵.

Вслед за Н.Я. Данилевским, И.И. Дусинский весьма критично оценивал внешнеполитический курс российского правительства в отношении западноевропейских держав, за чрезмерные уступки им, необоснованное миролюбие и непонимание своих национальных интересов. «В прошлом, — отмечал он, — Россия слишком часто своей кровью и своим достоянием работала на других, которые потом, по минованию надобности, отплачивали ей за это самой черной неблагодарностью. Этому нас достаточно научила и “традиционно враждебная” Англия, и “традиционно враждебная” Германия, и Австрия, удивившая мир неблагодарностью, и другие державы. Повторения подобных ошибок необходимо избежать хотя в будущее время. В этом должна выразиться государственная мудрость наших правящих сфер»⁸⁶.

При осуществлении анализа геополитического развития Российского государства и его поэтапного территориального роста И.И. Дусинский писал о необходимости осуществления Россией

---

⁸⁴ Дусинский И.И. Геополитика России. С. 38.

⁸⁵ Там же. С. 38–39.

⁸⁶ Там же. С. 39.

последующей территориальной экспансии, исходя из ее стратегических национальных интересов. На его взгляд, “Русский государственный организм еще не достиг своего полного физического развития: его внешний рост еще совершается и должен совершаться, так как прекращение его раньше времени было бы явлением болезненным и вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого уroda”⁸⁷.

Территориальное развитие Российского государства, как считал И.И. Дусинский, однозначно является незавершенным, существует объективная необходимость, “еще некоторого увеличения русской государственной территории. Само собою разумеется, что это увеличение должно быть вполне сознательным, а не случайным и произвольным, оно должно вытекать не из жадности завоеваний, а из желания докончить (именно *докончить*, а не просто продолжать) начатое предками дело государственного строительства. Отсюда следует, что будущий территориальный рост России не должен иметь ничего общего с теми целями, какие мы отнесли к первой группе мотивов территориальных приобретений: чисто завоевательные тенденции и связанная с ними политика приключений должны быть отвергнуты как совершенно не отвечающие национальным и государственным потребностям России”⁸⁸.

Таким образом, по мнению данного исследователя, русская “внешняя политика, в общем мирная и предпочитающая путь дипломатический, не может, тем не менее, увлекаться до самозабвения доктриною *status quo* и должна, в пределах необходимого, сознательно стремиться к желательному в интересах русской державы изменению политической карты как в Европе, так и в Азии”⁸⁹.

При анализе геополитических особенностей англо-германского соперничества И.И. Дусинский пришел к выводу, что не одна только Германия, но и всякая другая сильная континентальная держава, например, Россия, имеющая выход к морю и океану, может, “черпая силы из своей суши, достигнуть власти над морем и значения великой морской державы. И если морскую гегемонию Англии грозит подорвать недостаточность суши, на которую в своей метрополии может опереться английский народно-государственный организм, то ясно, что подобная опасность была бы немислима в отношении более богатой сушею континентальной державы”⁹⁰.

---

⁸⁷ Дусинский И.И. Геополитика России. С. 41.

⁸⁸ Там же. С. 45.

⁸⁹ Там же. С. 48.

⁹⁰ Там же. С. 146.

На основании этого, чтобы сохранить в будущем свой статус великой державы, основной задачей внешней политики России является “проложить себе, в смысле военно-политическом и экономическом, пути к морям, <...> овладеть выходами в океан”⁹¹.

“Мы должны, — отмечал И.И. Дусинский, — сохранить и использовать надлежащим образом имеющиеся у нас непосредственные выходы в океан и занять прочное оборонительное положение на глубоко врезающихся в наш материк внутренних морях – посредством ли приобретения входа в них (как в Черном море) или посредством вполне достаточного и надежного обеспечения нашей береговой линии (как в Балтийском). Наша задача во внутренних морях, таким образом, по существу вполне оборонительная и сводится к обеспечению неприкосновенности суши от влияния господствующих на морях сил. В этом сказывается влияние континентального положения России и выпадающая на ее долю роль континентальной величайшей державы, естественной охранительницы суши от покушений владеющих морем держав. Если же когда-либо нашей родине удастся и самой стать великой морской державой, способной сознательно стремиться к преобладанию не только на европейско-азиатском материке, тогда исходной точкой активной морской политики России станет не одно из европейских внутренних морей, а наше тихоокеанское побережье и, главным образом, столь основательно забытый ныне Петропавловский порт на Камчатке”⁹².

Исходя из вышеизложенного, подводя предварительный итог изучению сущности, особенностей, динамики развития событий “Большой Игры” основоположниками цивилизационного подхода (панславистом Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым), а также другими представителями панславизма (Р.А. Фадеевым и И.И. Дусинским), можно констатировать, что оно осуществлялось ими фрагментарно, прежде всего в рамках исследования цивилизационного противостояния России и Запада. Но если для К.Н. Леонтьева анализ англо-русского противостояния фактически не входил в сферу его научных интересов, то представители панславизма (Н.Я. Данилевский, И.И. Дусинский, в меньшей степени — Р.А. Фадеев) уделяли ему гораздо большее внимание.

Продолжение следует

---

⁹¹ См.: Дусинский И.И. Геополитика России. С. 149.

⁹² Там же. С. 153.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большая Советская Энциклопедия. М., 1971.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
Данилевский Н.Я. Горе победителям! // Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнение к книге “Россия и Европа”. М., 2013.
Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003.
Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.
Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
Леонтьев К.Н. Из жизни христиан в Турции // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 3. СПб., 2001.
Леонтьев К.Н. Египетский голубь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 5. СПб., 2003.
Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

REFERENCE

- Boł'shaya Sovetskaya Ehntsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. M., 1971 (in Russian).
Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe.]. M., 1991 (in Russian).
Danilevskij N.Ya. Gore pobeditelyam! [Woe to the winners!] // Danilevskij N.Ya. Politicheskaya filosofiya. Dopolnenie k knige “Rossiya i Evropa”. M., 2013 (in Russian).
Dusinskij I.I. Geopolitika Rossii [Geopolitics of Russia]. M., 2003 (in Russian).
Elishev S.O. O sushhnosti “sovremennykh revolyutsij” i gosudarstvennykh perevorotov [On the essence of “modern revolutions” and coups d’etat]. M., 2017 (in Russian).
Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Policy. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).
Fadeev R.A. Gosudarstvennyj poryadok. Rossiya i Kavkaz [State order. Russia and the Caucasus]. M., 2010 (in Russian).
Filosofskij ehntsiklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. M., 1989 (in Russian).
Leont'ev K.N. Izbrannoe [Favorites]. M., 1993 (in Russian).
Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo [East, Russia and Slavism]. M., 1996 (in Russian).
Leont'ev K.N. Iz zhizni khristian v Turtsii [From the life of Christians in Turkey] // Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12 t. T. 3. SPb., 2001 (in Russian).
Leont'ev K.N. Egipetskij golub' [Egyptian pigeon] // Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12 t. T. 5. SPb., 2003 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-72-87

ЛЕВ ТИХОМИРОВ И ЕГО ПРОЕКТ “НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕФОРМ”

О.А. Милевский, докт. историч. наук, доц., главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2, г. Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Российская Федерация, 628417*

Необычная политическая судьба Л.А. Тихомирова, проделавшего путь от революционера-народовольца до апологета российской самодержавной монархии, до сих пор привлекает внимание ученых-гуманитариев. Активно изучаются и его монархические идеи, сделавшие его одним из классиков российской консервативной мысли. Причем Л. Тихомиров в своей литературной и общественной деятельности на службе самодержавия проявил себя как настоящий консервативный реформатор, разработавший целую систему, направленную на видоизменение всей российской монархии.

Целью статьи является анализ концепции “национальных реформ”, предлагаемых Л. Тихомировым для преобразования российской власти.

Его предложения включали в себя изменение всей системы вероисповедной политики в духе государственно-церковной симфонии. Всеобъемлющее реформирование социально-сословной политики государства в виде создания своеобразных корпораций для возникших в Российской империи в конце XIX в. новых социальных групп. Возвращение к правильной “управительной политике” страны, в которой не будет засилья бюрократии и партийного политиканства, а в управлении станет использоваться сочетание бюрократических сил с общественными. Его реформаторские проекты включали в себя также предложения по преобразованиям в социально-экономической сфере. В этом вопросе Л. Тихомиров являлся сторонником создания самодостаточной, независимой от влияния внешних факторов экономики — автаркии, развивающейся под эгидой монархического государства, регулирующего все экономические процессы.

В заключении делается вывод о том, что, несмотря на неприятие властью его идей и предложений в полном объеме, некоторые из них не потеряли актуальности и в настоящее время. В их ряду заслуживают быть отмеченными идеи Л. Тихомирова о важности осознания исторического места России в мире, как носительницы самобытной православной культуры. Очень востребованы сегодня и его мысли о своеобразии российского государственно-поли-

---

* Милевский Олег Анатольевич, olegmilevsky@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4613-826X

тического устройства, которые он выводил из особых географо-политических факторов существования нашей страны, а отсюда, на его взгляд, вытекала и невозможность абсолютного копирования западноевропейских правовых, экономических и социальных моделей.

Ключевые слова: Л.А. Тихомиров, монархическая государственность, “национальные реформы”, православие, социальный строй, бюрократия, автаркия.

LEV TIKHOMIROV AND HIS PROJECT OF “NATIONAL REFORMS”

Milevsky Oleg A., Doctor in History, Associate Professor, Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University, st. 50 years of the Komsomol, 10/2, Surgut, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, Russian Federation, 628417, e-mail: olegmilevsky@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4613-826X

The unusual political fate of L.A. Tikhomirov, who went from a revolutionary narodnik and member of Narodnaya Volya to an apologist of the Russian autocratic monarchy, still attracts the attention of humanities scholars. His monarchist ideas, which made him one of the classics of Russian conservative thought, are also actively studied. Moreover, L. Tikhomirov in his literary and public activities in the service of the autocracy showed himself as a true conservative reformer, who developed a whole system aimed at transforming the entire system of the Russian monarchy.

The purpose of the article is to analyze the concept of “national reforms” proposed by L. Tikhomirov for the transformation of Russian government.

His proposals included changes in the entire system of religious policy in the spirit of state-church symphony. Comprehensive reform of the state social and class policy in the form of the creation of peculiar corporations for the new social groups that emerged in the Russian Empire at the end of the 19th century. A return to a proper “governing policy” of the country, where there would be no overpowering bureaucracy and party politicking, and governance would utilize a combination of bureaucratic forces with social forces. His reform projects also included proposals for transformations in the socio-economic sphere. In this matter, L. Tikhomirov was a supporter of the creation of a self-sufficient, independent from the influence of external factors economy — autarky, developing under the aegis of the monarchical state that regulates all economic processes.

The conclusion is that despite the authorities’ rejection of his ideas and proposals in their entirety, some of them have not lost their relevance today. Among them, L. Tikhomirov’s ideas about the importance of realizing Russia’s historical place in the world as a bearer of original Orthodox culture deserve to be noted. His thoughts on the uniqueness of the Russian state-political system, which he deduced from the special geographical and political factors of our country’s existence, and hence, in his opinion, the impossibility of absolute copying of Western European legal, economic and social models.

Key words: L.A. Tikhomirov, monarchical statehood, “national reforms”, Orthodoxy, social order, bureaucracy, autarky.

16 октября 2023 г. исполнилось сто лет со дня смерти Льва Александровича Тихомирова — человека очень непростой личной судьбы и сложной политической биографии. Он вошел в историю российской общественной мысли как личность, совершившая уникальный переход от воспевания идей революционного насилия и насильственного переворота, призванного свергнуть царизм, к идеям охранения самодержавия и защиты традиционной российской государственности в виде все той же самодержавной монархии. Тяжесть и трагизм подобного перехода навсегда отразились в жизни и поступках Тихомирова-монархиста. Недаром лично его знавший В. Маевский, ставший по существу его первым биографом, усматривал в его фигуре черты Ф.М. Достоевского и героев романа “Братья Карамазовы” и с этим трудно не согласиться.

В 1990–2000-х гг. сочинения Тихомирова активно переиздавались, особенно много для этого было сделано издательством “Москва” и лично М.Б. Смолиным¹. Политическая биография Тихомирова так же достаточно хорошо изучена², как и его консервативное наследие³. В научный обиход введена часть его дневников, подготовленных к изданию А.В. Репниковым и Б.С. Котовым⁴. И все же необычность судьбы и интеллектуальная мощь его трудов до сих пор привлекают ученых, открывающих новые грани в его творчестве и общественно-политической деятельности⁵.

Работы Тихомирова, посвященные русской монархической идее, снискали ему славу одного из ведущих идеологов русского консерватизма. Однако консерватизм Тихомирова не был “охранительным” в том контексте, как его понимал, например К.П. Победо-

---

¹ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997; *Он же*. Религиозно-философские основы истории. М., 1997; *Он же*. Апология веры и монархии. М., 1999; *Он же*. Тени прошлого. М., 2000; *Он же*. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003.

² Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004; Начапкин М.Н. Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л.А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение. Екатеринбург, 2007; Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011; Чесноков С.Ю. Лев Тихомиров: ренегат или пророк? Восприятие идейно-политической эволюции покаявшегося революционера в русской культуре. Saarbrücken, 2011.

³ Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Шириняни А.А. Русская социально-политическая мысль XIX–начала XX века: Л.А. Тихомиров. М., 1999; Верецагин В.Ю., Макеев В.В., Понезжин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. Ростов н/Д., 2003; Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

⁴ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008; Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. М., 2015; Дневник Л.А. Тихомирова. 1908–1910 гг. М., 2019.

⁵ Елишев С.О. Имперская государственность — судьба и миссия России. М., 2023.

носцев. В идеях Тихомирова, разбросанных по газетным и журнальным статьям, брошюрам и книгам содержались рецепты не столько “подмораживания” России, сколько ее обновления в духе концепции построения правильно организованной национальной монархии.

Предложения, разрабатываемые Тихомировым в этом направлении можно объединить в некое подобие “национальных реформ”, направленных на корректировку всей системы российской государственности в духе его идеи “этической монархии”. Целью данной статьи и является анализ данной концепции Тихомирова.

Вызревание проекта “национальных реформ”

Над разработкой идеи и предложений по реорганизации системы монархической власти в Империи Тихомиров работал фактически со времени возвращения в Россию в 1889 г. и вплоть до своей отставки с поста редактора-издателя “Московских ведомостей” в конце 1913 г. В конспективной форме большую их часть он сформулировал в своей первой большой работе “Единоличная власть, как принцип государственного строения”, увидевшей свет в 1897 г. Хотя следует отметить, что сама эта книга была принята отнюдь не всеми в консервативном лагере.

Так, очень раздражительно отреагировал на нее Победоносцев. “В разговоре с Г. Филипповым (консервативным журналистом — О.М.), он ругательно ругал и В. Грингмута и меня”, — запишет в своем дневнике Тихомиров. Далее обер-прокурор заявил, что «был у них (в “Московских ведомостях” — О.М.) один человек, Л. Тихомиров, да и тот стал черт знает что писать»⁶. Более того, Победоносцев не удержался и прислал Тихомирову номер газеты, содержащий критику его преобразовательных проектов. Кроме этого, переслал ему, с явным намеком на несвоевременность его реформационных предложений, статью, повествующую о китайском реформаторе Кан Ювэе и провале его “100 дней реформ”, имевших печальные последствия и для судьбы китайского императора Гуансюя.

Столкнувшись со стойким неприятием своих идей и предложений со стороны весьма влиятельных представителей российского “консервативного бомонда” Тихомиров отнюдь не стусевался. Наоборот! Главную слабость своей книги он усматривал как раз в малой разработанности в ней именно положительной, преобразовательной программы. В дневнике он запишет: «“Единоличная власть...” — вещь еще далеко не законченная и конспектив-

---

⁶ ГА РФ. ф. 634. оп. 1. д. 6. л. 172.

ная»⁷. И он решает продолжать работу в данном направлении, еще более сконцентрировав внимание на необходимости обоснования программы по реформированию существующей в стране самодержавно-монархической политической системы.

В результате в более структурированном и конкретизированном виде эти мысли нашли отражение в фундаментальном труде «Монархическая государственность» (1905 г.). Существенное отличие этой работы от «Единоличной власти...» как раз и заключалось в том, что в ней впервые четко ясно и прозвучала целостная программа «национальных реформ», направленная на создание истинного самодержавного строя в Российской империи.

Что же представляла собой преобразовательная программа Тихомирова? Главной ее целью являлось возвращение к истинной самодержавной системе. Тихомиров в числе условий, необходимых для выработки этого «идеального типа» монархии, которым, по его мнению, и являлось самодержавие, называл религиозные, социально-бытовые и внешнеполитические⁸. По его мысли, утрата православного религиозного идеала и разрушение существующей социальной иерархии в России могли способствовать подмене идеала самодержавной монархии абсолютизмом, характеризующимся реальной властью бюрократии, а не монарха.

Союз бюрократии и прозападнически настроенной интеллигенции мог привести к самой худшей форме деспотизма, к превращению русского народа, лишенного православного идеала и прямой связи с монархом, в аморальную, бездуховную толпу, управляемую представителями демократической интеллигенции. Поэтому всеми силами необходимо добиваться господства в умах русских людей идей монархической самодержавной власти — в противовес западным конституционным идеям, которые пропагандируют представители либерально-демократической интеллигенции. Для Тихомирова являлось аксиомой, что монархия всегда стояла над условиями, не являясь выражением интересов только одного или нескольких из них.

Преобразования в вероисповедной сфере

Задачу своей книги Тихомиров усматривал в том, чтобы попытаться создать теорию, которая бы могла повернуть верховную власть на правильный путь развития самодержавной монархии. Главной ее целью являлось возвращение к истинной самодержав-

---

⁷ ГА РФ. ф. 634. оп. 1. д. 6. л. 219.

⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 468.

ной системе в виде “этической монархии”. Ее краеугольным камнем должна была стать разумная вероисповедная политика, основанная на приоритетах православия, неразрывно связывающих самодержавного монарха и народ. Монархия высшего типа, т.е. самодержавие, нуждается для своего сохранения в том, чтобы в нации существовал “абсолютный, нравственный, не подчиненный, не утилитарный, а верховный идеал”⁹, — заключал Тихомиров.

По его мнению, церковь не вправе сливаться с социальным строем, она является институтом надсоциальным. Для оформления правильного церковно-государственного начала необходимо видоизменить всю систему сложившихся государственно-церковных отношений, а именно: есть простые верующие (миряне), есть руководящий слой священников разных степеней, есть высший слой епископов, есть патриарх, но высшая власть должна принадлежать Собору. Для возможного союза государства с церковью монарх обязан позаботиться о том, чтобы церковь “оставалась истинною коллективностью всего своего состава — иерархии, священства и мирян”¹⁰.

Более конкретно реформу церковного управления он представлял в следующем виде: необходимо возобновить созыв Поместных соборов, особых от Святейшего Синода, которому они не подчиняются и которые Синод не может заменить. В самом Святейшем Синоде — произвести разделение функций, ошибочно слитых воедино по вине идеи коллегиальности:

– функции управленческие единолично должен получить в свои руки первоприсутствующий член Синода, т.е. митрополит резиденции государя императора, т.е. права патриаршие, права главного епископа Русской церкви;

– остальной состав Синода сохранит совещательные функции;

– обер-прокуратуре должны быть возвращены функции государственного надзора за делами церковного управления. Сношения Святейшего Синода с верховной властью должны осуществляться первопреставленным митрополитом или патриархом¹¹.

Реорганизация социально-сословной политики

Другой важной составляющей в возводимой им государственной конструкции выступала правильно организованная социально-сословная политика. Фактически Тихомиров находил необходимым переориентировать всю социально-сословную политику

---

⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 465.

¹⁰ Там же. С. 480.

¹¹ Тихомиров Л.А. Запросы жизни и наше церковное управление. М., 1902. С. 42–45.

государства в духе организации и устройства новых социальных групп, которые уже формально сложились и властям требуется их только легитимизировать, санкционировав их право на создание каких-либо общественных объединений. В его понимании это могло пойти только на пользу укрепления истинного монархического строя. В работах второй половины 1890-х гг. у него рефреном звучал призыв к российскому политическому истеблишменту осознать важность, а главное необходимость новой социальной политики. Подобные идеи наиболее ярко им озвучивались в статьях “Сословие журналистов” (1894), “Из современных задач” (1895) и в самой знаковой статье этого периода “Государственность и сословность” (1897).

В рамках реорганизации всего “русского социально-сословного организма” Тихомиров высказывался за жесткую стратификацию общества, выступая против идеи общенародного государства, построенного на бессословном начале. В отличие от своих предшественников в этом вопросе А.Д. Пазухина и К.Н. Леонтьева он более реалистично относился к социально-экономическим изменениям, происходившим в России конца XIX в. и непосредственно отражавшимся на положении различных социальных групп.

Как раз в статье “Государственность и сословность” в противовес предложениям либеральных правоведов им выдвигалась теория модернизированного сословно-корпоративного строя. Тихомиров отказывался следовать традиционному, но явно устаревшему сословному делению русского социума из-за того, что “нации ныне расслоены гораздо сильнее нежели прежде”¹² и, предлагал под социальным строем понимать всю совокупность групп и слоев русского общества, различающихся по социальному, профессиональному, религиозному и другим признакам. Он не видел реальных возможностей вернуться к старому сословному делению и, исходя из сложившихся реалий, полагал необходимым поставить “государство в связь не с прежними, отжившими и почти не существующими сословиями, а с новыми, кипящими жизнью профессиональными группами”¹³.

Такие “естественные классы и естественные группы нации”, организованные в различные корпорации, профессиональные и творческие союзы, земства, различные производственные объединения, и должны были, по его представлениям, стать организующим на-

---

¹² Тихомиров Л.А. Государственность и сословность // Русское обозрение. 1897. № 5. С. 434.

¹³ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1901. С. 127.

чалом правильно устроенного сословного государства. Он также предполагал создание в каждой отрасли обязательной для рабочих, капиталистов, администрации, инженеров организации, “обеспечивающей возможность их постепенного соглашения”. В этом ему виделся путь, способный помочь избежать “классовой борьбы, ведущей к революции, дезорганизации и анархии”¹⁴.

В дальнейшем он эти свои мысли развивал и активно использовал уже в 1900-х гг. при формировании своих предложений для премьера П.А. Столыпина по разрешению рабочего вопроса и устройению рабочего сословия. Именно с позиций реорганизации социально-сословного начала в России Тихомировым приветствовалась крестьянская реформа Столыпина, помимо всего прочего уравнивавшая крестьянство в правах с другими социальными группами населения¹⁵, что, по его мнению, являлось чрезвычайно важным для правильного устройства, по сути, нарождающегося заново крестьянского сословия. Правда, при этом Тихомиров сетовал, что работа в направлении социального устройства крестьянства могла бы вестись более активно. Он подчеркивал, что в промышленности уже организовано свое представительство в виде “Совета съездов представителей промышленности и торговли”, и обращал внимание на то, что “сельские хозяева до сих пор не имеют никакой организации, которая стояла бы на страже их интересов”¹⁶.

На страницах руководимых им тогда “Московских ведомостей” он всячески продвигал дело правильной организации крестьянского сословия, подчеркивая следующее “Для громадного большинства появившихся у нас хуторян подобные союзы представляют необходимое условие существования. Без взаимной помощи и поддержки хуторянам не справиться с новым хозяйственным строем”¹⁷.

Правильная организация крестьянской массы населения, по его мнению, являлась лишней гарантией спокойствия в государстве. В своей газете он предостерегал власти, что “незаинтересованность государства в социальном устройении крестьянства может иметь негативные последствия в виде эволюции землевладения в сторону революционного”¹⁸. Но его предупреждения услышаны не были,

---

¹⁴ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. С. 108–112.

¹⁵ Тихомиров Л.А. В чем разброд? // Московские ведомости. 1909. № 10.

¹⁶ Тихомиров Л.А. Сельскохозяйственное представительство // Московские ведомости. 1909. № 186.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Тихомиров Л.А. Формы землевладения и социальный строй // Московские ведомости. 1910. № 120.

а 5 сентября 1911 г. творец крестьянской реформы Столыпин был убит, что положило конец надеждам Тихомирова на благоприятное разрешение этого вопроса.

Реформа системы монархического управления

Из его идей о реформировании российской социально-словной политики вытекали и предложения о внесении изменений в “управительную политику” страны. Он резко выступал против засилья бюрократии и партийного политиканства и предлагал использовать в управлении сочетание бюрократических сил с общественными.

Соглашался Тихомиров и с возможностью формирования самоуправления, полагая, что самоуправление, т.е. предоставление верховной властью общественным группам права непосредственно решать дела в пределах их компетенции, прямо вытекает из монархической идеи. Он считал, что теория, отрицающая возможность самоуправления при монархии, основана на непонимании основ государственности. Она смешивает верховную власть и правительство, а потому при монархии не допускает в области управления другого принципа, нежели единоличный.

Развивая идею “народного представительства” при монархической форме правления, он указывал, что в этом случае народное представительство есть лишь “орудие общения монарха с национальным духом и интересами”¹⁹. Эта его идея о народном представительстве при самодержавии ничего общего не имела с идеей общенародного представительства, осуществленной в странах с парламентским устройством. Им предлагалось выдвижение делегатов от каждой сословной группы в обществе для контактов с представителем верховной власти, т.е. с монархом. Данный социально-сословный орган мог иметь лишь совещательный статус, а точнее — ему просто предоставляли право высказывать монарху и его окружению свои пожелания относительно лучшего устройства жизни той или иной социальной группы.

Изменения в экономической политике

Концепцию “национальных реформ” Тихомирова невозможно представить и без его предложений по преобразованиям в экономической сфере. Здесь он, отталкиваясь от опыта европейской экономической модернизации, во многом оцениваемой им негативно, полагал, что Россия, как страна “догоняющего развития”, сможет

---

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 575.

при правильной социально-экономической политике, проводимой верховной властью, избежать тех пагубных последствий капитализации общества, с которыми столкнулись передовые европейские страны.

Чтобы избежать негативных социальных последствий развития капитализма, по его мнению, необходимы “государственный надзор и государственное вмешательство”. Только благодаря этому Россия может достичь обеспеченности фабричного населения через развитие в нем собственности, учреждения пенсионов, поддержки семей и т.д. В своих статьях Тихомиров приходил к выводу, что фабрика не только не мешает государству, но, напротив, с нею государство поднимается на новую высоту, общество еще больше спланивается и еще крепче связывается развивающимися государственными учреждениями²⁰.

При этом Тихомиров категорически не соглашался с укоренившимися у некоторых деятелей монархического лагеря взглядами на опасность развития капитализма, выражавшимися в противопоставлении ими земледелия и обрабатывающей промышленности, а в сфере последней мелкого кустарничества — крупному производству²¹. Он утверждал, что “никакие разговоры об исчезающей патриархальности кустарничества, никакие попытки организации артелей... не могли остановить развитие крупной капиталистической промышленности”²².

Дискутируя с ними, он обращал внимание сторонников этого экономического направления на то, что для развития промышленности и сельского хозяйства Россия должна все дальше удаляться от роли международного поставщика сырья, больше внимания уделять развитию своего внутреннего рынка, и как следствие — созданию своей обрабатывающей промышленности. И здесь сильная государственная власть в лице монарха, стоящая над всеми российскими сословиями, являлась бы гарантом соблюдения их интересов, и потому была незаменима.

Идею ориентации на развитие крупной национальной индустрии Тихомиров неизменно увязывал с созданием целостной программы социально-экономических преобразований под эгидой сильной и социально-справедливой монархической власти. В то же время он предостерегал правительство от недооценки обществен-

---

²⁰ Тихомиров Л.А. Нужна ли нам фабрика? // Русское обозрение. 1891. № 1. С. 307–308.

²¹ Тихомиров Л.А. Ответ на статью Каблукова “Общэкономическое значение женских кустарных промыслов” // Русское обозрение. 1896. № 4.

²² Тихомиров Л.А. Нужна ли нам фабрика? С. 288.

но-политических последствий быстрого развития капитализма в Российской империи.

В 1899–1900 гг. Тихомиров выпустил две брошюры, логически вытекающие одна из другой, — “Земля и фабрика” и “Вопросы экономической политики”. В них он концептуально обосновал свои, к тому времени уже сложившиеся, взгляды на пути экономического развития страны. Выступая против мнения ряда экономистов и публицистов, ратующих за наводнение России иностранными капиталами, Тихомиров отстаивал другую модель ее экономического развития.

Его идеалом являлась своеобразная экономическая автаркия, создающая мощное самоудовлетворяющееся производство, практически не зависящее от иностранного капитала и развивающееся под эгидой государства, регулирующего все экономические процессы²³. Он активно высказывался в пользу необходимости развития в первую очередь внутреннего рынка, а для этого необходимо было проводить и определенную социальную политику, направленную на повышение покупательной способности основной массы населения.

Представляется, что разрабатываемые Тихомировым модели экономического развития России оказались во многом близки экономической практике, осуществляемой режимом Б. Муссолини в Италии в 1920–1930-х гг. Это касалось, например, желания видеть более активное участие государства в регулировании экономических процессов. Однако главное, что их объединяло, — эта идея создания самодостаточной, независимой от влияния внешних факторов экономики — автаркии²⁴.

Как уже указывалось выше, Тихомиров негативно относился и к политике, ориентированной на привлечение большого количества иностранного капитала в экономику страны. Он считал, что это вредно для интересов государства, так как “затягивает петлю на шее национального русского труда, все более нарушая необходимое его равновесие”²⁵. Следует особо отметить, что свои экономические построения, ориентированные на автаркию и быстрое развитие внутреннего рынка страны, он ставил в непосредственную связь с усилением роли государства в экономике. Естественно, экономическая политика такого рода оказалась бы невозможной без выработки определенного социально-политического курса, неразрывно связанного с направлением экономическим, потому что проведение

---

²³ Тихомиров Л.А. Земля и фабрика. М., 1899. С. 9.

²⁴ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 190.

²⁵ Тихомиров Л.А. Земля и фабрика. С. 42.

хозяйственных преобразований объединяло воедино интересы разных классов и социальных групп.

Как справедливо полагал Тихомиров, создание емкого внутреннего рынка не могло обойтись, с одной стороны, без активизации фабрично-заводской промышленности, а это приводило к росту рабочего класса, с другой — повышение покупательной способности требовало решения крестьянского вопроса, так как именно крестьянство составляло большинство населения страны, следовательно, и являлось основным покупателем промышленной продукции. Все это увязывало в одно целое как экономические, так и социальные проблемы.

Он исходил из того, что только сильное государство во главе с монархом, наделенным единоличной властью и стоящим над сословиями, могло распутать клубок социально-экономических противоречий, сложившихся в стране. В его программных экономических работах, несомненно, находились вполне разумные, а главное — необходимые экономические предложения. В целом выдвигаемая им социально-экономическая программа шла в пику экономическому курсу, идеологом которого ранее выступал С.Ю. Витте и который во многом стал магистральным направлением для экономического развития Российской империи в начале XX в.

К сожалению Тихомирова, правящий класс так и не прислушался к его рекомендациям и предложениям. Власти предрекающие, включая Столыпина, использовали его идеи только фрагментарно, исходя из политической конъюнктуры. Таким образом, предлагаемый им в 1890–1900-х гг. проект “национальных реформ”, венцом которых должна была стать преобразованная российская самодержавная монархия, так никогда и не был воплощен в жизнь, и сам Тихомиров это отчетливо сознавал.

Свое разочарование правительственной политикой, далекой от реализации его идеала, он не скрывал и периодически весьма нелицеприятно высказывался о ней на страницах редактируемых им с 1909 г. “Московских ведомостей”. В результате чего терял поддержку влиятельных консервативных кругов и оставался “за бортом” большой политики. В конце своей общественно-политической карьеры, уходя с поста редактора-издателя “Московских ведомостей”, Тихомиров 31 декабря 1913 г. опубликовал на страницах этой газеты прощальное послание, одновременно являвшееся и обращением к властям и во многом оказавшееся пророческим.

“Прощаясь с читателями, я должен повторить тот же призыв, добавив, что наша национальная ситуация не только не оказалась

в состоянии улучшения, но и ухудшилась в эти 5 лет”, — писал он. Объясняя причину данного явления, Тихомиров указывал: “В противоположность пяти предшествующим годам, периоду надежды, который вызвал П. Столыпин, в сегодняшнем настроении людей присутствует пугающая инертность. Может быть, мы живем более спокойно. Но это спокойствие безжизненности”²⁶. Далее он высказывался в том духе, что “Россия давно не имеет идеала или великой национальной цели”²⁷. По сути, Тихомиров не столько предостерегал власть и общество от возможных потрясений в недалеком будущем, сколько выносил приговор тому бюрократическому строю, который, как он полагал, пришел на смену самодержавной монархии в России и не дал реализоваться его проектам.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Вся деятельность Тихомирова, монархиста-реформатора, как теоретика, так и практика несомненно ставит его в один ряд с самыми крупными идеологами русской национальной идеи. Со дня выхода его ключевой работы “Монархическая государственность” прошло уже более 100 лет, а некоторые его мысли, высказанные в ней и в других его книгах и статьях, до сих пор не утратили своей значимости.

В их ряду заслуживают быть особо отмеченными, прежде всего, идеи о необходимости возврата к традиционным духовно-нравственным ценностям, которые были всегда присущи русскому народу, а также важности осознания исторического места России в мире, как носительницы самобытной православной культуры.

Весьма своевременны его размышления о своеобразии природы российского государственно-политического устройства, которые он выводил из особых географо-политических факторов существования нашей страны, а отсюда, как он полагал, вытекала и невозможность абсолютного копирования западноевропейских правовых, экономических и социальных моделей.

И наконец, совсем актуально звучат его предложения о необходимости построения развитой самодостаточной экономики. Они абсолютно созвучны мероприятиям, в настоящее время осуществляемым российским правительством и направленным на отход от “сырьевой” и “спекулятивной” экономической модели, привитой Российской Федерации в эпоху “либеральных реформ” 1990-х гг., в сторону создания во всех ключевых сферах промышленности собственной производящей и обрабатывающей базы.

---

²⁶ Тихомиров Л.А. На прощание // Московские Ведомости. 1913. 31 дек.

²⁷ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000.
- Верецагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. Ростов н/Д., 2003.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 6.
- Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг.* / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015.
- Дневник Л.А. Тихомирова. 1908–1910 гг.* / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2019.
- Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг.* / Сост. А.В. Репников. М., 2008.
- Елишев С.О.* Имперская государственность — судьба и миссия России. М., 2023.
- Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Шириняц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров. М., 1999.
- Милевский О.А.* Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004.
- Начапкин М.Н.* Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л.А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение. Екатеринбург, 2007.
- Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014.
- Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.
- Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. М., 1999.
- Тихомиров Л.А.* В чем разброд? // Московские ведомости. 1909. № 10.
- Тихомиров Л.А.* Государственность и сословность // Русское обозрение. 1897. № 5. С. 426–436.
- Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1901.
- Тихомиров Л.А.* Запросы жизни и наше церковное управление. М., 1902.
- Тихомиров Л.А.* Земля и фабрика. М., 1899.
- Тихомиров Л.А.* Критика демократии. М., 1997.
- Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
- Тихомиров Л.А.* На прощание // Московские Ведомости. 1913. 31 дек.
- Тихомиров Л.А.* Нужна ли нам фабрика? // Русское обозрение. 1891. № 1. С. 286–310.
- Тихомиров Л.А.* Ответ на статью Каблукова “Общеэкономическое значение женских кустарных промыслов” // Русское обозрение. 1896. № 4. С. 925–936.
- Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М., 1997.
- Тихомиров Л.А.* Сельскохозяйственное представительство // Московские ведомости. 1909. № 186.
- Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. М., 2000.
- Тихомиров Л.А.* Формы землевладения и социальный строй // Московские ведомости. 1910. № 120.
- Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003.
- Чесноков С.Ю.* Лев Тихомиров: ренегат или пророк? Восприятие идейно-политической эволюции покаявшегося революционера в русской культуре. Saarbrücken, 2011.

REFERENCES

Belousov L.S. Rezhim Mussolini i massy [The regime of Mussolini and the masses]. M., 2000 (in Russian).

Chesnokov S.Ju. Lev Tikhomirov: reneгатiliprrok? Vosprijatie idejno-politicheskoj evoljucii pokajavshegosja revoljucionera v ruskoj kul'ture [Lev Tikhomirov: a renegade or a prophet? Perception of the ideological and political evolution of the repentant Revolutionary in Russian culture]. Saarbrücken, 2011 (in Russian).

Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1905–1907 gg. [The diary of L.A. Tikhomirov. 1905–1907] / Sost. A.V. Repnikov, B.S. Kotov. M., 2015 (in Russian).

Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1908–1910 gg. [The diary of L.A. Tikhomirov. 1908–1910] / Sost. A.V. Repnikov, B.S. Kotov. M., 2019 (in Russian).

Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1915–1917 gg. [The diary of L.A. Tikhomirov. 1915–1917] / Sost. A.V.Repnikov. M., 2008 (in Russian).

Elishev S.O. Imperskaja gosudarstvennost' — sud'ba i missija Rossii [Imperial Statehood — the fate and mission of Russia]. M., 2023 (in Russian).

Ermashov D.V., Prolubnikov A.V., Shirinjanc A.A. Russkaja social'no-politicheskaja mysl' XIX — nachala XX veka: L.A. Tikhomirov [Russian socio-political thought of the XIX — early XX century: L.A. Tikhomirov]. M., 1999 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archives of the Russian Federation (GA RF)]. F. 634. Op. 1. Ed. hr. 6 (in Russian).

Milevsky O.A. Lev Tikhomirov: dve storony odnoj zhizni [Lev Tikhomirov: two sides of the same life]. Barnaul, 2004 (in Russian).

Nachapkin M.N. Maloizvestnye stranicy russkogo konservatizma. L.A. Tikhomirov: zhizn' i mirovozzrenie [Little-known pages of Russian conservatism. L.A. Tikhomirov: life and worldview]. Ekaterinburg, 2007 (in Russian).

Repnikov A.V. Konservativnye modeli rossijskoj gosudarstvennosti [Conservative models of Russian statehood]. M., 2014 (in Russian).

Repnikov A.V., Milevsky O.A. Dve zhizni L'va Tikhomirova [Two lives of Lev Tikhomirov]. M., 2011 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Apologija very i monarhii [The Apology of Faith and Monarchy]. M., 1999 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Cerkovnyj sobor, edinolichnaja vlast' irabochij vopros [The Church Council, sole authority and the working question]. M., 2003 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Edinolichnaj avlast' kak princip gosudarstvennogo stroenija [Sole power as a principle of the state structure]. M., 1901 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Formy zemlevladienija i social'nyj stroj [Forms of land ownership and the social system] // Moskovskie vedomosti. 1910. N 120 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Gosudarstvennost' i soslovnost' [Statehood and class status] // Russkoeobozrenie. 1897. N 5. P. 426–436 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Kritika demokratii [Criticism of democracy]. M., 1997 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Monarhicheskaja gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. SPb., 1992 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Na proshhanie [Good bye] // Moskovskie vedomosti. 1913. 31th of December (in Russian).

Tikhomirov L.A. Nuzhna li nam fabrika? [Do we need a factory] // Russkoe obozrenie. 1891. N 1. P. 286–310 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Otvet na stat'ju Kablukova "Obshhejekonomicheskoe znachenie zhenskikh kustarnyh promyslov" [Response to Kablukov's article "The general economic importance of women's handicrafts"] // Russkoe obozrenie. 1896. N 4. P. 925–936 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Religiozno-filosofskie osnovy istorii [Religious and philosophical foundations of history]. M., 1997 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Sel'skohoziastvennoe predstavitel'stvo [Agricultural representation] // Moskovskie vedomosti. 1909. N 186 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Teni proshlogo [Shadows of the past]. M., 2000 (in Russian).

Tikhomirov L.A. V chem. razbrod? [What is the confusion] // Moskovskie vedomosti. 1909. N 10 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Zaprosy zhizni I nashe cerkovnoe upravlenie [The demands of life and our Church governance]. M., 1902 (in Russian).

Tikhomirov L.A. Zemlja I fabrika [Land and factory]. M., 1899 (in Russian).

Vereshhagin V.Ju., Makeev V.V., Ponezhin M.Ju. Doktrina monarhicheskoy gosudarstvennosti L.A. Tikhomirova [The doctrine of monarchical statehood by L.A. Tikhomirov]. Rostov n/D., 2003 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-88-113

ГУМАНИЗМ ИЛИ КОНСЕРВАТИЗМ?

С.В. Перевезенцев, докт. историч. наук, проф. кафедры истории социально-политологии учений факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, факультет политологии, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

В статье проведен анализ двух важнейших учений в мировой религиозно-философской и общественно-политической мысли — гуманизма и консерватизма. Подчеркивается, что учение гуманизма, возникшее в XIV–XVI вв., изначально противостояло традиционным религиозно-философским учениям европейских народов, прежде всего христианству. Как религиозная философия, гуманизм служил орудием разрушения традиционных обществ и традиционных религий и одновременно играл роль методологической основы для создания идеального общества всеобщей справедливости. В XVI–XIX вв. религиозно-философские установки гуманизма стали методологической базой всех основных религиозных, философских, этических, политических, экономических, эстетических учений западноевропейской цивилизации. Гуманистические установки в этих учениях принимали разные формы — от самых радикальных (марксизм, анархизм) до либеральных и охранительных (гегельянство). Однако в XX — начале XXI в. гуманизм превратился в орудие ведущих, так называемых “цивилизованных” государств, с помощью которого они разрушают неудобные для себя государственные режимы и традиционные ценности народов, не вписывающихся во вновь создаваемый “мировой порядок”. В свою очередь русская мыслительная традиция изначально была традиционалистской и консервативной, более того, русские религиозно-философские учения заметно отличались от учений западноевропейских. В статье показана история рождения и развития русской традиционалистско-консервативной традиции с XI по XXI вв. Делается вывод о том, что в работах современных отечественных исследователей в начале XXI в. были сформулированы основные принципы традиционалистско-консервативной методологии в новых исторических условиях, в которых существует нынешнее человеческое сообщество. Для обозначения подобного рода методологии в современных отечественных социо-гуманитарных науках предложен термин “русское хранительство”. Новое понимание традиционалистско-консервативного подхода к анализу исторического развития человека и общества позволяет отразить и показать цивилизационную специфику России, сложность, многоаспектность и взаимозависимость тех социальных, духовных, религиозных, политических и экономических процессов, которые обусловили

* Перевезенцев Сергей Вячеславович, e-mail: serp1380@yandex.ru

российскую государственность, а также предложить альтернативный, и, что самое важное, — перспективный взгляд на современное состояние и будущее нашего государства и народа.

Ключевые слова: гуманизм, либерализм, коммунизм, “избранное братство”, консерватизм, традиционалистско-консервативная методология, “русское хранительство”.

HUMANISM OR CONSERVATISM?

Perevezentsev Sergey V., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, faculty of politologii, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: serp1380@yandex.ru

The article analyzes two of the most important teachings in the world of religious-philosophical and socio-political thought — humanism and conservatism. It is emphasized that the doctrine of humanism, which arose in the XIV–XVI centuries, initially opposed the traditional religious and philosophical teachings of European peoples, primarily Christianity. As a religious philosophy, humanism served as a tool for the destruction of traditional societies and traditional religions and at the same time served as a methodological basis for creating an ideal society of universal justice. In the XVI–XIX centuries. The religious and philosophical attitudes of humanism have become the methodological basis of all the main religious, philosophical, ethical, political, economic, and aesthetic teachings of Western European civilization. The humanistic attitudes in these teachings took various forms — from the most radical (Marxism, anarchism) to liberal and protective (Hegelianism). However, in the XX — early XXI century, humanism has become a tool of the leading so-called “civilized” states, with which they destroy undesirable state regimes and traditional values of peoples who do not fit into the newly created “world order”. Russian thought tradition, in turn, was initially traditionalist and conservative, moreover, Russian religious and philosophical teachings were markedly different from those of Western European ones. The article shows the history of the birth and development of the Russian traditionalist-conservative tradition from the XI to the XXI centuries. It is concluded that in the works of modern Russian researchers at the beginning of the XXI century, the basic principles of the traditionalist-conservative methodology were formulated in the new historical conditions in which the current human community exists. The term “Russian chranitelstvo” is proposed to designate this kind of methodology in modern Russian socio-humanities. A new understanding of the traditionalist-conservative approach to the analysis of the historical development of man and society makes it possible to reflect and show the civilizational specifics of Russia, the complexity, multidimensional nature and interdependence of those social, spiritual, religious, political and economic processes that determined Russian statehood, as well as to offer an alternative, and, most importantly, a perspective view of the current state and the future of our state and people.

Key words: humanism, liberalism, communism, “chosen brotherhood”, conservatism, traditionalist-conservative methodology, “Russian chranitelstvo”.

I

Как известно, гуманизм, как общеполитическое направление, зародился в конце XIII — начале XIV вв., когда в Западной Европе начался процесс, связанный с изменениями во всех сферах жизни человека — в области философской мысли, в литературе, в области художественного творчества, в научном и религиозном аспектах, в социально-политических представлениях. И изначально гуманизм оказался противоположен традиционному христианскому миропониманию, более того, гуманизм и формировался как учение, отрицающее христианство, призванное заменить его.

Новое миропонимание заключалось прежде всего в том, что мыслители эпохи Возрождения стали совершенно иначе, нежели христианские теологи, относиться к проблеме человека. С конца XIII — начала XIV вв. на смену христианскому теоцентризму приходит возрожденческий антропоцентризм, когда человек, проблемы личности становятся центром и целью всякого познания, мышления в целом. Уже Данте Алигьери (1265–1321) в своем трактате “Пир”, а затем и в знаменитой “Божественной комедии” писал, что “из всех проявлений Божественной мудрости человек — величайшее чудо”¹. В дальнейшем отношение к человеку как к некому чуду, даже как к центру Вселенной вообще, сохраняется и становится определяющим. Поэтому своеобразным девизом, символом эпохи Возрождения можно считать слова, почерпнутые мыслителями этого времени в оккультных произведениях поздней античности (в частности, в сочинениях, приписываемых Гермесу Трисмегисту) и ставшие крайне популярными в XIV–XVI вв.: “Чудо великое есть человек”². В целом же культура и философия гуманизма — это специфическое религиозно-философское учение, призванное заменить собой традиционную христианскую веру в Бога³. В более широком смысле гуманизм, как религиозная философия, — это, прежде всего, орудие разрушения традиционных обществ и традиционных религий, и, во-вторых, методологическая (религиозно-философская) основа создания идеального общества всеобщей справедливости. Как

---

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. М., 1967. С. 181.

² Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Сост., вступ. ст., комм. О.Ф. Кудрявцева. М., 1996; Антология философии Средних Веков и эпохи Возрождения / Сост., вступ. ст., предисл. С.В. Перевезенцева. М., 2001. С. 293–331.

³ В принципе, гуманизм можно характеризовать и как религию человекобожия (обожествление человека). См. об этом: *Перевезенцев С.В. Крах гуманизма // Перевезенцев С.В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. М., 2007. С. 311–329.*

известно, в XVI–XIX вв. религиозно-философские установки гуманизма стали методологической базой всех основных религиозных, философских, этических, политических, экономических, эстетических учений западноевропейской цивилизации. Гуманистические установки в этих учениях принимали разные формы — от самых радикальных (марксизм, анархизм) до либеральных и охранительных (гегельянство).

История гуманизма в России несколько иная. Еще многих советских исследователей господствующая тогда гуманистическая парадигма в исторической науке заставляла искать истоки русского гуманизма в XV–XVI вв., для чего гуманистическими объявлялись неясные еретические учения (например, ересь “жидовствующих”) или какие-то оппозиционные настроения (например, выраженные в сочинениях А.М. Курбского)⁴. Но в реальности ситуация была иной⁵. В XVI–XVII вв. традиционное российское общество, скрепленное православной верой, принимая те или иные западноевропейские технические и бытовые новшества, наотрез отказывалось принимать новшества религиозные. Даже в XVIII в., в жестокое по своей сути петровское реформистское время и в последующее при его наследниках столь же жестокое наступление на традиционные религиозные основы русского народа, гуманистическим идеалам удалось в той или иной степени укрепиться только в сознании части господствующего сословия, практически не затронув широкие народные круги⁶. XIX в. — это вообще век-парадокс. С одной стороны, русские правящие круги стремятся к пусть постепенному,

---

⁴ См. напр.: *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; *Он же.* Духовная культура средневековой России. М., 1996; *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988.

⁵ См. подробнее: *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М., 1998; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998; *Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999; *Плигузов А.И.* Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002; *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002; *Филошкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007; *Талина Г.В.* Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2010; *Каравашкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2011; *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. Монография. М., 2023.

⁶ См.: *Хранители России. Антология.* Т. 2. В поисках нового... консерватизма / Под ред. С.В. Перевезенцева А.А. Ширинянца. М., 2015; *Перевезенцев С.В.* Основные направления русской социально-политической мысли XVIII в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2016. № 3. С. 9–17.

но просвещению народа, основанному в первую очередь на гуманистических принципах. Но, с другой стороны, те же правящие круги жестко противостоят победе этих принципов в политической, социальной, экономической жизни. Более того, российские императоры видели в распространении гуманистических увлечений главную причину роста революционных настроений и, в свою очередь, в распространении революционных движений они видели большую опасность для социальных, политических и государственных основ России, были уверены в том, что революционные идеи и организации могут разрушить установившийся миропорядок. Традиционно осознавая себя защитниками христианства, российские правители видели еще бóльшую опасность в покушениях революционеров на основы христианской веры и Церковь. Поэтому российские императоры считали своей нравственной обязанностью вести борьбу с “европейской революцией”⁷. Иначе говоря, не отрицая пользу гуманистических идей в культуре и образовании, в России в XIX в. всячески “выжигали” те же гуманистические идеи в политике, социальных отношениях, в религиозных настроениях и др. Однако одно без другого, как выясняется невозможно. И XIX век-парадокс в итоге породил еще более парадоксальное в своей трагичности XX столетие.

Что принес гуманизм России? Как известно, по убеждению сторонников гуманизма, гуманистические идеалы должны были заменить собой традиционные ценности российского общества, в первую очередь, православие, общинный характер бытия русского народа, традиционное понимание сути государства и др. Иначе говоря, гуманизм в России выполнял ту же функцию, что и в Западной Европе — разрушение традиционного общества. Но трудность состояла в том, что вторую свою функцию — созидание идеального общества всеобщей справедливости — гуманизм не выполнил, и, главное, не мог выполнить, ибо религия гуманизма не соответствовала базовым, архетипическим ценностям России. Для создания общества, основанного на идеалах гуманизма, нужно было полностью уничтожить традиционную Россию. И если российские императоры еще жалели собственный народ, пытались проводить реформы постепенно, может быть, даже излишне постепенно, то либералы и уж тем более большевики особо не церемонились, по-

---

⁷ См., например: Император Николай Первый / Сост. М.Д. Филин. М., 2002; *Выскочков Л.В.* Николай I. М., 2006; *Боханов А.Н.* Александр III. С Россией на плечах. М., 2013; *Боханов А.Н.* Император Николай II. М., 2021; Николай II. Последний император России: Сб. биографических и библиографических материалов / Сост.: Е.В. Ярошенко, А.А. Ермак. М., 2008.

тому и призывали разрушить старый мир “до основанья”, требовали полностью “переделать” в “коммунистическое человечество” доставшийся им в управление “человеческий материал” методом “пролетарского принуждения”, “начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью”⁸. И в результате торжества радикальной гуманистической философии в России — уничтожение Православной Церкви, уничтожение “бывших” правящих классов (дворянство, буржуазия), уничтожение казачества, уничтожение русского крестьянства и т.д.

Интересно отметить, еще одно, не всегда осознаваемое явление. Речь идет о результатах двух Мировых войн, которые пришлось вести России в XX столетии. Подчеркнем только, что в данном случае необходимо отвлечься от конкретных политических интересов тех или иных деятелей или партий, а рассмотреть тенденцию, направленность развития.

Известно, что с началом Первой мировой войны только большевики (радикальные гуманисты) однозначно призывали к превращению “войны империалистической” в “войну гражданскую”, т.е. отказались от поддержки идеологии защиты Отечества и стремились использовать войну для ускорения решения своих (гуманистических в основе) целей разрушения “царской России” и устройства на ее “обломках” нового идеального коммунистического общества⁹. Другие более или менее влиятельные российские партии, стоящие на позициях либерального гуманизма, вначале заняли позицию “оборончества”. Но уже в августе 1915 г. был создан “Прогрессивный блок”, который повел скрытую борьбу за утверждение гуманистических идеалов в российской действительности — началась подготовка к государственному перевороту, который и свершился в феврале 1917 г.¹⁰ Разрушив традиционную Россию, либеральные гуманисты не смогли удержать власть, и в России утвердились ради-

---

⁸ Именно так писал Н.И. Бухарин в своей работе “Экономика переходного периода”: “Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи” (См.: *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. М., 1920. С. 146).

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. М., 1969. С. 22, 32.

¹⁰ Вишневецки Э. Прогрессивный блок // История России в современной зарубежной науке. 1999. № 2. С. 147–157; Холяев С.В. Влияние масонов на либеральный лагерь в 1917 году // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 173–184; Куликов С.В. Февральская революция спустя сто лет // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 545–559 и др.

кальные гуманисты — большевики. Победа большевиков в октябре 1917 г. привела фактически к поражению России в Первой мировой войне. Следовательно, торжество гуманистической идеологии одновременно привело Россию к поражению в войне и к разрушению традиционного социально-политического строя.

Вторая мировая война начиналась при господстве в СССР идей мировой революции и радикально понимаемых гуманистических ценностей, в системе которых традиционным российским ценностям места не находилось. Однако, как известно, уже во второй половине 1930-х гг., когда перед СССР маячила угроза войны с Германией, руководство ВКП (б) постепенно пересматривает идеологические императивы. И в идеологию вернулись такие понятия, как “защита Отечества”, “великое наследие предков”, рассуждение об исторической миссии русского народа. Начавшаяся война практически сразу же была названа “Великой Отечественной”, а в начале октября 1941 г., когда гитлеровские орды рвались к Москве, И.В. Сталин, по воспоминаниям У.А. Гарримана, представителя президента США Ф. Рузвельта в СССР, имея в виду русских людей, произнес знаменательные слова: “У нас нет сомнений в том, — сказал он, — что они сражаются не за нас (подразумеваю компартию), они сражаются за матушку-Россию”¹¹. В 1942–1943 гг. “идеологический откат” продолжился: в жизни страны возродилась роль Православной Церкви и православной веры. Конечно, подобный “идеологический откат” носил временный и довольно ограниченный характер, ибо руководство ВКП (б) не собиралось отказываться от своих базовых гуманистических ценностей, что и подтвердила послевоенная история¹². Но даже столь неполное и фрагментарное возрождение традиционных российских ценностей стало одним из решающих факторов победы в Великой Отечественной войне. И в этом отношении тенденция несомненна: даже столь осторожное утеснение гуманистических идеалов в области идеологии и возвращение в жизнь советского общества традиционных российских ценностей стало важнейшим фактором победы в войне.

Вывод, который может следовать из исторического опыта двух Мировых войн, как представляется, таков: господство религиозно-философского гуманизма в России приводит ее к поражению в войне, и, наоборот, отказ от гуманистических идеалов, опора на тра-

---

¹¹ «“We are under no illusions that they are fighting for us”, he said, meaning the Communist Party. “They are fighting for Mother Russia”» (*Harriman A. What one tourist found // Peace with Russia? N.Y., 1959*).

¹² См. например: *Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008): М., 2023. С. 198–220.*

диционные ценности обеспечивают России победу. Иначе говоря, торжество гуманизма — это фактор поражения России в войнах.

Но проблема нашего времени, если рассуждать о гуманизме, совсем в другом. На самом-то деле, гуманизм, как религиозно-философский принцип цивилизационного бытия, уже давно умер, ушел в небытие. Это признается уже многими современными политологами, философами, социологами¹³. Вместо этого гуманизм, как идеология, превратился в современном мире в орудие ведущих, так называемых “цивилизованных” государств, с помощью которого они разрушают негодные для себя государственные режимы и традиционные ценности народов, не вписывающихся во вновь создаваемый “мировой порядок”. Иначе говоря, гуманизм является своеобразной дубиной в решении самого широкого круга вопросов в интересах определенных государств и еще более определенных узких финансово-экономических кругов, управляющих ныне миром. В частности, именно либеральные гуманистические идеалы стали идеологической базой разрушения сначала СССР, а затем и России в наше время — в конце XX в.

И парадокс XXI в. состоит в том, что главные защитники гуманистических “общечеловеческих ценностей” и непреклонные борцы за “права человека” во всем мире сами уже давно отказались от пропагандируемых ими идеалов. После терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. правительство США откровенно провозгласило языческий принцип “око за око”, не собираясь останавливаться перед откровенным и даже пропагандируемым на весь мир возможным массовым убийством мирного населения, якобы, с целью уничтожения горстки террористов, используя для этого совершенно ложные предлоги (как в свое время в Югославии, Ираке, Афганистане, сегодня — в Сирии, Йемене, на Украине). Так что, гуманизм как “дубина”, как “политический инструмент”, как

---

¹³ См. подробнее, например: *Видоевич З.* Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 39–49; *Чистов Г.А.* Кризис гуманизма и перспективы развития России // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 9 (142). С. 141–145; *Поломошнов П.А.* Гуманизм и кризис идентичности // KANT. 2018. № 2. С. 202–205; *Челищев В.И.* Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27–49; *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007; *Ковалева С.В., Мастеров Д.В.* Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 12–4 (21). С. 73–77; *Гуторов В.А., Шириняни А.А.* О новом “историческом прочтении” либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398–406; *Гаджиев К.С.* Кризис или закат либерализма? // Власть. 2017. Т. 25. № 3. С. 7–17; *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М., 1996; *Deneen P.J.* Why liberalism failed. New Haven, 2018; и др.

идеологическое прикрытие истинных интересов правящих миром международных элит — он существует и активно используется. Но как философия бытия человечества — гуманизм умер.

Но свято место пусто не бывает. И ныне человечество оказалось перед дилеммой — по какому пути двигаться дальше? В принципе, обобщая все возможные частности и варианты, таких путей два.

Первый, тот, который навязывается сегодня миру международными финансовыми и политическими элитами под прикрытием лозунгов гуманизма, — это философия “избранного братства”. Недаром практически вся мировая элита тесно объединена масонскими узами, а международное масонство (во всех его разновидностях) выступает ныне как важнейший инструмент современной тайной политики.

В практике современной международной политики нет места ни “общечеловеческим ценностям”, ни “правам человека”. А есть только ценности и права “избранного братства”. Ведь гуманизм, несмотря на его разрушительную функцию, в созидательной части подразумевал обеспечение достойного бытия всего человечества. А вот этого новейшему “избранному братству” как раз и не нужно, ибо природных запасов нашей планеты при господстве нынешних технологий и религиозно-политических идеалов не хватит на то, чтобы прокормить многомиллиардное человечество. Именно философия “избранного братства” является методологической базой новейших теорий “глобализации”, “золотого миллиарда”, “трансгуманизма”, “отмены культуры” и многого другого.

Правда, за понятием “новейшие” стоит очень древняя традиция. Известно, что философия “избранного братства” своими корнями уходит в мистические учения, которые разрабатывались с древности многочисленными тайными обществами. Смыслом существования таких обществ во все времена было обладание тайными, сокровенными знаниями, недоступными простым смертным. Эти тайные знания участники тайных обществ обычно получали у неких потаенных сил, чаще всего связанными с понятием зла. Поэтому и объектом поклонения тайных обществ являлись и являются до сих пор тайные божества, которые в христианской традиции принято нарицать собирательным именем — “сатана”. Средством же освоения действительности в тайных обществах были и есть мистические и магические обряды.

Как бы странно это ни выглядело, но мистикой и магией наполнена даже, казалось бы, абсолютно рациональная вещь — экономическая политика, пропагандируемая современным “избранным

братством”. Во-первых, совершенно мистические функции приписываются самой экономике, якобы обеспечивающей процветание народам. Во-вторых, таким понятиям, как “рынок”, “либеральная экономика” приписываются поистине магические свойства, ибо чудесным образом “рынок” и “либеральная экономика” должны спасти от гибели “нецивилизованные” общества. Международными элитами разработан и целый ритуал магической обрядности — те самые рецепты “экономического либерализма” для “нецивилизованных” государств. В итоге, в сегодняшнем мире царит истинный религиозный культ “рынка” и “либеральной экономики”, из которых сотворены настоящие мистические божества-кумиры. А поклонение кумиру — “рынку” — считается обязательным для всех государств, стремящихся стать “цивилизованными”.

Как известно, эти магические рецепты “либерализма” привели не к росту, а к разрушению экономических систем тех государств, которые стали поклоняться “рынку” как кумиру. Но ведь так и задумывалось творцами новой магической обрядности в экономике. Стоит напомнить, что истинные результаты магических обрядов могут быть известны немногим, а именно только тем, кто обладает тайными знаниями. Поэтому магия “либерализма” оказалась в полном смысле этого слова магией: прикрываясь гуманистическим словом “либерализм”, совершив ряд магических обрядовых действий, современное “избранное братство” получило желаемый результат — почти полностью покорило мировое пространство, почти полностью подмяло под себя “нецивилизованный” мир. Хорошо, что “почти”.

Кстати, в массовом порядке осуществляется и идеологическая обработка. Не случайно ведь на рубеже XX–XXI в. во всем мире пышным цветом расцвели астрология, магия, гадания, многообразные секты, включая откровенно сатанинские, пропагандируется философия ЛГБТК+ и гендерная философия, насаждается поклонение эстрадным и спортивным кумирам и так далее и тому подобное. Как представляется, помимо объективных причин (а именно — разочарования в способностях человеческого разума) это массовое наступление мистики и магии, философии “избранничества” и религии “кумирства” на современный мир имеет спровоцированный и организованный характер: человечество приучают, что истинное знание, во-первых, может быть только тайным, и, во-вторых, может быть доступно только немногим.

В чем опасность этой философии? Методологически философия “избранного братства” (также, кстати, как и философия

гуманизма) подразумевает упрощение, унификацию мира, ликвидацию его сложности. Недаром ныне человечеству навязываются общеупотребительная “массовая культура” и общеупотребительная “массовая либеральная экономика”, которые ведут к уничтожению многоцветья национальных культур и экономических укладов. С философской точки зрения всякое упрощение есть движение к небытию, ибо самая простая система — это “ничто”, “небытие”, в котором ничего не существует. Следовательно, философия “избранного братства” ведет к уничтожению (физическому!) большинства человечества в интересах “братьев в сатане”, а в итоге — к уничтожению и самого “избранного братства”. К сожалению, подобный сценарий не есть фантазия или пустая “страшилка”. Он вытекает из всего хода развития человечества в последние триста-пятьсот лет и, особенно, из исторического опыта XX столетия.

II

Но есть и другой путь возможного будущего развития человечества — возрождение традиционных идеалов, традиционных ценностей, традиционных религий, опора на национально-государственные интересы народов мира. Этот путь нашел свое методологическое обоснование в философских учениях, собирательным наименованием которых является понятие “консерватизм” или “философия консерватизма”. Консерватизм — это учение, которое стремится обеспечить устойчивость общества и государства во время социальных бурь, внутреннюю защиту государства и общества от разрушения. В области политики для консерватизма характерен призыв к укреплению церковного влияния в обществе и усилению верховной власти. Сторонники консерватизма считают, что прошедшее не исчезает без следа, но хранится (“консервируется”) для настоящего и для будущего в народных традициях. Поэтому консерваторы выступают критиками и противниками либеральных реформ. Философия консерватизма подразумевает необходимость возрастания сложности мира, ибо только сложные системы способны не просто к выживанию, но и к самовоспроизводству, приспособлению к новым жизненным условиям¹⁴.

---

¹⁴ См.: *Шириянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2006. № 4. С. 69–87; *Он же.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011; *Он же.* “Консерватор”, “консерватизм”, “консервативный” в русской социально-политической мысли XIX века // *Sensus Historiae.* Vol. XX (2015/3). S. 27–35; *Он же.* “Консерватор”: слово и смыслы

Философия консерватизма имеет очень давнюю традицию, в том числе и в России. Русская мыслительная традиция изначально была традиционалистской и консервативной, более того, русские религиозно-философские учения заметно отличались от учений западноевропейских.

Уже в первом русском духовно-политическом и литературно-художественном сочинении “Слово о Законе и Благодати” митрополита Киевского Илариона, созданном в середине XI в., и повествуется о том, насколько велико значение принятия Русью христианской веры. В этом сочинении мы впервые встречаем христианское обоснование смысла земного бытия Русской земли, а значит, того смысла, который вкладывает в бытие Руси сам Господь, ибо все на свете творится по Промыслу Божию. Здесь же представлена развернутая картина смысла, т.е. цели земной жизни всякого человека: спасение после смерти, воскресение и вечная жизнь в Царствии Небесном¹⁵. Затем эти идеи были развиты в сочинениях и подвижнических подвигах большой плеяды отечественных мыслителей¹⁶.

В XV–XVI вв., когда Россия осталась единственной в мире независимой православной страной, впервые было заявлено о важнейшей миссии российской цивилизации в деле спасения человечества — сохранении истинного христианства. Эта идея нашла отражение в нескольких сочинениях, на страницах которых возникли значимые идеалы-образы: “Москва — Новый град Константина”, “Москва — Новый Рим”, “Москва — Новый Иерусалим”, “Россия — Новый Израиль”, “Третий Рим”¹⁷. Своеобразным венцом духовного поиска русских мыслителей XVI в. стал идеал-образ “Святая Русь”, который, судя по всему, впервые появился в одной из рукописей

в русской социально-политической мысли XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 6. С. 112–124; *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М., 2017. С. 61–74; *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* Очерки истории русского хранительства. М., 2021.

¹⁵ “Слово о Законе и Благодати” митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 26–61. (Далее — БЛДР).

¹⁶ См. подробнее: *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. Монография. М., 2023.

¹⁷ См.: Послание на Угру Вассиана Рыло // БЛДР. Т. 7. СПб., 2005. С. 386–399; Сказание о князьях Владимирских // БЛДР. Т. 9. СПб., 2000. С. 278–289; Послания старца Филофея // БЛДР. Т. 9. СПб., 2000. С. 290–305; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. VII. М., 1951; С. 295–296; *Тихонок И.А.* “Изложение пасхалий” московского митрополита Зосимы // Исследование по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. М., 1986. С. 45–61.

Максима Грека, позднее этот же образ использовал А.М. Курбский в “Истории о великом князе московском”¹⁸. Впервые появившись в сочинениях русских книжников в XVI в., идеал-образ “Святая Русь” на протяжении всех последующих столетий оказался важнейшим символом, выражающим основные компоненты национального мировоззрения.

XVIII столетие в интеллектуальном отношении выдалось в России ученическим: мыслители этого времени стремились освоить новые для России, заимствованные из Западной Европы, историко-политические и религиозно-философские методы познания мира и человека¹⁹. Этот ученический этап закончился к началу XIX столетия, когда стало понятно, что западноевропейская ученость без традиционной русской духовности заводит Россию в какие-то сатанинские дебри. Именно поэтому начало XIX столетия по праву считается временем рождения русского консерватизма как своеобразного духовно-политического учения²⁰.

Основателем русского консерватизма по праву считается знаменитый писатель, поэт и историк Н. М. Карамзин, который в 1811 г. в своей записке “О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях” доказывал, что, учитывая природные, географические и исторические условия, наиболее целесообразной формой правления для России может быть только исторически сложившейся политической строй — самодержавие, которое всегда обеспечивало процветание и могущество Российского государства. При этом историк особенно подчеркивал глубочайшую внутреннюю связь самодержавного принципа верховной власти с православной верой и нравственным духом народа²¹.

---

¹⁸ См.: *Дмитриев М.В.* “Святая Русь” и Русь как “Новый Израиль”, Москва — “Третий Рим”: конфессия, *patio* и протонациональные дискурсы в восточнославянских культурах X–XVII вв. // http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/rus_israel.htm); *Курбский А.М.* История великого князя Московского // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 358, 398, 402, 406.

¹⁹ См.: *Перевезенцев С.В.* Российские Вольтеры: Российское просветительство XVIII в. и национальная идея // *Перевезенцев С.В.* Русский выбор: Очерки национального самосознания. М., 2007. С. 175–194.

²⁰ См. подробнее: *Ермашов Д.В.* *Шириняц А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М., 1999; *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм первой четверти XIX в. Воронеж, 2011; *Хранители России.* Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. / Под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Шириняца. М., 2016.

²¹ *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // *Карамзин Н.М.* Избранные труды / Сост., вст. ст. и коммент. А.А. Шириняц; вст. ст. Д.В. Ермашов; коммент. А.И. Шевляков; сост. А.Ю. Старостин. М., 2010. С. 279–348.

В годы правления императора Николая I идея национального призвания государя и государства, врученного ему Богом, становится, по сути дела, смыслообразующей. Искреннее служение императора Николая Павловича Господу и России побудило многих русских мыслителей к размышлениям о судьбе Отечества. Одним из таких мыслителей был С.С. Уваров, который в 1832 г. в записке на имя императора всего в трех словах сформулировал “охранительные начала” Российской империи, “залог силы и величия Отечества”. Так родилась одна из самых знаменитых в истории России формул: “Православие. Самодержавие. Народность”, как идеал, к которому должна была стремиться Российская империя, ибо в этой формуле обозначено триединство веры, власти и народа, но это еще и как краеугольный принцип, на основе которого предполагалось строить всю российскую жизнь²².

Традиционалистско-консервативное направление продолжали те мыслители, которых принято именовать славянофилами: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, П.В. Киреевский, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев и другие. Одна из главных заслуг славянофилов состоит в том, что они возродили в русской общественной мысли идеалы православия и русской самобытной истории. Славянофилы открыто заявили о том, что Россия — это особая цивилизация, которая должна искать собственные пути в мировой истории. Славянофилы вовсе не призывали к возврату в прошлое. Наоборот, они смотрели в будущее. Они надеялись, что России, единственной в мире стране, в будущем предстоит воплотить в жизнь идеал общества, основанного на христианском братстве. Поэтому особое значение славянофилы придавали роли Церкви и православной веры в жизни России. Будучи сами европейски образованными людьми, славянофилы почитали православную веру намного более высоко, нежели всякое европейское знание. Они были уверены, что “учение Святой Православной Церкви” должно “господствовать” над европейским просвещением, придавать ему высший смысл²³.

Учение славянофилов стало важным этапом в развитии русской консервативной мысли. Так, Ю.Ф. Самарин впервые использовал понятие “соборность”, подразумевая под ним свободное духовное

---

²² Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I / Публ. М.М. Шевченко // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 70–72.

²³ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М., 2010. С. 441.

единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви²⁴. В свою очередь А.С. Хомяков, развивая идею “соборности”, одним из первых обосновал положение о том, что Европа и Россия изначально идут разными историческими путями, потому что в основе российской жизни всегда лежали две “соборные” традиции — православная вера и общинное устройство, а, значит, европейские принципы политического, экономического, культурного и духовного устройства, зараженные по мнению Хомякова, стяжательством и индивидуализмом, оказываются губительными для развития России²⁵. К.С. Аксаков видел важнейшую черту политического устройства России в союзе царя-самодержца с народом, представленным широким земским самоуправлением, предложил созвать Земский собор²⁶.

В среде национально мыслящих писателей, литературных критиков и философов немного позднее сложилось еще одно своеобразное литературно-философское и общественно-политическое направление, получившее затем наименование “почвенничество”, связанное с публицистикой Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова. В сочинениях Ф.М. Достоевского впервые появилось понятие “русская идея”, которая, по убеждению мыслителя, носит “общечеловеческий” характер и “будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях”²⁷.

В целом, славянофилов и “почвенников” можно по праву считать идейными предшественниками тех мыслителей, которых принято причислять к русским консерваторам второй половины XIX в.²⁸

---

²⁴ См. об этом: *Лурье В.М.* “Соборность”: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2020. № 1. С. 72–88.

²⁵ *Хомяков А.С.* Письмо к редактору “L’Union Chretienne” о значении слов “кафолический” и “соборный” по поводу речи отца Гагарина, иезуита // *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1886. Т. 2. С. 319–328; *Хомяков А.С.* Еще несколько слов Православного Христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений Латинских и Протестантских о предметах веры // *Хомяков А.С., Киреевский И.В.* Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М., 2010. С. 180–228.

²⁶ См.: Записка К.С. Аксакова “О внутреннем состоянии России”, представленная государю императору Александру II в 1855 г. // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Шириянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М., 2010. С. 227–252.

²⁷ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 35–40.

²⁸ См. об этом: *Васильев А.А.* Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX в. (славянофильство и почвенничество). М., 2011.

Впрочем, сами русские консерваторы зачастую очень резко критиковали славянофилов и почвенников, в которых видели только разновидность русского патриотического либерализма. Яркими представителями русского консерватизма во второй половине XIX столетия были М.Н. Катков, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и др. Нужно сказать, что русский консерватизм во всех своих проявлениях был творческим учением. Но консервативное творчество основывалось на опыте прошлого и было глубоко связано с вековыми традициями²⁹. Многие русские консерваторы внесли серьезный вклад в развитие мировой политической, исторической и философской мысли, как Н.Я. Данилевский, в своей книге “Россия и Европа” разработавший теорию культурно-исторических типов и таким образом фактически создавший целое направление в социально-гуманитарных науках, которое позднее получило именование “цивилизационный подход”³⁰. К.Н. Леонтьев был автором большого числа сочинений, самое знаменитое из которых — “Византизм и славянство”. Леонтьев утверждал, что мир в целом является совокупностью разнообразных народов и культур, и для своего процветания мир обязан сохранять это разнообразие. Поэтому Леонтьев отстаивал необходимость сохранения своеобразия России, которая должна противопоставить Европе свою культуру, основанную на православии и византийских политических принципах³¹. Верность православию Леонтьев хранил и в личной жизни. В 1891 г. он принял тайный монашеский постриг под именем Климента, а свои дни окончил в Троице-Сергиевой Лавре, где и был похоронен. Отдельное место в плеяде русских консерваторов занимает Л.А. Тихомиров, который, преодолев юношеские увлечения революционной борьбой с традиционным политическим строем России, стал одним из ведущих мыслителей и публицистов консервативного направления, создал выдающиеся сочинения “Монархическая государственность” и “Религиозно-философские основы истории”. Л.А. Тихомиров — это первый русский мыслитель, разработавший положительное учение о русской самодержавной государственности и о монархическом принципе власти. Ему же принадлежит и интереснейшая разработка проблем православной историософии — идея всемирной борьбы мировоззрений: дуалисти-

---

²⁹ См. об этом: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; *Емельянов-Лукуьянчиков М.А.* Иерархия радуги. М., 2008; *Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века.* М., 2010; *Смолин М.Б.* Идеология правого консерватизма. М., 2023; и др.

³⁰ См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871.

³¹ *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М., 1876.

ческого и монистического³². В XX в. русский консерватизм получил развитие в сочинениях мыслителей Русского Зарубежья, особенно ярко — в трудах И.А. Ильина и И.Л. Солоневича.

III

Идеи русского консерватизма, забытые, казалось бы, в советских социо-гуманитарных науках в XX столетии, вновь возвратились к жизни в 1990-е — начале 2000-х гг. в работах немалого числа российских ученых. Сегодня консерватизм рассматривается как система взглядов, отстаивающая и охраняющая традиционный церковный, государственный и общественный порядок. Важен и тот факт, что современный консерватизм сближается с традиционализмом до такой степени, что можно говорить о существовании специфического традиционалистско-консервативного подхода.

В основе традиционалистско-консервативного подхода лежит принцип сохранения жизни во всем ее многообразии: не насаждение унифицированных правил существования и мысли, но сохранение мира, как, если несколько перефразировать К.Н. Леонтьева, “цветущей сложности”³³. Традиционалистско-консервативный подход не только обеспечивает гораздо более широкие возможности для сохранения этнического и национального многообразия и свободного выбора народами собственного пути развития, но и позволяет им осуществлять свободный интеллектуальный поиск. Традиционалистско-консервативный подход позволяет выработать комплексную, научно обоснованную методологию, которая ориентирована на поиск характерных для нашей страны особенностей без противопоставления ее другим цивилизациям. Понимание России как самобытной цивилизации позволяет не только подчеркнуть целостность российского исторического феномена, но и показать изменения, происходившие на разных этапах истории страны при сохранении ее цивилизационной сущности.

В работах современных отечественных специалистов на основе этого подхода были сформулированы основные принципы традиционалистско-консервативной методологии в новых исторических условиях, в которых существует нынешнее человеческое сообщество. Для обозначения подобного рода методологии в современных отечественных социо-гуманитарных науках предложен термин

---

³² Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997; Он же. Монархическая государственность. М., 2010.

³³ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 131.

“русское хранительство”³⁴, составляющими принципами которого являются предпочтение традиционных форм общественно-политического развития абстрактным универсальным схемам, признание значимой роли государства в развитии общества, признание традиции важнейшим источником формального права, признание традиционных религий духовным фундаментом общества, признание приоритета общности над индивидом, отстаивание цивилизационной самобытности своего народа (группы народов, близких по своим традициям), признание права на свободное историческое развитие любого народа или цивилизации, признание идеала свободной, нравственно ответственной перед обществом личности.

В рамках методологии “русского хранительства” интерпретация основ российской цивилизации и, в особенности, перспектив и целей развития России существенно отличаются от исследований, построенных на либеральных моделях общественного развития. Новое понимание традиционалистско-консервативного подхода к анализу исторического развития человека и общества позволяет отразить и показать цивилизационную специфику России, сложность, многоаспектность и взаимозависимость тех социальных, духовных, религиозных, политических и экономических процессов, которые обусловили российскую государственность, а также предложить альтернативный, и, что самое важное, — перспективный взгляд на современное состояние и будущее нашего государства и народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002.

Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007.

Антология философии Средних Веков и эпохи Возрождения / Сост., вступ. ст., предисл. С.В. Перевезенцева. М., 2001.

Боханов А.Н. Александр III. С Россией на плечах. М., 2013.

Боханов А.Н. Император Николай II. М., 2021.

---

³⁴ Концепция “русского хранительства” была предложена заведующим кафедрой русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктором философских наук, профессором М.А. Маслиным, разрабатывается заведующим кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктором политических наук, профессором А.А. Ширинянцем, доктором исторических наук, профессором кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова С.В. Перевезенцевым и их учениками. О “русском хранительстве” см., подробнее: *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* Очерки истории русского хранительства: Монография. Ч. I. М., 2021.

- Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. М., 1920.
- Васильев А.А.* Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX в. (славянофильство и почвенничество). М., 2011.
- Видович З.* Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 39–49.
- Вишневски Э.* Прогрессивный блок // История России в современной зарубежной науке. 1999. № 2. С. 147–157.
- Высочков Л.В.* Николай I. М., 2006.
- Гаджиев К.С.* Кризис или закат либерализма? // Власть. 2017. Т. 25. № 3. С. 7–17.
- Гуторов В.А., Ширинянец А.А.* О новом “историческом прочтении” либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398–406.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871.
- Данте Алигьери.* Божественная комедия. М., 1967.
- Дмитриев М.В.* “Святая Русь” и Русь как “Новый Израиль”, Москва — “Третий Рим”: конфессия, *patio* и протонациональные дискурсы в восточнославянских культурах X–XVII вв. URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/rus_israel.htm
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 35–40.
- Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Иерархия радуги. М., 2008.
- Ермашов Д.В., Ширинянец А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М., 1999.
- Записка К.С. Аксакова “О внутреннем состоянии России”, представленная государю императору Александру II в 1855 г.* // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянец, А.В. Мыркова, Е.Б. Фурсова. М., 2010. С. 227–252.
- Император Николай Первый* / Сост. М.Д. Филин. М., 2002.
- Караваешкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2011.
- Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. Избранные труды / Сост., вст. ст. и коммент. А.А. Ширинянец; вст. ст. Д.В. Ермашов; коммент. А.И. Шевляков; сост. А.Ю. Старостин. М., 2010. С. 279–348.
- Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой России. М., 1996.
- Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.
- Ковалева С.В., Мастеров Д.В.* Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 12–4 (21). С. 73–77.
- Кострюков А.А.* Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008). М., 2023.
- Куликов С.В.* Февральская революция спустя сто лет // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 545–559.
- Курбский А.М.* История великого князя Московского // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. С. 310–479.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 26. М., 1969.
- Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М., 1876.
- Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.

Дурье В.М. “Соборность”: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2020. № 1. С. 72–88.

Дурье Я.С. Русские современники Возрождения. Л., 1988.

Минаков А.Ю. Русский консерватизм первой четверти XIX в. Воронеж, 2011.

Николай II. Последний император России: Сб. биографических и библиографических материалов / Сост.: Е.В. Ярошенко, А.А. Ермак. М., 2008.

Перевезенцев С.В. Основные направления русской социально-политической мысли XVIII в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2016. № 3. С. 9–17.

Перевезенцев С.В. Очерки национального самосознания. М., 2007.

Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. Монография. 2-е изд., испр., доп. М., 2023.

Перевезенцев С.В., Шириняц А.А. В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // *Тетради по консерватизму: Альманах*. 2017. № 3. С. 61–74.

Перевезенцев С.В., Шириняц А.А. Очерки истории русского хранительства. М., 2021.

Плигузов А.И. Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.

Поломошинов П.А. Гуманизм и кризис идентичности // *KANT*. 2018. № 2. С. 202–205.

Послание на Угру Вассиана Рыло // *БЛДР*. Т. 7. СПб., 2005. С. 386–399.

Послания старца Филофея // *БЛДР*. Т. 9. СПб., 2000. С. 290–305.

Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. А.А. Френкин. М., 1996.

Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. М., 2010.

Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М., 1998.

Сказание о князьях Владимирских // *БЛДР*. Т. 9. СПб., 2000. С. 278–289.

“Слово о Законе и Благодати” митрополита Киевского Илариона // *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 1. СПб., 1997. С. 26–61.

Смолин М.Б. Идеология правого консерватизма. М., 2023.

Талина Г.В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2010.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2010.

Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.

Тихонюк И.А. “Изложение пасхалий” московского митрополита Зосимы // *Исследование по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.* М., 1986. С. 45–61.

Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // *Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I* / Публ. М.М. Шевченко // *Река времен. Книга истории и культуры*. М., 1995. Кн. 1. С. 70–72.

Флюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.

Холяев С.В. Влияние масонов на либеральный лагерь в 1917 году // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 173–184.

Хомяков А.С. Еще несколько слов Православного Христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений Латинских и Протестантских о предметах веры // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М., 2010. С. 180–228.

Хомяков А.С. Письмо к редактору “L’Union Chretienne” о значении слов “кафолический” и “соборный” по поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1886. Т. 2. С. 319–328.

Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2015.

Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. / Под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М., 2016.

Чаша Гермеса: гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Сост., вступ. ст., комм. О.Ф. Кудрявцева. М., 1996.

Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27–49.

Чистов Г.А. Кризис гуманизма и перспективы развития России // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 9 (142). С. 141–145.

Ширинянец А.А. “Консерватор”, “консерватизм”, “консервативный” в русской социально-политической мысли XIX века // Sensus Historiae. Vol. XX (2015/3). S. 27–35.

Ширинянец А.А. “Консерватор”: слово и смыслы в русской социально-политической мысли XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 6. С. 112–124.

Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.

Ширинянец А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69–87.

Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. VII. М., 1951. С. 295–296.

Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

REFERENCES

Alekseev A.I. Pod znakom konca vremen. Ocherki russkoj religioznosti konca XIV — nachala XVI vv. [Under the sign of the end of times. Essays on Russian religiosity of the late XIV - early XVI centuries]. SPb., 2002 (in Russian).

Amin S. Virus liberalizma: permanetnaya vojna i amerikanizaciya mira [Virus of liberalism: permanent war and Americanization of the world]. M., 2007 (in Russian).

Antologiya filosofii Srednih Vekov i epohi Vozrozhdeniya [Anthology of philosophy of the Middle Ages and the Renaissance] / Sost., vstup. st., predisl. S.V. Pervezeceva. M., 2001 (in Russian).

Bohanov A.N. Aleksandr III. S Rossiej na plechah [Alexander III. With Russia on our shoulders]. M., 2013 (in Russian).

Bohanov A.N. Imperator Nikolaj II [Emperor Nicholas II]. M., 2021 (in Russian).

Buharin N.I. Ekonomika perekhodnogo perioda [Economy in transition]. M., 1920 (in Russian).

Chasha Gemesa: Gumanisticheskaya mysl' epohi Vozrozhdeniya i germeticheskaya tradiciya [Cup of Hermes: Humanistic thought of the Renaissance and the Hermetic tradition] / Sost., vstup. st., komm. O.F. Kudryavceva. M., 1996 (in Russian).

Chelishchev V.I. Liberalizm — neoliberalizm — rynochnyj fundamentalizm: ot koncepcii svobody k totalitarnoj dogme (nachalo) [Liberalism — neoliberalism — market fundamentalism: from the concept of freedom to totalitarian dogma (beginning)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 4. S. 27–49 (in Russian).

Chistov G.A. Krizis gumanizma i perspektivy razvitiya Rossii [The crisis of humanism and prospects for the development of Russia] // Vestnik YUUrGU. 2009. № 9 (142). S. 141–145 (in Russian).

Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa: Vzgljad na kul'turnye i politicheskie ot-nosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Roman]. SPb., 1871 (in Russian).

Dante Alig'eri. Bozhestvennaya komediya [The Divine Comedy]. M., 1967 (in Russian).

Deneen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven, Yale, 2018.

Dmitriev M.V. "Svyataya Rus" i Rus' kak "Novyj Izrail", Moskva — "Tretij Rim": konfessiya, natio i protonacional'nye diskursy v vostochnoslavjanskij kul'turah X–XVII vv. ["Holy Rus" and Rus' as "New Israel", Moscow - "Third Rome": confession, natio and proto-national discourses in East Slavic cultures of the 10th–17th centuries]. URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/rus_israel.htm (in Russian).

Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. [Complete works: In 30 volumes]. L., 1978. T. 18. S. 35–40 (in Russian).

Emel'yanov-Luk'yanchikov M.A. Ierarhiya radugi [Hierarchy of the rainbow]. M., 2008 (in Russian).

Ermashov D.V. *Shirinyanc A.A.* U istokov rossijskogo konservatizma: N.M. Karamzin [At the origins of Russian conservatism: N.M. Karamzin]. M., 1999 (in Russian).

Filyushkin A.I. Andrej Mihajlovich Kurbskij: prosopograficheskoe issledovanie i germeneticheskij kommentarij k poslaniyam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu [Andrei Mikhailovich Kurbsky: prosopographical research and hermeneutical commentary on Andrei Kurbsky's messages to Ivan the Terrible]. SPb., 2007 (in Russian).

Gadzhiev K.S. Krizis ili zakat liberalizma? [Crisis or decline of liberalism?] // Vlast'. 2017. T. 25. N 3. S. 7–17 (in Russian).

Gutorov V.A., Shirinyanc A.A. O novom "istoricheskom prochtenii" liberal'noj tradicii [On the new "historical reading" of the liberal tradition] // Dialog so vremenem. 2021. N 74. S. 398–406 (in Russian).

Harriman A. What One Tourist Found; peace with Russia? N.Y., 1959.

Holyaev S.V. Vliyanie masonov na liberal'nyj lager' v 1917 godu [The influence of the Freemasons on the liberal camp in 1917] // Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2011. N 19 (114). Vyp. 20. S. 173–184 (in Russian).

Homyakov A.S. Eshche neskol'ko slov Pravoslavnogo Hristianina o zapadnyh veroispovedaniyah po povodu raznyh sochinenij Latinskih i Protestantskih o predmetah very [A few more words from an Orthodox Christian about Western faiths regarding various Latin and Protestant writings on objects of faith] // Homyakov A.S., Kireevskij I.V. Izbrannye sochineniya / Sost., avtor vstup. st. i koment. N.I. Cimbaev. M., 2010. S. 180–228 (in Russian).

Homyakov A.S. Pis'mo k redaktoru "L'Union Chretienne" o znachenii slov "kafolicheskiy" i "sobornyy" po povodu rechi otca Gagarina, iezuita [Letter to the editor of "L'Union Chretienne" about the meaning of the words "catholic" and "conciliar" regarding the speech of Father Gagarin, a Jesuit] // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. 3-e izd. M., 1886. T. 2. S. 319–328 (in Russian).

Hraniteli Rossii. Antologiya [Guardians of Russia. Anthology]. T. 2. V poiskah novogo... konservatizma / Pod red. A.A. Shirinyanca, S.V. Perevezenceva. M., 2015 (in Russian).

Hraniteli Rossii. Antologiya [Guardians of Russia. Anthology]. T. 3. Rozhdenie russkogo konservatizma. 1800–1850 gg. / Pod red. A.Yu. Minakova, S.V. Perevezenceva, A.A. Shirinyanca. M., 2016 (in Russian).

Imperator Nikolaj Pervyj [Emperor Nicholas the First] / Sost. M.D. Filin. M., 2002 (in Russian).

Karavashkin A.V. Literaturnyj obyčaj Drevnej Rusi (XI–XVI vv.) [Literary custom of Ancient Rus' (XI–XVI centuries)]. M., 2011 (in Russian).

Karamzin N.M. O drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah [About ancient and new Russia in its political and civil relations] // Karamzin N.M. Izbrannye trudy / Sost., vst. st. i komment. A.A. SHirinyanc; vst. st. D.V. Ermashov; komment. A.I. SHEvlyakov; sost. A.YU. Starostin. M., 2010. S. 279–348 (in Russian).

Klibanov A.I. Duhovnaya kul'tura srednevekovoj Rossii [Spiritual culture of medieval Russia]. M., 1996 (in Russian).

Klibanov A.I. Reformacionnye dvizheniya v Rossii v XIV — pervoj polo-vine XVI v. [Reformation movements in Russia in the 14th - first half of the 16th centuries]. M., 1960 (in Russian).

Kovaleva S.V., Masterov D.V. Liberal'naya ideologiya kak destruktivnyj faktor social'nogo razvitiya [Liberal ideology as a destructive factor of social development] // Evrazijskij Soyuz Uchenyh. 2015. N 12–4 (21). S. 73–77 (in Russian).

Kostryukov A.A. Lekcii po istorii Russkoj Cerkvi (1917–2008) [Lectures on the history of the Russian Church (1917–2008)]. M., 2023 (in Russian).

Kulikov C.V. Fevral'skaya revolyuciya spustya sto let [The February Revolution after a hundred years] // Vestnik SPbGU. Is-toriya. 2017. T. 62. Vyp. 3. S. 545–559 (in Russian).

Kurbckij A.M. Istoriya velikogo knyazya Moskovskogo [History of the Grand Duke of Moscow] // BLDR. SPb., 2001. T. 11. S. S. 310–479 (in Russian).

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Full composition of writings]. T. 26. M., 1969 (in Russian).

- Leont'ev K.N.* Vizantizm i slavyanstvo [Byzantium and Slavism]. M., 1876 (in Russian).
- Leont'ev K.N.* Vostok, Rossiya i Slavyanstvo: Filosofskaya i politicheskaya publicistika. Duhovnaya proza (1872–1891) [East, Russia and Slavism: philosophical and political journalism. Spiritual prose (1872–1891)]. M., 1996 (in Russian).
- Lur'e V.M.* “Sobornost’”: poyavlenie termina i ponyatiya v trudah Psevdo-Homyakova [“Sobornost’”: the appearance of the term and concept in the works of Pseudo-Khomyakov] // *Studia Religiosa Rossica: nauchnyj zhurnal o religii*. 2020. N 1. S. 72–88 (in Russian).
- Lur'e Ya.S.* Russkie sovremenniki Vozrozhdeniya [Russian contemporaries of the Renaissance]. L., 1988 (in Russian).
- Minakov A.YU.* Russkij konservativizm pervoj chetverti XIX v. [Russian conservatism of the first quarter of the 19th century]. Voronezh, 2011 (in Russian).
- Nikolaj II. Poslednij imperator Rossii: Sb. biograficheskikh i bibliograficheskikh materialov [Nicholas II. The Last Emperor of Russia: Sat. biographical and bibliographic materials] / Sost.: E.V. Yaroshenko, A.A. Ermak. M., 2008 (in Russian).
- Perevezencev S.V.* Osnovnye napravleniya russkoj social'no-politicheskoy mysli XVIII v. [The main directions of Russian socio-political thought of the 18th century] // *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2016. N 3. S. 9–17 (in Russian).
- Perevezencev S.V.* Ocherki nacional'nogo samosoznaniya [Essays on national identity]. M., 2007 (in Russian).
- Perevezencev S.V.* Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' X–XVII vv. Osnovnye idei i tendencii razvitiya [Russian religious and philosophical thought of the X–XVII centuries. Basic ideas and development trends]. M., 1999 (in Russian).
- Perevezencev S.V.* Russkie smysly: Duhovno-politicheskie ucheniya Rossii X–XVII vv. v ih istoricheskom razvitii. Monografiya [Russian meanings: Spiritual and political teachings of Russia in the 10th–17th centuries. in their historical development. Monograph]. M., 2023 (in Russian).
- Perevezencev S.V., Shirinyanc A.A.* V poiskah samobytnosti. Ob istokah otechestvennogo nacional-konservativnogo diskursa [In search of identity. On the origins of the domestic national-conservative discourse] // *Tetrad' po konservativizmu: Al'manah*. 2017. N 3. S. 61–74 (in Russian).
- Perevezencev S.V., Shirinyanc A.A.* Ocherki istorii russkogo hranitel'stva [Essays on the history of Russian storage]. M., 2021 (in Russian).
- Pliguzov A.I.* Polemika v Russkoj Cerkvi pervoj treti XVI stoletiya [Polemics in the Russian Church in the first third of the 16th century]. M., 2002 (in Russian).
- Polomoshnov P.A.* Gumanizm i krizis identichnosti [Humanism and identity crisis] // *KANT*. 2018. N 2. S. 202–205 (in Russian).
- Poslanie na Ugru Vassiana Rylo [Message to the Ugra by Vassian Rylo] // *BLDR*. T. 7. SPb., 2005. S. 386–399 (in Russian).
- Poslaniya starca Filofeya [Messages of Elder Philotheus] // *BLDR*. T. 9. SPb., 2000. S. 290–305 (in Russian).
- Repnikov A.V.* Konservativnye koncepcii pereustrojstva Rossii [Conservative concepts for the reconstruction of Russia]. M., 2007 (in Russian).
- Rormozer G.* Krizis liberalizma [The Crisis of Liberalism]. M., 1996 (in Russian).
- Russkij konservativizm sereдины XVIII — nachala XX veka [Russian conservatism of the mid-18th - early 20th centuries]. M., 2010 (in Russian).

Sinicyna N. V. Tretij Rim: istoki i evolyuciya russkoj srednevekovoj koncepcii. (XV—XVI vv.) [Third Rome: origins and evolution of the Russian medieval concept. (XV-XVI centuries)]. M., 1998 (in Russian).

Shirinyanc A.A. “Konservator”, “konservativizm”, “konservativnyj” v rus-skoj social’no-politicheskoj mysli XIX veka [“Conservative”, “conservatism”, “conservative” in Russian socio-political thought of the 19th century] // *Sensus Historiae*. Vol. XX (2015/3). S. 27–35 (in Russian).

Shirinyanc A.A. “Konservator”: slovo i smysly v russkoj social’no-politicheskoj mysli XIX veka [“Conservative”: word and meaning in Russian socio-political thought of the 19th century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2015. N 6. S. 112–124 (in Russian).

Shirinyanc A.A. Nihilizm ili konservativizm? (Russkaya intelligenciya v istorii politiki i mysli) [Nihilism or conservatism? (Russian intelligentsia in the history of politics and thought)]. M., 2011 (in Russian).

Shirinyanc A.A. Hranitel’stvo kak osnovanie konservativnoj politicheskoj kul’tury intelligencii (opyt poreformennoj Rossii): koncepciya russkoj monarhii [Guardianship as the basis of the conservative political culture of the intelligentsia (the experience of post-reform Russia): the concept of the Russian monarchy] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2006. N 4. S. 69–87 (in Russian).

Shmidt S.O. Prodolzhenie Hronografa redakcii 1512 g. [Continuation of the 1512 edition of the Chronograph] // *Istoricheskij arhiv*. T. VII. M., 1951. S. 295–296 (in Russian).

Skazanie o knyaz’yah Vladimirsikh [The Legend of the Princes of Vladimir] // *BLDR*. T. 9. SPb., 2000. S. 278–289 (in Russian).

“Slovo o Zakone i Blagodati” mitropolita Kievskogo Ilariona [“The Word of Law and Grace” by Metropolitan Hilarion of Kyiv] // *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*. T. 1. SPb., 1997. S. 26–61 (in Russian).

Smolin M.B. Ideologiya pravogo konservativizma [The ideology of right-wing conservatism]. M., 2023 (in Russian).

Talina G.V. Vybor puti: Russkoe samoderzhavie vtoroj poloviny XVII — pervoj chetverti XVIII veka [Choosing a path: Russian autocracy of the second half of the 17th - first quarter of the 18th century]. M., 2010 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost’ [Monarchical statehood]. M., 2010 (in Russian).

Tihomirov L.A. Religiozno-filosofskie osnovy istorii [Religious and philosophical foundations of history]. M., 1997 (in Russian).

Tihonyuk I.A. “Izlozhenie paskhalij” moskovskogo mitropolita Zosimy [“Exposition of Paschals” by Moscow Metropolitan Zosima] // *Issledovanie po istochniko-vedeniyu istorii SSSR XIII–XVIII vv.* M., 1986. S. 45–61 (in Russian).

Uvarov S.S. O nekotoryh obshchih nachalah, mogushchih sluzhit’ rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom narodnogo prosveshcheniya [On some general principles that can serve as guidance in the management of the Ministry of Public Education] // *Doklady ministra narodnogo prosveshcheniya S. S. Uvarova imperatoru Nikolaju I* / Publ. M. M. SHEvchenko // *Reka vremen. Kniga istorii i kul’tury*. M., 1995. Kn. 1. S. 70–72 (in Russian).

Vasil’ev A.A. Ocherki istorii russkoj konservativnoj pravovoj mysli v XIX v. (slavyanofil’stvo i pochvennichestvo) [Essays on the history of Russian conservative

legal thought in the 19th century. (Slavophilism and Pochvennichestvo)]. M., 2011 (in Russian).

Vidoevich Z. Liberal'nyj totalitarizm [Liberal totalitarianism] // Sociologicheskie issledovaniya. 2007. N 12. S. 39–49 (in Russian).

Vishnevski E. Progressivnyj blok [Progressive bloc] // Istorija Rossii v sovremennoj zaru-bezhnoj nauke. 1999. N 2. S. 147–157 (in Russian).

Vyskochkov L. V. Nikolaj I [Nikolay I]. M., 2006 (in Russian).

Yurganov A. L. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury [Categories of Russian medieval culture]. M., 1998 (in Russian).

Zapiska K.S. Aksakova “O vnutrennem sostoyanii Rossii”, predstavennaya gosudaryu imperatoru Aleksandru II v 1855 g. [Note from K.S. Aksakov “On the internal state of Russia”, presented to Emperor Alexander II in 1855] // Aksakov K.S., Aksakov I.S. Izbrannye trudy / Sost., avtory vstup. st. i komment. A.A. Shirinyanc, A.V. Myrikova, E.B. Fursova. M., 2010. S. 227–252 (in Russian).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-114-136

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Е.В. Дорцева, старший преподаватель социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена социологическому анализу широкого круга проблем, связанных с феноменом пропаганды, осуществляемой преимущественно в деструктивной форме с целью воздействия на современную российскую молодежь.

Автор соглашается с классиками общественно-политической мысли в том, что “все стороны человеческой жизни пронизывает пропаганда — механизм широкомасштабного распространения идей”, направленный на формирование или изменение представлений об окружающей действительности у широких социальных групп. При этом подчеркивает, что в основе пропаганды часто лежит идеология, но если идеология представляет собой связанную систему идей и представлений, то пропаганда — это активное их распространение в различных, порой достаточно агрессивных формах, рассчитанных на конкретную аудиторию, которой наиболее часто служит молодежь.

В статье констатируется, что после распада СССР, в условиях идеологического вакуума, понятие пропаганды полностью исчезло из отечественного общественного дискурса, поэтому современная молодежь не имеет адекватных представлений о его содержательном наполнении. В подтверждение приводятся результаты социологического опроса, проведенного среди студентов социологического факультета МГУ, которые показали, что в студенческой среде преобладают неверные представления о сути данного феномена.

Автор проводит разграничение между конструктивной и деструктивной пропагандой, к характерным чертам которой относит навязывание определенных взглядов, которые в дальнейшей перспективе должны привести к целям, преследуемым субъектами пропаганды. В их числе — разжигание розни, эскалация социальных конфликтов, обострение социальных противоречий, формирование антигуманистических убеждений, погружение людей в трясины социального зла, конфронтацию друг с другом.

* Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

Преимущественным объектом деструктивной пропаганды является молодежная аудитория с несформированной или деконструированной системой ценностей, не обладающая критичным мышлением или специальными аналитическими навыками, но подверженная при этом эмоциональным, психическим и, особенно, информационным перегрузкам. Важнейшим субъектом деструктивной пропаганды на российскую молодежь традиционно являются идеологи спецслужб иностранных государств и международных организаций, использующие так называемых “агентов влияния” или “иностранных агентов” (в современной терминологии).

В статье детально рассматриваются механизмы, которые применяют субъекты деструктивной пропаганды для формирования желательных им взглядов, ценностей, убеждений у современной российской молодежи. Автор приходит к выводу, что способы и модели деструктивного пропагандистского воздействия претерпели значительные изменения в эпоху становления электронно-цифровой цивилизации. В основе “цифровой” пропаганды лежат характерные черты, отличающие этот специфический коммуникационный процесс, в который все активнее включаются “новые медиа”, пользующиеся огромной популярностью у молодежной аудитории, особенно студенческой.

Ключевые слова: пропаганда, молодежь, деструктивная пропаганда, субъекты деструктивной пропаганды, направления и цели деструктивной пропаганды, этапы пропагандистского воздействия, модель пропагандистского воздействия на молодежь в электронно-цифровую эпоху.

MODERN RUSSIAN YOUTH AS THE TARGET AUDIENCE OF DESTRUCTIVE PROPAGANDA

Dortseva Elena V., Senior Lecturer at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

This article is devoted to the sociological analysis of a wide range of problems related to the phenomenon of propaganda, carried out mainly in a destructive form, in order to influence modern Russian youth.

The author agrees with the classics of socio-political thought that “propaganda permeates all aspects of human life — a mechanism for the large-scale dissemination of ideas” aimed at forming or changing perceptions of the surrounding reality among broad social groups. At the same time, he emphasizes that ideology is often the basis of propaganda, but if ideology is a coherent system of ideas and ideas, then propaganda is their active dissemination in various, sometimes quite aggressive forms, designed for a specific audience, which is most often served by young people.

The article states that after the collapse of the USSR, in the conditions of an ideological vacuum, the concept of propaganda completely disappeared from the domestic public discourse, therefore, modern youth does not have adequate ideas about its content. In confirmation, the results of a sociological survey conducted among students of the Faculty of Sociology of Moscow State University are presented, which showed that misconceptions about the essence of this phenomenon prevail among students.

The author draws a distinction between constructive and destructive propaganda, the characteristic features of which include the imposition of certain views, which in the future should lead to the goals pursued by the subjects of propaganda. These include incitement to discord, escalation of social conflicts, aggravation of social contradictions, formation of anti-humanistic beliefs, plunging people into the quagmire of social evil, confrontation with each other.

The predominant object of destructive propaganda is a youth audience with an unformed or deconstructed value system that does not have critical thinking or special analytical skills, but is subject to emotional, mental and, especially, information overload. The most important subject of destructive propaganda against Russian youth has traditionally been the ideologists of the special services of foreign states and international organizations using so-called “agents of influence” or “foreign agents” (in modern terminology).

The article examines in detail the mechanisms used by the subjects of destructive propaganda to form the views, values, and beliefs desired by them among modern Russian youth. The author concludes that the methods and models of destructive propaganda influence have undergone significant changes in the era of the formation of electronic and digital civilization. At the heart of “digital” propaganda are the characteristic features that distinguish this specific communication process, in which “new media” are increasingly being included, which are very popular with young people, especially students.

Key words: *propaganda, youth, destructive propaganda, subjects of destructive propaganda, directions and goals of destructive propaganda, stages of propaganda influence, model of propaganda influence on youth in the electronic-digital era.*

Классики общественно-политической мысли утверждали, что “все стороны человеческой жизни пронизывает пропаганда — механизм широкомасштабного распространения идей”¹, направленный на формирование и/или изменение представлений об окружающей действительности у широких социальных групп. Важно отметить, что идея — нейтральный общенаучный термин, применяемый для характеристики особой формы мышления, отличающей научное познание. “От других форм мышления и научного знания (например, теории) идея отличается тем, что в ней не только отражен объект изучения, но и содержится сознание цели, перспективы познания и практического преобразования действительности”². В систематизированном виде идеи могут составлять фундамент как научно обоснованной теории, так и конкретной идеологической доктрины или идеологии.

В широкой трактовке идеология — “система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения

---

¹ Бернейс Э. Пропаганда. СПб., 2023. С. 21.

² Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Ч. 1. М., 2019. С. 28.

людей к действительности”³. В общенаучном и философском смысле идеология — “система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрения и идеалы различных субъектов политики — классов, наций, общества, политических партий, общественных движений — и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти, или радикального их преобразования”⁴.

Идеология, определяя цели политики, формулирует ориентиры политической деятельности, осуществляет выбор средств их реализации, мобилизует широкие слои населения для участия в политическом процессе с помощью пропаганды. Но если идеология представляет собой относительно связную систему идей и представлений, то пропаганда осуществляет активное распространение их содержания в различных, порой в достаточно амбициозных, догматизированных и агрессивных формах. Пропаганда — это “*война (курсив наш — Е.Д.)* идей по поводу идей”⁵, заключал выдающийся теоретик пропаганды Г. Лассуэлл.

В основе пропаганды, как правило, лежит определенная идеологическая доктрина (либерализм, социализм, консерватизм и т.п.), которая задает общий тон ее содержанию, а основным методом является убеждение, поскольку именно убеждения, в том числе и социально приемлемые в определенном обществе, формируют основу мировоззрения, — его “истинную веру”⁶ в правильность выбранного жизненного пути и направляют дальнейшее поведение человека уже независимо от того, находится он под непосредственным влиянием пропаганды или нет.

Следует отметить, что в СССР пропаганда выступала важнейшим элементом политического процесса, механизм поддержания государственной, социалистической, идеологии и соответствующей ей социалистической системы, а также социального порядка, норм и ценностей советского общества. Соответственно ею занимался широкий круг специально подготовленных людей — пропагандистов, задействовавших мощнейший арсенал доступных в то время средств⁷. После распада СССР в условиях идеологического ва-

---

³ Краткая российская энциклопедия. М., 2004. С. 995.

⁴ Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 81.

⁵ Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне / Сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2021. С. 57.

⁶ Смотри об этом: Хоффер Э. Истинноверующий. М., 2004.

⁷ См. подробнее: Иванов В.Н. Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 18–23.

куума понятие пропаганды полностью исчезло из отечественного общественного дискурса, поэтому неудивительно, что современная молодежь не имеет адекватных представлений о его смысле и содержании.

В данной связи интерес представляют результаты социологического исследования, проведенного среди студентов социологического факультета МГУ в феврале 2024 г.⁸, которые показали, что в студенческой среде преобладают неверные представления о сути феномена пропаганды.

Так, практически четверть студентов на просьбу дать определение понятию “пропаганда”, ключевым для этого определения понятия сочли слово “навязывание”, которое сопроводили различного рода дополнениями. Например, под пропагандой понималось:

- навязывание идеалов, определенных стереотипов с помощью активной информационной повестки;
- навязывание в явной или скрытой форме ценностей и установок с целью привлечения к определенной позиции своей аудитории;
- навязывание определенных ценностей с помощью всех доступных источников информации;
- открытое навязывание определенной точки зрения на большую массу, с использованием манипулятивных средств;
- навязывание определенных взглядов или идеологии с использованием идеологических приемов зачастую по политическим мотивам;
- публичное навязывание каких-либо ценностей, мнений и убеждений;
- действия СМИ, направленные на навязывание населению своей точки зрения по поводу актуальных вопросов;
- навязывание определенной точки зрения, системы взглядов и воззрений обществу, имеющее свою определенную цель.

Достаточное число студентов отождествляют пропаганду с манипулированием и не осознают, что это совершенно различные по своей природе феномены. С их точки зрения, пропаганда — это:

- манипулирование информацией в соответствии со своими целями;
- умышленный упор, преувеличение каких-то фактов с идеологической или политической целью для создания необходимого мнения, статуса;

---

⁸ Исследование было проведено методом стандартизированного интервью среди 42 студентов бакалавриата (48%) и магистратуры (52%). Возраст 36% опрошенных находился в интервале 17–18 лет, 52% от 19 до 22 лет, 12% — от 23 до 26 лет.

- продвижение идеи, идеологии, культурного пласта при помощи инструментов убеждения и манипулирования;
- информация, подаваемая массам с целью продвижения определенной точки зрения и манипулирования;
- манипуляция с целью достижения интересов определенной группы людей;
- намеренное внушение своих взглядов другому человеку, вне зависимости от его желания воспринимать иной взгляд.

На самом деле манипулированием является “деятельность организаций и отдельных лиц, целью которой служит скрытое воздействие на людей, подчинение их своим (экономическим, политическим или специфическим частным) интересам”⁹. Манипулирование обычно преследует кратковременные цели (привлечь, завлечь, получить желаемое, обмануть), соответственно манипулятивное воздействие имеет более кратковременный, хотя и весьма ощутимый социально отрицательный эффект.

Пропаганда же представляет собой длительный и целенаправленный коммуникативный процесс передачи конкретной аудитории с помощью специфических средств и методов специальной информации, способной оказать воздействие на ее мнение, установки, а в конечном счете — на мировоззрение и последующее поведение, но, как правило, далеко не всегда вопреки их интересам.

Некоторые студенты считают пропаганду синонимом агитации, утверждая, что пропаганда — “агитация и призыв к чему-либо”; “агитация с негативным оттенком”, “терроризм сознания”. Однако агитация (от лат. *agitatio* — “приведение в движение”) — “деятельность, направленная на побуждение к действию, политическую активность отдельного человека, групп, слоев населения; один из распространенных способов и механизмов политической борьбы, который может использоваться лишь как составляющая манипулятивного или пропагандистского воздействия”¹⁰.

Ряд студентов под пропагандой понимают откровенную ложь. Согласно их точке зрения, пропаганда — “привлечение на свою сторону с помощью убеждения и неправдивой информации”, “активное распространение различных взглядов, идей, ориентацией на большую или малую группу людей с целью формирования ложного представления”, “распространение идеи, которая может быть заведомо ложной”. Некоторые опрошенные, считая пропаганду “орудием

⁹ *Осипова Н.Г.* Механизмы социального манипулирования с помощью коммуникативных технологий // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. трудов. Вып. 2. М., 2018. С. 36.

¹⁰ *Елишев С.О.* Социальное манипулирование молодёжью. М., 2019. С. 41.

правлящей элиты”, утверждают, что она представляет собой “трансляцию мнения правящей элиты, которая должна вызывать сомнение”, “информационное воздействие, ставящее своей целью внедрить в сознание реципиента взгляды, идеи, паттерны поведения, необходимые центру пропаганды”, “насаждение определенной информации, которая выгодна каким-либо лицам или организациям”.

Таким образом, конкретные попытки студентов дать определение понятию пропаганда показали, что они в известной степени искажают суть этого, в целом нейтрального феномена, придавая ему сугубо негативный оттенок. При этом подавляющее большинство опрошенных (86%) на вопрос “Сталкивались ли Вы с такими явлениями как пропаганда и контрпропаганда?” ответили, что “да, сталкивались с такими явлениями”, а 14% — что “нет”.

Пропаганда — это социально-политический феномен и одновременно специфическая разновидность социального коммуникативного процесса, главной особенностью которой является “способность воздействовать”. Задачей пропаганды является “распространение и внушение взглядов, идей, мнений с целью позитивно или негативно настроить аудиторию (любого состава — от нескольких человек до масс и даже общества в целом) и стимулировать ее реакции в желательном направлении”¹¹. Важно подчеркнуть, что по своей сути пропаганда также является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений (сообщений), имеющих заданную интерпретацию¹². Пропаганда всегда основывается на реальных событиях, она лишь преобразовывает и интерпретирует реальную информацию, исходя из целей заинтересованного субъекта.

Следует отметить, что примерно четверть опрошенных все же попытались дать нейтральную, хотя и достаточно размытую трактовку данному феномену. Так, по их мнению, понятие “пропаганда” можно определить как:

- осознанную деятельность, направленную на продвижение и популяризацию какого-либо социального феномена, политического режима и т.д.;
- распространение любой информации с целью повлиять на чье-либо мнение;
- инструмент формирования общественного мнения и управления им;

---

¹¹ Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. III. С. 366.

¹² См. подробнее: *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981.

- целенаправленную трансляцию информации, которая содержит определенные характерные черты;
- освещение, распространение и агитацию определенных идей, поддержки определенных социальных и политических движений;
- влияние на сознание человека посредством лозунгов и т.д.;
- использование информационных ресурсов с целью убеждения массовой аудитории в правильности определенного мировоззрения, точки зрения.

На наш взгляд, во многом данная тенденция обусловлена тем, что современные подходы к классификации типов пропаганды неоднозначные и достаточно дискуссионные. Ряд из них проводит разграничение пропаганды по единственному критерию, например по источнику информации — на белую, серую и черную, что в известной степени является “достоянием прошлого”. В то же время продуктивным и соответствующим современным реалиям представляется разделение пропаганды на конструктивную и деструктивную.

Конструктивная пропаганда основана на интересах объекта пропаганды, а не только пропагандиста и реализуется с помощью двух функций: воспитательной и информативной и не преследует цели манипулирования сознанием индивидов. Как правило она направлена на обеспечение стабильности в обществе, укрепление социальной гармонии, утверждение гуманистических убеждений в людях, формирование социально значимых качеств, объединение их вокруг общепризнанных ценностей. При конструктивной пропаганде “те или иные убеждения доводятся до адресата ясно, с целью развития социального согласия и воспитания в рамках общепринятых норм и ценностей, она действует в интересах адресата, выполняя воспитательную и информационную функции”¹³.

Деструктивная пропаганда навязывает определенные взгляды, которые в дальнейшей перспективе должны привести к целям, преследуемым субъектами пропаганды. Пропаганда деструктивна, если “связана с разжиганием розни, эскалацией социальных конфликтов, обострением социальных противоречий, формированием антигуманистических убеждений, погружением людей в трясину социального зла, конфронтацией друг с другом и аналогичными бесчеловечными интересами”¹⁴. Деструктивная пропаганда нацелена на “разжигание всевозможной социальной вражды, обостре-

---

¹³ Рустамов Р.Р., Тураева С.Х. Виды пропаганды, ее цели и задачи // Международный журнал “Вестник науки”. 2020. № 11 (32). Т. 5. С. 58–63.

¹⁴ Там же.

ние социальных конфликтов, содействие пробуждению противоречий в обществе и низменных инстинктов у людей, а также их разобщение”¹⁵. Основная ее функция — «создание мнимой иллюзорной, параллельной реальности с “перевернутой” системой убеждений, ценностей и взглядов»¹⁶. Так, “она стремится всесторонне критиковать неприемлемую для нее социальную систему, образ жизни, идеологию, систему ценностей, найти ее слабые места, представить существующие проблемы как необходимое следствие этой социальной системы”¹⁷.

В данной связи, если исходить из различий между обозначенными видами пропаганды, неудивительными представляются проанализированные выше определения студентов, поскольку очевидно, что они чаще сталкивались, хотя и не осознавали это, с пропагандой именно деструктивного толка. Так, анализ ответов на вопрос “Приходилось ли Вам за последний год видеть в интернете сообщения, призывающие к опасному или противоправному поведению?” показал, что значительная часть опрошенных (40%) ответили “да, вижу такую информацию иногда, время от времени”, а 2% — “вижу такую информацию постоянно (регулярно)”. При этом 5% затруднились с ответом.

Известно, что объектом деструктивной пропаганды являются широкие массы — аудитория с несформированной или деконструированной системой ценностей, не обладающая критичным мышлением или специальными аналитическими навыками, но подверженная при этом эмоциональным, психическим и, особенно, информационным перегрузкам. Чаще всего подобная аудитория представлена молодежью — “социально-демографической группой, выделяемой на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей”¹⁸.

Согласно Федеральному закону РФ “О молодежной политике в Российской Федерации”, “молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи

---

¹⁵ Патрухина Т.Н., Шламова Д.А. Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 305–306.

¹⁶ Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М., 2000. С. 100–101.

¹⁷ См. подробнее: Рустамов Р.Р., Тураева С.Х. Виды пропаганды, ее цели и задачи.

¹⁸ Чупров В.И. Молодёжь // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, уч. секр. О.Е. Чернощек. М., 2010. С. 265.

б настоящего Федерального закона)¹⁹, имеющих гражданство Российской Федерации”²⁰.

В социологии молодежью считают “социально-демографическую группу, выделяемую на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей”²¹. При этом многие специфические социальные и психологические черты, которыми обладает молодежь, определяются как возрастными особенностями молодых людей, так и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находятся в состоянии становления.

Несмотря на некоторые юридические коллизии в отношении данного понятия, связанные с новой редакцией Федерального закона “О молодежной политике”, в социологии к молодежи традиционно относят молодых людей в возрасте 16–30 лет²². Относительно однородную и по возрасту, и по социальным характеристикам часть молодежи составляют учащиеся общеобразовательных учебных заведений и студенты, основным видом деятельности которых, определяющим все существенные черты их образа жизни, является учеба.

Как отмечают Н.Г. Осипова и С.О. Елишев, “молодежь выделяется из других категорий населения на основе обусловленной возрастом совокупности характеристик и особенностей социального положения, места и функций в социальной структуре общества. С точки зрения интеграционного подхода, молодежь — это социально-демографическая группа (поколение людей в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет), находящаяся в своем развитии на стадии становления и обретения социальной зрелости, а именно — в процессе усвоения основных социальных ролей и функций, выбора жизненного пути, самоопределения, самоидентификации и осознания своих ценностей и интересов, своего места в мире. В силу этого положение молодежи в обществе всегда было и будет нестабильным, переходным, обусловленным специфическими возрастными,

---

¹⁹ Согласно ч. 3 ст. 6 данного закона “При установлении мер поддержки отдельным категориям молодых граждан, молодых семей, молодых специалистов, может устанавливаться иной максимальный возраст, <...> но не менее 35 лет включительно” (О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25 декабря 2020 г. // Российская газета. 2021. 11 янв. № 1 (8352)).

²⁰ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25 декабря 2020 г. Ст. 2.

²¹ Чупров В.И. Молодёжь. С. 265.

²² Филиппов Ф.Р. Молодежь // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 297.

социальными и психологическими характеристиками, а также историческими, социально-экономическими, политическими и ситуационными факторами”²³.

Обозначенные особенности молодежи являлись очень привлекательными для деструктивного воздействия на молодежь со стороны различного рода субъектов в отдельные периоды российской истории. И если “основными субъектами манипулятивного воздействия на молодежь являются отдельные личности и олигархические структуры, политические партии и движения, а также общественные объединения и НКО, тоталитарные религиозные секты и деструктивные культы”²⁴, то важнейшим субъектом деструктивной пропаганды на российскую молодежь традиционно выступают идеологи спецслужб иностранных государств и международных организаций, часто в лице так называемых “агентов влияния”, а в современной терминологии — иностранных агентов.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона “О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием”, «под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 настоящего Федерального закона. Иностранным агентом может быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового (далее — лица).

В статье 4 данного закона к видам деятельности иностранного агента, в частности, относятся политическая деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, *распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов (курсив наш — Е.Д.)*, иные виды деятельности, установленные настоящей статьей.

Среди форм политической деятельности, обозначенных в пункте 5 статьи 1 закона, непосредственно связаны с деструктивной пропагандой:

---

²³ *Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук. М., 2022. С. 4–5.

²⁴ *Елишев С.О.* Социальное манипулирование молодёжью. М., 2019. С. 94.

– участие в организации и проведении публичных мероприятий в форме собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований либо в различных сочетаниях этих форм, организации и проведении публичных дебатов, дискуссий, выступлений;

– распространение, в том числе с использованием современных информационных технологий, мнений о принимаемых органами публичной власти решениях и проводимой ими политике;

– формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения опросов общественного мнения и обнародования их результатов или проведения иных социологических исследований.

К видам деятельности, указанным в части 1 статьи 1 настоящего Федерального закона, относятся, в том числе распространение предназначенных для неограниченного круга лиц печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов (в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”), и (или) участие в создании указанных сообщений и материалов»²⁵.

В свое время для идеологического противоборства с имперской Россией, а затем — Советским Союзом западные государства создали огромную пропагандистскую машину, которая до сих пор активно использует изощренные технические средства, диверсионные и психологические приемы, с целью “разнообразить политику акцента на молодежь”²⁶. Основными постоянными задачами субъектов деструктивной пропаганды являются моральное разложение и идейное разоружение молодого поколения, стимулирование общественной пассивности молодежи, формирование индифферентного отношения к высшим социальным ценностям, внедрение иждивенческих настроений и потребительских установок. Как отмечал отечественный социолог Н.М. Блинов, “именно эта часть молодежи в силу ее социальной незрелости, неразвитости политического мышления, привычки к потреблению результатов чужого труда, ориентации на досуг, игровую деятельность, только складывающейся системы мировоззренческих взглядов была и остается основной целевой аудиторией буржуазной, (*а сегодня — деструктивной — Е.Д.*) пропаганды”²⁷.

---

²⁵ О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон № 255-ФЗ от 14.07.2022 // Российская газета. 2022. 19.07. URL: <https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html> (в последней редакции).

²⁶ Блинов Н.М. Контр-пропаганда и молодёжь. Л., 1980. С. 15.

²⁷ Там же. С. 12.

На что обычно опираются субъекты деструктивной пропаганды на молодежь для формирования желательных им взглядов, ценностей, убеждений и, в конечном счете, мировоззрения? Какие механизмы они, как правило, используют?

Во-первых, на недоверие российской молодежи к традиционным ценностям российского общества, обусловленное “ослаблением системы формального и неформального социального контроля как фактора социализации”²⁸, что наглядно отражают результаты социологического анализа ее ценностных ориентаций²⁹.

Во-вторых, на тот факт, что значительная часть молодежи, преимущественно — студенческая, которая находится на пороге профессионального самоопределения, нацелена не на созидание, а на активное потребление общественных богатств. При этом, если вести речь о современной молодежи, деньги занимают существенное место в системе ее жизненных ориентиров.

Так, в исследовании Е.Ю. Мещаниновой было показано, что “в целом в системе ценностных ориентаций современных студентов преобладают более прагматичные, эгоцентрические приоритеты и убеждения, а во всех сферах жизни обучающихся важную роль играет материальная составляющая. Прагматизм, рационализм как индивидуалистическая направленность ценностного сознания студенческой молодежи выражаются в отношении к деньгам как показателю успешности и эффективности. В ответах студенты демонстрируют смещение акцентов в ценностном восприятии денег с направленности на социальную значимость к ориентации на прагматическое содержание, доминирует позитивная оценка денег”³⁰.

Важным механизмом деструктивной пропаганды традиционно служит вызов у молодых людей отрицательных эмоций и формирование негативных настроений, напряженности и враждебности по отношению к российскому государству и обществу. “Цепляясь за имеющиеся в сознании и поведении части молодых людей изъяны, идеологический противник старается насадить в студенческой среде аполитичность, общественное равнодушие, посеять семена ин-

---

²⁸ Сорвин К.В., Сусоколов А.А. Человек в обществе. Система социологических понятий в кратком изложении. М., 2005. С. 56.

²⁹ См., например: Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016.

³⁰ Мещанинова Е.Ю. Место денег в системе ценностей студентов // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 144.

дивидуализма и эгоизма”³¹. Достаточно действенными являются механизмы, активно применяемые и в настоящее время, — разжигание псевдорелигиозных чувств и националистических настроений, проповедь агрессии и насилия.

Таким образом, содержание и сущность деструктивного пропагандистского воздействия на молодежь остается прежней, так же, как и ее основные направления. Практически неизменными остались этапы деструктивной пропаганды, детально раскрытые отечественными социологами, которые в настоящее время носят циклический характер.

Основными задачами деструктивной пропаганды на первом этапе являются моральное разложение и идейное разоружение молодого поколения; стимулирование общественной пассивности молодежи, индифферентного отношения к насущным социальным проблемам и реалиям современного общества. На втором этапе предусматривается внедрение в сознание подрастающего поколения идей и ценностей потребительского общества.

Большое место в идеологических диверсиях, как и раньше, занимают “проповедь потребительства и восхваление различных его форм, постоянное рекламирование западных жизненных стандартов, многочисленные попытки доказать их привлекательность”³². Сводя все богатство материальных и духовных потребностей личности к обладанию максимальным количеством престижных товаров, а все человеческие ценности соизмеряя с “уникальной ценностью” — деньгами, западные идеологи стараются одновременно внушить молодым людям, что они обижены, ущемлены, имеют право рассчитывать на большее³³.

На этом этапе пропаганда носит характер социальной — осуществляет “экспорт чуждого данному обществу образа жизни”, который представляет собой большую угрозу для существующего общественного строя. Особенность “социальной пропаганды” в том, что она “не производит впечатления обычной пропаганды”, а потому не осознается индивидами. В социологической пропаганде широко используется прием так называемых “сверкающих обобщений”: “свободный мир”, “священные принципы”, “общество равных возможностей”, “всеобщее благоденствие” и т.п.³⁴ Подобная пропаганда просто изменяет психологический климат и повышает вну-

---

³¹ Блинов Н.М. Контр-пропаганда и молодёжь. С. 12.

³² Там же. С. 15–16.

³³ Там же. С. 14–15.

³⁴ Там же. С. 13–14.

шаемость индивидов, задает критерии суждений и выбора, а также формирует привычки и обычаи человека.

Главная задача третьего этапа — попытка направить присущую молодежи активность в русло политического негативизма и всестороннего отрицания, чтобы затем — включить в решение стратегических задач политики подрыва государства изнутри³⁵, например посредством участия в современных революционных спектаклях³⁶. Тем самым имеет место переход от социальной пропаганды к пропаганде политической.

Как уже было отмечено выше, характер содержания пропаганды во многом определяется идеологией, лежащей в ее основе, а политические конструкты часто пронизывают все прочие типы пропаганды. В этом смысле можно говорить о доминирующей роли политического компонента в общей системе пропаганды.

В широком смысле под политической пропагандой обычно понимают деятельность по передаче политического сообщения с целью формирования нужной системы политических ценностей, выработки необходимого субъекту мнения о политических институтах и агентах, а также возможного призыва к активному социально-политическому действию. Политическая пропаганда — это “коммуникация, которая была разработана одной социальной группой с целью — повлиять на мнение, установки и поведение других. В такой пропаганде часто используют символизм и риторику, она обращена к эмоциональному и иррациональному аспектам нашего восприятия”³⁷. Цель подобной пропаганды — формирование “пятой колонны” и “антисистемы” в рамках российского общества, способной подорвать его изнутри³⁸.

Сегодня, как и прежде, “деструктивная пропаганда, избрав в качестве наиболее предпочтительного объекта насаждения ложных ценностей молодежь, извращает ее роль, стремится навязать искаженные представления о будущем. Для этого используется целый набор подтасовок, измышлений и уловок. Среди излюбленных приемов психологического давления у идеологических диверсантов в ходу распространение искажающих действительность стереоти-

---

³⁵ Блинов Н.М. Контр-пропаганда и молодежь. С. 15.

³⁶ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Революции и государственные перевороты: теория, история и практика. М., 2023.

³⁷ См., например: Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков, 2010. С. 228.

³⁸ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Революции и государственные перевороты: теория, история и практика.

пов, мифов, навешивание ярлыков”³⁹. Значительное место при этом отводится дегероизации прошлого России и ревизии конкретных исторических событий для того, чтобы “снизить, нейтрализовать воздействие славного исторического прошлого в патриотическом воспитании юношей и девушек, изобразить в превратном свете трудности и недостатки на пути построения нового общества”⁴⁰. Много внимания уделяется фальсификации событий Великой Отечественной войны, а “отношение к памяти о многомиллионных жертвах войны являет собой предел цинизма”⁴¹.

Следует иметь в виду, что субъекты враждебной пропаганды постоянно самым внимательным образом изучают умонастроения различных социальных групп, стараясь составить полное представление о характере и структуре интересов отдельных слоев населения. Очевидно, что неудовлетворенность отдельными сторонами жизни представляет собой “благодатную почву, на которой могут произрастать всевозможные искаженные представления человека о своей роли и месте в обществе, развиваться восприимчивость к чуждым российскому менталитету взглядам”⁴².

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что способы и модели деструктивного пропагандистского воздействия претерпели значительные изменения в эпоху становления электронно-цифровой цивилизации. Действительно, основные тенденции изменения характера геополитической борьбы в современном мире свидетельствуют о том, что наряду с традиционными силовыми методами и средствами все чаще применяются методы и средства информационного противоборства.

В широком смысле информационное противоборство — целенаправленные действия, предпринятые с использованием специально разработанных средств для достижения информационного превосходства путем нанесения ущерба информации, информационным процессам и информационным системам противника при одновременной защите собственной информации, информационных процессов и систем. Основным средством ведения информационного противоборства являются национальные и транснациональные средства массовой информации, а также любые другие информационные сети, способные влиять как на мировоззрение, политические взгляды, правосознание, менталитет, духовные идеа-

---

³⁹ Блинов Н.М. Контр-пропаганда и молодёжь. С. 13.

⁴⁰ Там же. С. 16.

⁴¹ Там же. С. 17.

⁴² Там же. С. 13.

лы и ценностные установки как отдельного человека, так и общества в целом.

В современном обществе информационно-пропагандистское противоборство⁴³ непрерывно и активно применяется во всех сферах социальной жизни, а его важнейшим компонентом является пропаганда. При этом в пропагандистском процессе возрастает число механизмов, связанных с электронно-цифровыми технологиями.

В настоящее время процесс внедрения цифровых технологий в жизнь современного общества приобретает все больший размах. “Современные цифровые технологии и их влияние на практически все аспекты деятельности человека определяются как мощная сила, как новая властная структура, изменяющая конфигурацию социального бытия и жизненного мира человека”⁴⁴.

Развитие современных цифровых технологий позволяет с максимальной точностью создавать модели воспроизводимости объективной реальности, поскольку реальностью является то, что можно адекватно воспроизвести. Таким образом, “открывается возможность замещения реальности ее виртуальными моделями, чем, собственно, и занимаются электронные СМИ с их вездесущими и максимально реалистичными образами”⁴⁵. Цифровые средства коммуникации, а точнее, контролирующие их силы, монополизируют право трансляции информации о реальности, и сами начинают формировать представление о мире и отношении к нему⁴⁶.

Цифровые средства массовой информации, среди которых особенно важны сервисы, предоставляемые глобальной компьютерной сетью, “позволяют действительно очень глубоко и разносторонне представлять картину мира в развитии”⁴⁷. При этом характер воздействия цифровых СМИ становится все более массированным, но, как правило, односторонним, не опосредованным значимой обратной связью.

В условиях цифровизации общества в системе средств социальной коммуникации особое значение приобрели информационно-

---

⁴³ См., например: *Соловьев А.В.* Информационная война, понятие, содержание, перспективы // *Пространство и время.* 2010. № 2. С. 76.

⁴⁴ *Шмидт Э., Козн Дж.* Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М., 2013.

⁴⁵ *Закирова Т.В., Кашин В.В.* Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийера // *Вестник ОГ.* 2012. №7 (143). С. 28–35.

⁴⁶ *Поветьев В.П.* Бренд-коммуникация в публичной политике: концептуальные основы. URL: <http://www.nirsi.ru/74> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴⁷ *Засурский Я.Н.* Качественная пресса в медийных структурах. М., 2017. С. 7.

коммуникационные технологии интернета, позволяющие создавать виртуальные социальные среды с заранее заданными свойствами. В широком понимании виртуальные социальные среды интернета обеспечивают новую систему социальной коммуникации, охватывающую фактически все области жизнедеятельности общества. Однако наиболее велико его влияние в социальной сфере: опосредованная коммуникация являет собой специфический вид социальной коммуникации, потенциальными участниками которой могут стать все пользователи, вовлеченные в эту сеть⁴⁸.

Как показало проведенное исследование, 83% респондентов проводят в интернете более четырех часов каждый день, как правило, для общения (90% ответов). Социальными сетями ежедневно пользуется 98% студентов, из них — 31% от 3 до 6 часов, а находятся постоянно в режиме общения примерно четверть всех опрошенных (26%). При этом 83% отметили, что социальные сети повлияли на их ценности и жизненные приоритеты (31% отметили, что “да, повлияли”, а 51% — “скорее да, чем нет”.

По мнению опрошенных активное внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь приводит к следующим отрицательным последствиям для отдельных групп населения и для общества в целом: к перегруженности ненужной информацией (76% ответов), к интернет-зависимости (62% ответов), к негативному воздействию на психическое и духовное здоровье (60% ответов), к формированию ложных жизненных ценностей и нравственных ориентиров (45% ответов), к спутанности сознания и мышления (17% ответов), к сложностям с адаптацией к новой работе, рабочим местам, требующим специальных цифровых навыков (14% ответов), к серьезному росту безработицы (12% ответов).

Однако прежде всего виртуальное общение разрушает стереотипы социальных ролей, снимает правило социального авторитета, задающего характер общения, что приводит к нарушению социальной иерархии и социальной дезориентации. Актуальной становится проблема кризиса самоидентификации человека: с одной стороны, в виртуальной среде человеку открывается возможность разносторонней представленности своей личности, с другой стороны, происходит растворение в сконструированном, иллюзорном образе, размывание идентичности, что существенно облегчает информационно-пропагандистское воздействие деструктивного толка.

---

⁴⁸ Виртуальная реальность // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицаков, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003. С. 175–176.

Таким образом, виртуальные средства уже являются эффективным инструментом информационно-пропагандистского воздействия, а, судя по прогнозам, со временем могут стать главной ареной “цифровой” информационно-пропагандистской борьбы за умы и сердца молодых людей, поскольку возможны широкомасштабные манипуляции как с источником информации, так и с содержанием сообщения.

Источник информации (коммуникатор) в цифровую эпоху часто неизвестен, им может выступать информационная система на базе искусственного интеллекта. Если формат классической коммуникации предполагает конкретный центр (источник), откуда исходит сообщение, то в цифровую эпоху невозможно предсказать, где находится и как возникнет этот центр. Количество информационных источников для реципиента в цифровую эпоху значительно увеличивается, но на практике получатель информации обращается к ограниченному числу источников, при этом полагая, что обладает полноценной свободой доступа к информации. Важнейшей особенностью эффекта коммуникации в цифровую эпоху является то, что в данных условиях реципиент сам может являться источником массовой информации и распространять сообщение по сетевой структуре.

В основе “цифровой” пропаганды лежат характерные черты, которые отличают этот специфический коммуникационный процесс.

Одной характерной чертой является популярность и одновременно безоговорочная авторитетность виртуальных социальных сред: большинство пользователей не пытаются верифицировать информацию, полученную от них, по другим источникам. Тем самым они не в состоянии отличить достоверную информацию от специально сконструированной. Другой значимой чертой является массивность и скорость информационного потока или “информационного удара”, в результате которого наблюдается мало контролируемое увеличение объема поступающей информации, которую пользователь не в состоянии глубоко осмыслить.

Объектом подобных манипуляций являются широкие массы молодого населения, прежде всего — студенты, не обладающие специальными аналитическими навыками, которые все более доверяют фото и видео, распространяемым в социальных сетях. При этом стоит отметить, что истинность данных материалов находится под сомнением. В ситуации информационной войны Западных стран и США против России в цифровой среде можно наблюдать огромное количество непроверенной информации, которая включает в себя даже сцены из компьютерных игр, выдаваемые за действительность.

В процесс информационно-пропагандистского противоборства все активнее включаются так называемые “новые медиа”, к которым, наряду с интернет-версиями традиционных СМИ, относят блогосферу, социальные сети, виртуальные сообщества, виртуальные игры, другие ресурсы веб-ресурсы⁴⁹ и которые пользуются огромной популярностью у молодежной аудитории, особенно студенческой.

Так, ответы на вопрос “Из каких источников Вы узнаете главные новости о политических событиях в нашей стране и мире чаще всего?” в рамках пилотажного исследования показали, что наиболее активно используемым источником информации для студентов являются мессенджеры (WhatsApp, Telegram, Viber и другое, 74% ответов), социальные сети и блоги (ВКонтакте, Facebook, Twitter и другое, 69% ответов), а также официальные новостные и аналитические сайты (интернет-медиа, 40% ответов). “Разговоры с друзьями” и Youtube использует примерно треть опрошенных (33% и 31% соответственно), и совсем немногие — телевидение (14%). При этом подавляющее большинство опрошенных (86%) выразили согласие с тем, что цифровые СМИ играют важную роль в системе информационного противоборства (затруднились ответить (14%), а ответили отрицательно всего 2%).

В данной связи особую актуальность приобретает глубокий социологический анализ особенностей информационно-пропагандистского воздействия на установки и ценностные ориентации российской студенческой молодежи в электронно-цифровую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернейс Э.* Пропаганда. СПб., 2023.
- Блинов Н.М.* Контрпропаганда и молодежь. Л., 1980.
- Виртуальная реальность // Социология: Энциклопедия / Сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003.
- Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981.
- Елишев С.О.* Социальное манипулирование молодежью. М., 2019.
- Засурский Я.Н.* Качественная пресса в медийных структурах. М., 2017.
- Иванов В.Н.* Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // Социологические исследования. 1983. № 3.
- Корякина К.А.* Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. Вып. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 02.08.2023).

---

⁴⁹ *Корякина К.А.* Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. Вып. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 02.08.2023).

Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне / Сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2021.

Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков, 2010.

Мещанинова Е.Ю. Место денег в системе ценностей студентов // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11.

О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон № 255-ФЗ от 14.07.2022 // Российская газета. 2022. 19.07.

О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25 декабря 2020 г. // Российская газета. 2021. 11 янв. № 1 (8352). Ст. 2. URL: <https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html> (в последней редакции).

Осипова Н.Г. Механизмы социального манипулирования с помощью коммуникативных технологий // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. трудов. Вып. 2. М., 2018.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Ч. 1. М., 2019.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодежь в системе социально-гуманитарных наук. М., 2022.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Революции и государственные перевороты: теория, история и практика. М., 2023.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016.

Патрухина Т.Н., Шламова Д.А. Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации // Молодой ученый. 2015. № 3 (83).

Поветьев В.П. Бренд-коммуникация в публичной политике: концептуальные основы. URL: <http://www.nirsi.ru/74> (дата обращения: 01.03.2024).

Рустамов Р.Р., Тураева С.Х. Виды пропаганды, ее цели и задачи // Международный журнал "Вестник науки". 2020. № 11 (32). Т. 5.

Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 2.

Соловьев А.В. Информационная война: понятие, содержание, перспективы // Пространство и время. 2010. № 2.

Сорвин К.В., Сусоколов А.А. Человек в обществе. Система социологических понятий в кратком изложении. М., 2005.

Филиппов Ф.Р. Молодежь // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.

Хоффер Э. Истинноверующий. М., 2004.

Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М., 2000.

Чупров В.И. Молодежь // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, уч. секр. О.Е. Чернощек. М., 2010.

Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М., 2013.

REFERENCES

Bernejs E. Propaganda [Propaganda]. SPb., 2023 (in Russian).

- Blinov N.M.* Kontr-propaganda i molodyozh' [Counter-propaganda and youth]. L., 1980 (in Russian).
- Chuprov V.I.* Molodyozh' [Youth] // *Sociologicheskij slovar' / Otv. red. Osipov G.V., Moskvichev L.N., uch. sekr. Chernoshchek O.E. M., 2010* (in Russian).
- Culadze A.* Bol'shaya manipulyativnaya igra [Big manipulative game]. M., 2000 (in Russian).
- Elishev S.O.* Social'noe manipulirovanie molodyozh'yu [Social manipulation of youth]. M., 2019 (in Russian).
- Filippov F.R.* Molodezh' [Youth] // *Rossiyskaya sociologicheskaya enciklopediya. M., 1998* (in Russian).
- Hoffer E.* Istinnoveruyushchij [True Believer]. M., 2004 (in Russian).
- Ivanov V.N.* Sociologiya propagandy: nekotorye aspekty sodержaniya [Sociology of propaganda: some aspects of content] // *Sociologicheskie issledovaniya. 1983. N 3* (in Russian).
- Koryakina K.A.* Aktual'nye formy i modeli novykh media: ot ponimaniya auditorii k sozdaniyu kontenta [Current forms and models of new media: from understanding the audience to creating content] // *Mediaskop. 2010. Vyp. N 1. URL: <http://www.mediascope.ru> (data obrashcheniya: 02.08.2023)* (in Russian).
- Lassuell G.D.* Tekhnika propagandy v mirovoj vojne: perevod s angl [Propaganda techniques in the world war: translation from English] / Sost. i per. V.G. Nikolaev; otv. red. D.V. Efremenko. M., 2021 (in Russian).
- Lilleker D.* Politicheskaya kommunikaciya. Klyuchevye koncepty [Political communication. Key concepts]. Har'kov, 2010 (in Russian).
- Meshchaninova E.Yu.* Mesto deneg v sisteme cennostej studentov [The place of money in the value system of students] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. N 11* (in Russian).
- O kontrole za deyatelnost'yu lic, nahodyashchihsya pod inostrannym vliyaniem: Federal'nyj zakon N 255-FZ ot 14.07.2022 [On control over the activities of persons under foreign influence: Federal Law No. 255-FZ of July 14, 2022] // *Rossiyskaya gazeta. 2022. 19.07* (in Russian).
- O molodyozhnoj politike v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon RF ot 25 dekabrya 2020 g. [On youth policy in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of December 25, 2020] // *Rossiyskaya gazeta. 11 yanvarya 2021 g. N 1 (8352). St. 2. URL: <https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html> (v poslednej redakcii)* (in Russian).
- Osipova N.G.* Mekhanizmy social'nogo manipulirovaniya s pomoshch'yu kommunikativnykh tekhnologij [Mechanisms of social manipulation using communication technologies] // *YAzyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikaciya: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2. M., 2018* (in Russian).
- Osipova N.G.* Sovremennaya sociologicheskaya teoriya [Modern sociological theory]. Ch. 1. M., 2019 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O.* Molodyozh' v sisteme social'no-gumanitarnykh nauk [Youth in the system of social and human sciences]. M., 2022 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O.* Revolyucii i gosudarstvennye perevoroty: teoriya, istoriya i praktika [Revolutions and coups d'état: theory, history and practice]. M., 2023 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N.* Osobennosti processa formirovaniya cennostnykh orientacij sovremennoj rossijskoj molodyozhi i osushchestvleniya molodyozhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty

sociologicheskogo issledovaniya) [Features of the process of formation of value orientations of modern Russian youth and the implementation of youth policy in the Russian Federation (results of sociological research)]. M., 2016 (in Russian).

Patruhina T.N., Shlamova D.A. Propaganda: sushchnost' nauchnoj definicii, podhody k klassifikacii [Propaganda: the essence of the scientific definition, approaches to classification] // *Molodoj uchenyj*. 2015. N 3 (83) (in Russian).

Povet'ev V.P. Brend-kommunikaciya v publichnoj politike: konceptual'nye osnovy [Brand communication in public policy: conceptual foundations]. URL: <http://www.nirsi.ru/74> (data obrashcheniya: 01.03.2024) (in Russian).

Rustamov R.R., Turaeva S.H. Vidy propagandy, ee celi i zadachi [Types of propaganda, its goals and objectives] // *Mezhdunarodnyj zhurnal "Vestnik nauki"*. 2020. N 11 (32). T. 5 (in Russian).

Semigin G.Yu. Ideologiya [Ideology] // *Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4-h t. M., 2001. T. 2* (in Russian).

Solov'ev A.V. Informacionnaya vojna, ponyatie, sodержanie, perspektivy [Information war, concept, content, prospects] // *Prostranstvo i vremya*. 2010. N 2 (in Russian).

Sorvin K.V., Susokolov A.A. Chelovek v obshchestve. Sistema sociologicheskikh ponyatij v kratkom izlozhenii [Man in society. System of sociological concepts in brief]. M., 2005 (in Russian).

Shmidt E., Koen Dzh. Novyj cifrovoj mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn' lyudej, modeli biznesa i ponyatie gosudarstv [New digital world. How technology is changing people's lives, business models and the concept of states]. M., 2013 (in Russian).

Virtual'naya real'nost' [Virtual reality] // *Sociologiya: enciklopediya / Sost.: A.A. Gricanov. V L. Abushenko, G.M. Evel'kin. G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. Minsk, 2003* (in Russian).

Vojtasik L. Psihologiya politicheskoy propagandy [Psychology of political propaganda]. M., 1981 (in Russian).

Zasurskij Ya.N. Kachestvennaya pressa v medijnyh strukturah [High-quality press in media structures]. M., 2017 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-137-156

ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА И КЛАССОВЫЙ АНАЛИЗ: КОНЦЕПЦИЯ Э.О. РАЙТА

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д. 1. стр. 33, Ленинские горы, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Данная статья посвящена творчеству американского ученого Эрика Олина Райта. Актуальность статьи обусловлена изменениями системы социальной стратификации, происходящими в современных обществах, а также многочисленными попытками ученых разработать релевантные подходы к изучению социальной структуры. Американский социолог исследовал проблемы трансформации классовой структуры, что отражено в большом количестве его научных публикаций. Его видение системы социальной стратификации современных обществ отличается оригинальностью и основано на большом фактическом материале. Для Райта интерес представляло не только американское общество, он участвовал в международных сравнительных исследованиях, а также посещал Россию и Украину с целью изучения социальной структуры. В статье рассматриваются основные положения классовой теории Э.О. Райта. Американский социолог последовательно продвигается в своем анализе от категорий “класс” и “эксплуатация” к исследованию новых средних классов и к созданию собственной целостной теории противоречивых классовых позиций. Автор статьи предприняла попытку проследить исследовательскую логику известного американского социолога, а также показать его успехи в осуществлении точного и подробного пересмотра различных классовых теорий, и с учетом собственных эмпирических исследований выстроить одну из самых популярных в современной науке классовых теорий.

Ключевые слова: Эрик Олин Райт, эксплуатация, классовая теория, противоречивые классовые позиции, социальная структура.

---

* Батуренко Светлана Алексеевна, e-mail: level_s@rambler.ru

CHALLENGES OF SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY AND CLASS ANALYSIS: THE CONCEPT OF E.O. WRIGHT

Baturenko Svetlana A., Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Professor of History and Theory of Sociology of Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, 33, Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

This article is devoted to the work of American scientist Eric Olin Wright. The relevance of the article is due to the changes in the system of social stratification occurring in modern societies, as well as numerous attempts by scientists to develop relevant approaches to the study of social structure. The American sociologist studied the problems of transformation of the class structure, which is reflected in a large number of his scientific publications. His vision of the system of social stratification of modern societies is original and based on a lot of factual material. Wright was interested not only in American society, he participated in international comparative studies, and also visited Russia and Ukraine to study the social structure. The article discusses the main provisions of E.O. Wright's class theory. The American sociologist consistently moves in his analysis from the categories of "class" and "exploitation" to the study of new middle classes and to the creation of his own holistic theory of contradictory class positions. The author of the article has made an attempt to trace the research logic of the famous American sociologist, as well as to show his success in carrying out an accurate and detailed revision of various class theories, and taking into account his own empirical research to build one of the most popular class theories in modern science.

Key words: *Eric Olin Wright, exploitation, class theory, contradictory class positions, social structure.*

Современный американский социолог Эрик Олин Райт (1947–2019) был одним из всемирно известных представителей аналитического марксизма в социологии. Важнейшей проблемой, представлявшей для ученого большой интерес, являлась проблема исследования системы стратификации современных обществ. Райт родился в Калифорнии в семье ученых-психологов, которые работали в Канзасском университете, он вырос в академической среде. Э.О. Райт получил классическое гуманитарное образование. Еще будучи аспирантом, он начал заниматься изучением проблемы противоречий марксистской социологии. В 1976 г. Райту была присвоена степень доктора философии в Калифорнийском университете, в этом же году он начал работать на социологическом факультете университета Висконсина в Мэдисоне. Начиная с 1970-х гг. он вел активную научную работу в разных областях. В 2012 г. был избран президентом Американской социологической ассоциации. Проблема исследования системы социальной стратифика-

ции современных обществ, и непосредственно классовый анализ привлекли более пристальное внимание ученого в 1980-х гг. Райт находился под большим влиянием идей К. Маркса и М. Вебера¹. В центре научных интересов американского ученого оказались теории классового общества и исторического развития, капитализм, феномен эксплуатации, социализм и многие другие идеи, заложенные теоретиками марксизма. С позиций аналитического марксизма Райт подходит к анализу классовой системы современных обществ, а также к поиску моделей социального порядка, альтернативных существующему капиталистическому.

В начале своего научного пути Райт был членом “Союза марксистских социальных ученых”, позже перешел на позиции постмарксизма², в 1980-х гг. осуществил исследование “Классовый анализ и исторические изменения”. Ученый опубликовал целую серию работ, в названии которых содержится категория “класс”: “Класс, кризис и государство” (1978), “Классовая структура и определение дохода” (1979), “Классы” (1985), “Дебаты о классах” (1989), “Количество классов: сравнительные исследования в анализе классов” (1997) и многие другие³.

Для современной социологии остается актуальным вопрос об элементах системы социальной стратификации и способах ее изучения. Известно, что категория “класс” является не только основным понятием марксистской теории, но также продолжает использоваться современными социологами при описании социальной структуры обществ. В целом проблема классовой структуры продолжает интересовать социологов и в XXI в. В настоящее время публикуется большое количество научных работ, посвященных вопросам формирования, существования классов, а также проблемам трансформации классовых структур. Исследователи находятся в процессе поиска адекватных методов исследования систем стратификации современных обществ, а также используют модели, разработанные в мировой социологии. Проблеме классового анализа по-прежнему уделяется огромное внимание, поскольку потенциал существующих теорий имеет определенную весьма значимую эвристическую

---

¹ Wright E.O. The shadow of exploitation in Weber's class analysis // *American Sociology Review*. 2002. Vol. 67. P. 832–853.

² Райт Э.О., Буравой М. Социологический марксизм // *Социология*. 2011. № 2. С. 43–57.

³ Wright E.O. *Approaches to Class Analyses*. Cambridge, 2005; *Idem*. *Class* // *International Encyclopedia of Economic Sociology*. L.; N.Y., 2006; *Idem*. *Class counts: comparative studies in class analysis*. Cambridge, 1997; *Idem*. *Class, crisis and the state*. L., 1993; *Idem*. *Class, structure and income determination*. N.Y., 1979.

ценность. Отечественная социология неоднократно обращалась к разработкам американского социолога, используя его подход к исследованию системы социальной стратификации. Российские ученые продолжают анализировать классовую теорию Райта, и разработанные им методы эмпирического исследования.

Райт пересмотрел две наиболее значимые классовые теории, сформировавшиеся в период развития классической социологии, — это теории К. Маркса и М. Вебера, начиная с оценки центральных категорий — “класс” и “эксплуатация”. Безусловно, можно отметить сильное влияние идей классиков на американского социолога. Во-первых, он обращается к анализу главной категории — “класс”, которая используется Марксом и Вебером, а также категорию “эксплуатация”. Одна из основных целей, поставленных автором в ряде своих работ, — это “очертить контуры ведущихся среди марксистов дебатов по поводу правильного определения современных капиталистических классов”⁴. Райт исследует различные значения фундаментального понятия “класс”, пытаясь разработать более интегрированную структуру классового анализа. Начиная с трактовки этой категории у Маркса и Вебера, он переходит к трудам Чарльза Тилли, Томаса Пикетти, Гая Стэндинга и других, что дает возможность понять, как осуществляется классовая борьба и классовые компромиссы в современном обществе⁵.

Во-вторых, он осуществляет пересмотр двух самых известных классовых теорий, разработанных в классический период развития социологии, с целью ответа на вопрос о возможности применения их для анализа социальной структуры современных обществ. В-третьих, проводит собственные исследования нового среднего класса в современном обществе. В-четвертых, главное в творчестве Райта — разработка собственной классовой теории. В-пятых, для Райта был важен вопрос формирования классового сознания и классовой борьбы, а также связи с ними, возможностей и тенденций развития общества.

В своей известной работе “Классы” он подвергает критике теорию Маркса за отсутствие “систематически определенного и разработанного понятия класса, несмотря на то что это понятие занимало центральное место в его работах”⁶. Известным является факт, что Маркс предполагал это сделать в третьем томе своего главного труда “Капитал”, который так и остался не завершенным.

---

⁴ Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. 2000. № 15. С. 37.

⁵ Wright E.O. Understanding class. L., 2015.

⁶ Wright E.O. Classes. L., 1985. P. 6.

Тем не менее в других своих работах, “Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.,” “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, “Манифест коммунистической партии”, он описывает структурные характеристики классовых отношений, а также особенности действия классов. Кроме того, Райт указывает на некорректность представлений Маркса о главной тенденции — радикальной поляризации классов, и приходит к выводу о необходимости уточнения некоторых марксистских представлений о классовой структуре и даже ее реконцептуализации. “Наш анализ строится на том, что классовая структура является главной определяющей классового конфликта и что, следовательно, соответствующая концептуализация классовой структуры необходима для создания верной теории социальных изменений”⁷.

Опираясь на собственные эмпирические исследования, Райт показывает, что увеличение слоя менеджеров, наблюдаемое во второй половине XX в., привело к разрушению поляризованных классовых структур. Вместе с тем, автор приходит к выводу о необходимости сохранения и использования категории “класс” при исследовании современных обществ. Учитывая структурные трансформации, следует обратить внимание и на изменение самой категории “класс”, поскольку она обогащается новыми характеристиками, а также критериями, ориентированными в большей степени на промежуточность позиций, а не на их полярность. По мнению автора, актуальным становится вопрос о взаимосвязи абстрактного и исторически конкретного уровней анализа классов⁸.

Для того чтобы изучить комплексный характер классовых отношений, Райт подробно рассматривает феномен эксплуатации, принимая во внимание различные ее виды и возможности одновременного их существования в условиях капитализма. Стараясь показать важность самой категории “эксплуатация”, американский социолог опирается опять же прежде всего на теории Маркса и Вебера, сопоставляя их, выделяя базовые аспекты этих теорий. Райт отмечает, что для классовой теории Вебера не характерно было использование понятия “эксплуатация”, как и акцентирование внимания на конфликте между рабочим классом и буржуазией. А в целом и проблема класса не имела такого фундаментального значения, как в классовой теории Маркса. Анализируя главный труд Вебера “Хозяйство и общество”, Райт отмечает, что “класс”, как и две другие категории “статус” и “партия” составляют схему стратификации.

---

⁷ Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. С. 36.

⁸ Wright E.O. Classes.

Очевидно, что “классы” являются у Вебера не общностями, а только основанием для социального действия⁹. Главной теоретической проблемой для Вебера является проблема рационализации экономического порядка. Анализ классовых отношений играет второстепенную роль¹⁰.

Однако проблема эксплуатации, описанная Вебером, привлекла внимание Райта. Об эксплуатации труда Вебер пишет в своих работах “Хозяйство и общество” и “Протестантская этика и дух капитализма”, в главах, посвященных трудовой мотивации, трудовой дисциплине, экономической эффективности. В капиталистическом обществе под влиянием протестантской этики труд превращается в основную ценность, в призвание. Для увеличения эффективности и рациональности труда рабочих необходимо соответствие определенным условиям. Во-первых, отсутствие собственности на средства производства у рабочего класса. Во-вторых, возможность класса капиталистов свободно нанимать и увольнять рабочих. Райт отмечает, что в теории Вебера главной обязанностью рабочего класса является физическое воспроизводство самого себя. С точки зрения рабочих максимально рациональное капиталистическое производство воспринимается как “иррациональное господство предпринимателей”. На основе анализа теории эксплуатации Вебера Райт приходит к выводу, что Вебер становится на сторону защиты интересов собственников и управленцев, а его «“рациональное производство” является, в сущности, синонимом эксплуатации рабочих капиталистами»¹¹. Исходя из этих выводов, американский социолог обозначает свою позицию, которая является наиболее близкой идеям Маркса и некоторых современных ему неомарксистов, поскольку те находятся в поиске способов уменьшения ущерба, который приносит капиталистическая экономика рабочему классу¹².

Логическим продолжением размышлений становится критика Райтом известных в марксизме затруднений, связанных с анализом средних классов, не поддающихся процессам поляризации, но существующих, по мнению американского ученого, во все эпохи. Райт отмечает, что еще в начале XX в. Карл Каутский обратил внимание на необходимость пересмотра старых и введения новых понятий в об-

---

⁹ *Wright E.O.* The shadow of exploitation in Weber's class analysis. P. 832–853.

¹⁰ *Фомичев П.Н.* Тень эксплуатации в классовом анализе Вебера // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: Реферативный журнал. 2004. № 2. С. 5–10.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² *Wright E.O.* Class counts: comparative studies in class analysis.

ласти исследования классовой структуры и среднего класса в частности (“Возникновение рабочего класса”, “Диктатура пролетариата”, “Эрфуртская программа”, “Экономическое учение Карла Маркса”)¹³, что в конечном итоге поможет создать более адекватное представление о классовой структуре современных обществ, для которых характерно постоянное усложнение ее средней части. Райт пишет: «Сведения о существовании и расширении “нового среднего класса” всегда были в центре внимания большинства критиков марксистской теории классов, поэтому марксисты считали необходимым так или иначе реагировать на эту критику»¹⁴.

Анализируя историю создания концепций средних классов, автор утверждает, что все подобные теории базируются на различных источниках, но вместе с тем все они обязательно привязаны к конкретным исследованиям социальных структур западных обществ. В американской социологии такие исследования опирались в большей степени на стратификационные подходы. В рамках этих исследований очевидной стала необходимость различать такие критерии, как статус и доход, что привело к необходимости новой категоризации населения. В рамках этих же исследований появилась и тенденция введения учеными категории “средний класс”, решая задачу конкретизации объясняющей функции понятия “класс” у К. Маркса, а также с целью уточнения его структурных особенностей в обществе.

Опираясь на тщательный анализ современных теорий среднего класса, Райт отмечает, что несмотря на множественность разработанных теоретических моделей и спорность многих из них, этот общий теоретический потенциал необходимо использовать для построения наиболее адекватной теории среднего класса, описывающей новый феномен, характерный для современных обществ. И кроме того, американский социолог полагает, что “противоречивое положение в плане классовых отношений” следует рассматривать не как временное состояние, а как постоянную характеристику, показывающую меняющийся характер занятости и новые аспекты подчиненности.

Райт обращает внимание на еще одну актуальную проблему, связанную с исследованиями средних классов, это вопрос не только о наличии, но и о причинах увеличения удельного веса средних

---

¹³ Каутский К. Эрфуртская программа. М., 1959; Он же. Возникновение рабочего класса. М., 1919; Он же. Большевизм в тупике. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. М., 2002; Он же. Экономическое учение Карла Маркса. М., 1938.

¹⁴ Wright E.O. Classes. P. 13.

классов. Ответ на этот вопрос кроется, по его мнению, в необходимости учета одновременного сосуществования различных способов производства в рассматриваемой единице времени. Райт приходит к выводу о том, что в современных обществах в целом положение средних классов является противоречивым, и связано это в первую очередь с сосуществованием способов производства, а также с необходимостью учета новых реальностей в технологии и организации, новых типов занятости.

Реконструируя и пересматривая множество классовых теорий, разработанных в истории социологии, Райт указывает на важнейшие факторы при определении класса, среди которых одним из самых заметных оказывается не только фактор эксплуатации, но и фактор доминирования или господства. Автор приводит в пример менеджеров, позиции которых в современном обществе наиболее полно можно описать через доминирование и подчинение, а не через эксплуатацию. Не следует забывать также, что общество характеризуется и многими другими формами доминирования, например, расовыми, гендерными и т.д. Для того чтобы понять характер многих социальных конфликтов, по мнению американского ученого, ошибочно было бы отдавать приоритет только одному виду доминирования.

Еще одной проблемой классового анализа, как считает Райт, является отсутствие у Маркса тщательного анализа внутриклассовых отношений, поскольку Маркс практически не рассматривал вопросы неравенства доходов между рабочими разной квалификации, а также неравенства в способностях и умениях. Для современных обществ эти вопросы приобретают особую значимость, поскольку квалификация все больше усложняется, что обусловлено возникновением новых видов умственного труда, а также ограничением материальной базы эксплуатации. В данных условиях еще заметнее становится проблема необходимости более тщательного изучения отношений доминирования. Вместе с тем известных уточнений требует определение класса в связи с процессами ускоряющейся социальной мобильности.

Одним из важнейших выводов американского социолога является его указание на необходимость уточнения характера современных классовых отношений через различие между эксплуатацией и экономическим давлением. Автор приводит в пример конкуренцию между бедным и богатым крестьянином, где бедный скорее испытывает не эксплуатацию, а экономическое давление. При анализе умственного труда исследование еще более усложняется, но в целом для современных обществ бедность является скорее результатом

этого давления в большей степени, нежели эксплуатации. В некоторых сферах экономическое давление приобретает характер крайней дискриминации.

На основании пересмотра огромного массива классовых теорий¹⁵, а также опираясь на результаты своих собственных эмпирических исследований, Райт разрабатывает собственную концепцию противоречивых классовых позиций в современных обществах. Основные принципы данной теории были представлены автором впервые еще в 1970-х гг. В основе объяснения указаны три взаимосвязанных аспекта господства и подчинения в рамках данного способа производства. Речь идет о социальной связи господства и подчинения относительно некоторых ресурсов в процессе производства. Основными ресурсами, по мнению Райта, являются денежный капитал, физический капитал и труд. Под денежным капиталом автор понимает поток инвестиций в производство и направление общего процесса накопления (прибавочную стоимость). Физический капитал рассматривается как реальные средства производства, используемые в процессе производства. Под трудом Райт имеет в виду трудовую деятельность непосредственных производителей в рамках производства.

Автор характеризует классовые отношения через господство и подчинение, учитывая обладание контролем над ресурсами и отчуждение от этого контроля. Райт рассматривает эти три аспекта в их тесной взаимосвязи.

“В рамках капиталистического производства каждый из них является необходимым условием существования других; они никогда не существуют автономно. Однако между ними существует четкая иерархия. Социальные отношения контроля над денежным капиталом структурируют или ограничивают отношения контроля над физическим капиталом, который, в свою очередь, ограничивает непосредственный контроль над трудом в рамках производства”¹⁶. Классовые отношения между трудом и капиталом в современных обществах автор рассматривает как поляризованные и антагонистические с учетом указанных им трех аспектов. Он отмечает господствующую позицию класса капиталистов, обладающих контролем над денежным капиталом, физическим капиталом и трудом, в то время как рабочий класс занимает подчиненную позицию по всем трем аспектам.

---

¹⁵ *Wright E.O. Varieties of Marxist conceptions of class structure // Politics & Society. 1980. Vol. 9; Idem. Approaches to class analyses. Cambridge, 2005.*

¹⁶ *Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. С. 40.*

Райт называет три основные позиции в классовых структурах современного общества, наиболее явно демонстрирующих их противоречивость. Во-первых, это менеджеры и мастера, поскольку они лишены контроля над денежным капиталом, но вместе с тем обладают некоторым контролем над физическими средствами производства и трудом. Соответственно они располагаются в разной близости к полярным позициям капиталистов и рабочих. Во-вторых, это мелкие работодатели, обладающие контролем над рабочей силой, при этом, однако, они не имеют большого количества рабочей силы, позволяющей накапливать значительный капитал, а также сами чаще всего заняты в процессе производства, как и их работники. В-третьих, это полуавтономные работники, которые не обладают контролем над денежным капиталом и работой других, но имеют контроль над своими физическими средствами производства, как и над своей деятельностью в процессе труда.

Большое значение имеет понимание сути “противоречивости” классовых позиций. Американский социолог поясняет следующее: главное заключается не в том, что некоторые классы сложно однозначно отнести к одному из четко выделенных в данной социальной структуре. Говорить о противоречивых позициях можно на основании обладания ими одновременно характеристиками двух разных классов. Следовательно, свойственные им классовые интересы совпадают с интересами этих двух классов, и вместе с тем они не совпадают полностью с интересами ни того, ни другого. Автор приводит схему основных классовых отношений капиталистического общества, формальных критериев для определения противоречивых классовых позиций, а также уровней контроля внутри каждого из аспектов производственных отношений¹⁷.

Райт рассматривает вопрос о возможности существования эксплуатации без обладания средствами контроля над собственностью. Он отвечает на этот вопрос утвердительно, приводя в пример контроль над средствами спасения, дающий власть церкви над прихожанами, или контроль над средствами военного насилия, дающий власть над некоторой частью населения, а также частью прибыли. Социолог отмечает, что подобного рода формы эксплуатации в лучшей мере, чем отношения собственности, могут объяснить характер социальных конфликтов.

Учитывая тщательную проработку теории противоречивых классовых позиций, следует отметить некоторые нюансы, не попадающие под понятное описание классовой структуры Райта.

---

¹⁷ Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. С. 42.

Социолог описывает классовую структуру непосредственно в производстве, в то время как некоторые позиции: студенты, пенсионеры, государственные служащие, домохозяйки и другие подобные группы невозможно анализировать посредством этих критериев. Остается открытым вопрос об их включении в классовую структуру, помещаются ли они в классовые отношения через социальные отношения, отличающиеся от производственных. Отчасти автор дает предположительный ответ на этот вопрос во второй главе, которая называется “Интеллектуалы и рабочий класс”, своей известной работы “Класс, кризис и государство”¹⁸.

Райт рассматривает возможность анализа классовой структуры сквозь призму простой поляризации, указывая на фундаментальность классической классовой теории Маркса, а также на развитие этой теории в рамках неомарксизма. Райт ссылается на ряд ученых, описывающих классовую структуру с позиций их полярности, при этом активно старающихся учитывать современные изменения в техническом разделении труда в условиях развития капитализма, это: Джеймс Беккер, Франческа Фридман, Энтони Катлер, Барри Хиндесс, Пауль Хирст, Альтар Хуссейн. Исследуя процессы формирования новых групп внутри классов, данные авторы указывают на тот факт, что в целом их возникновение не разрушило структуры классовых отношений в рамках капиталистического способа производства.

Анализ теорий указанных авторов, как показывает Райт, приводит к пониманию их выводов относительно того, что “капитал контролирует своих управленцев”, даже тех из них, кто занимает позиции высшего менеджмента, учитывая безличный характер корпораций в условиях монополистического капитализма. Топ-менеджеры подобно рабочим конвейерного производства, по мнению этих ученых, отчуждены от средств производства, вследствие чего составляют часть пролетариата.

Проведя детальный анализ теорий, представляющих классовую структуру современных капиталистических обществ сквозь призму простой поляризации, Райт заявляет об их ошибочности. Он приводит несколько аргументов, доказывающих это. Во-первых, ученые, придерживающиеся данного подхода, представляют социальные отношения производства как односторонние отношения, связанные с распоряжением или экономической собственностью. Во-вторых, они склонны относить к техническим функциям те виды деятельности, которые следовало бы считать сторонами социальных от-

---

¹⁸ *Wright E.O. Class, crisis and the state. L., 1993.*

ношений производства. В-третьих, они разрывают связь между “анализом классовой структуры и классовобразования посредством включения в рабочий класс социальных позиций с фундаментально противоположными классовыми интересами”¹⁹.

Вопрос о средних классах составляет центральную часть классовой теории Райта. Ученый начинает с постановки вопроса о новой мелкой буржуазии, не торопясь при этом называть данную группу средним классом, считая эту категорию еще менее определенной по сравнению с новой мелкой буржуазией. Автор критикует главным образом три различные попытки социологов описать этот новый “класс”. Первая из них связана с отождествлением высококвалифицированных работников умственного труда, имеющих дипломы, с мелкой буржуазией, что обусловлено возможностью “распоряжения” своими знаниями и умениями подобно распоряжению мелкой собственностью традиционной мелкой буржуазией. В соответствии со второй точкой зрения, к новой мелкой буржуазии следует относить любых наемных работников, занятых в непроизводственной сфере. Третья позиция заключается в отнесении всех наемных работников с доходом, превышающим доход рабочих независимо от сфер занятости, как производственной, так и непроизводственной, к новым мелким буржуа.

Кроме того, Райт указывает на иные, более современные концепции среднего класса, например, теории Джона Урри, Никоса Пуланцаса, Мартина Николауса, представляющиеся более сложными. По Урри, природа капитализма порождает две группы функций — это накопление капитала (функция капиталиста) и производство прибавочной стоимости (функция трудящегося рабочего). В соответствии с существующей дихотомией владение — не владение собственностью, производство — непроизводство стоимости можно обозначить новый средний класс как “невладелцев и непроизводителей прибавочной стоимости”²⁰. Вместе с тем Урри приводит другие основания для дихотомического разделения людей в их рабочих ситуациях: по статусу, по обладанию властью, по возможности нанимать или быть нанимаемым. Исходя из этого новый средний класс определяется как обладающий высоким статусом или объемом власти, или отвечающий за наем рабочей силы²¹. А в теории нового среднего класса Никоса Пуланцаса раз-

---

¹⁹ Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. С. 51.

²⁰ Urry J. Towards a structural theory of the middle class // Acta Sociologica 16. 1973. N 3. P. 182.

²¹ Ibid. P. 183.

граничение между новой мелкой буржуазией и рабочим классом обусловлено, прежде всего, двумя факторами — производительный и непроизводительный труд, отношения политического и идеологического господства и подчинения. В типологии классовых позиций Пуланца рабочий класс представлен очень узко, в результате эмпирические исследования показывают небольшое количество рабочего класса в американском обществе (около 20% от экономически активного населения), в то время как класс капиталистов, наоборот, расширен. Так, например, обычный менеджер, который не участвует в отношениях собственности и не владеет юридически средствами производства, но имеет доступ к принятию решений в процессе производства, попадает в класс буржуазии. Райт отмечает одну из самых больших сложностей данных современных теорий — проблему различения между производительным и непроизводительным трудом, а также проблему классовых интересов. Райт пишет: “Трудно проследить, где начинается фундаментальное расхождение между экономическими интересами позиций производительного и непроизводительного труда”²². Существуют теории нового среднего класса или новой мелкой буржуазии, базирующиеся на иных критериях разделения, иных способах анализа этих элементов социальной структуры.

На основе анализа всех существующих концепций классовой структуры Райт разрабатывает свою собственную концепцию противоречивых классовых позиций. Американский социолог подвергает критике все существующие теории, основанные на дихотомическом делении классов, простой поляризации. Учитывая различные способы построения типологий классов, следует отметить, что все они в итоге приводят к простому разделению позиций на классы, при этом упускаются из вида отношения позиций внутри классов, не являющихся частью этих классов. Концепция противоречивых классовых позиций является альтернативной. В соответствии с ней “определенные позиции объективно находятся более, чем в одном классе”²³.

Американский социолог рассматривает некоторые уже существующие теории противоречивых классовых позиций, ссылаясь при этом на таких авторов, как Г. Карчеди, Р. Кромптон, Дж. Габбей, называя их подход функциональным. Однако в работах сторонников данного подхода не встречается сам термин “противоречивые позиции”, они используют категории “средний класс” или

---

²² Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. С. 60.

²³ Там же. С. 66.

“структурно двусмысленные классовые позиции”²⁴. Тем не менее Райт соглашается с основными аспектами классовой теории этих авторов. В частности, наиболее близка взглядам американского социолога теория Гульельмо Карчеди, который в своей работе “Новый средний класс” рассматривает четыре основные дихотомии для идентификации классов в системе стратификации современных обществ²⁵. Это, во-первых, владелец и невладелец. Во-вторых, работник и неработник. В-третьих, производитель и непроизводитель. И в-четвертых, эксплуататор и неэксплуататор. Указанные дихотомии характеризуют функциональную составляющую, особенно вторая и третья.

Райт приводит определение противоречивых позиций, опираясь на разработки Карчеди. Противоречивые позиции — “это позиции, исключенные из отношений собственности на средства производства, но в разном соотношении принимающие участие в выполнении и глобальной функции капитала, и функции совокупного работника. Значит, они одновременно являются и эксплуатируемыми, и эксплуататорами”²⁶. Капиталисты с этой точки зрения определяются авторами как владельцы, неработники и эксплуататоры. Класс рабочих — как невладецы, работники и эксплуатируемые. Средние классы при этом возможно рассматривать исключительно с точки зрения противоречия. Высшие слои нового среднего класса причастны к выполнению глобальной функции капитала. Низшие его слои исполняют функции совокупного работника. Вместе с тем главной отличительной чертой нового среднего класса, по мнению Райта, является исполнение обеих функций, что говорит о противоречивости позиций в классовых отношениях.

Интересным также представляется анализ общей тенденции пролетаризации тех позиций, которые называются противоречивыми. Главный фактор этих изменений — новые технологии. Введение новых технологий снижает уровень квалификации, которым должен обладать новый средний класс, что влечет за собой уменьшение ответственности данных позиций в общественном разделении труда. В результате наблюдаются не только изменения в техническом содержании функций, но и изменения в их социальном содержании. Карчеди приводит доказательства пролетаризации или общей дек-

---

²⁴ *Carchedi G.* On the economic identification of the new middle class // *Economy and Society*. 1975. Vol. 4. N 1; *Idem.* Reproduction of social classes at the level of production relations // *Economy and Society*. 1975. Vol. 4. N 4; *Crompton R., Gubbay J.* *Economy and class structure*. N.Y., 1978.

²⁵ *Carchedi G.* On the economic identification of the new middle class.

²⁶ Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. С. 69.

валификации позиций нового среднего класса, иллюстрируя общую тенденцию развития капитализма.

Однако Райт еще больше усложняет теорию, предложенную Карчеди. По сравнению с Карчеди анализ Райта выстраивается вокруг трех противоречивых позиций, а именно: "...менеджеры и мастера занимают противоречивую позицию между рабочим классом и буржуазией; полуавтономные работники — между рабочим классом и мелкой буржуазией; мелкие работодатели — между мелкой буржуазией и собственно буржуазией"²⁷. Кроме того, главным различием между теориями Райта и Карчеди является разделение социальной и технической сторон производственных отношений. По мнению Райта, мелкие работодатели находятся в противоречивой позиции между капиталистами и мелкой буржуазией, при этом речь идет о позиции противоречивой не внутри одного данного капиталистического способа производства, а между способами производства. Подобное объяснение возможно, поскольку рассматриваются отношения собственности не через функцию совокупного работника, а в рамках отношения господства в процессе производства.

Характеризуя подход Райта к исследованию классовой структуры современных обществ, можно отметить, что он в значительной степени сохраняет экономический аспект. Отчетливо прослеживается его приверженность идеям Маркса, его взглядам на природу формирования и существования классов, сохранение взаимосвязи классовой позиции с производственными отношениями и фактором собственности. Вместе с тем заметны успешные попытки социолога с учетом вызовов современного ему общества значительно модифицировать теорию.

Проблема классового сознания является не только важной составляющей классической марксистской классовой теории, но также представляет большой интерес с точки зрения ее развития в рамках неомарксистских подходов. Райт уделяет большое внимание этой проблеме, отмечая, что категория "классовое сознание" разрабатывалась Марксом скорее как теоретическая конструкция, а также для необходимости осуществления прямых политических действий, исключая при этом выявление конкретных эмпирических показателей, в особенности у небольших социальных групп. Последующая разработка вопроса чаще способствовала исключению видения альтернатив в таком сложном образовании как классовое сознание и не позволяла адекватно оценить выбор его носителей. Теоретики в большинстве случаев приходили к выво-

---

²⁷ Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. С. 72.

ду о том, что классовое сознание действительно решает проблемы легитимации действий и преобладания классовых интересов. Райт ставит под сомнение подобное понимание этой категории и пишет: «Предполагаемое мною определение классового сознания делает возможным допущение, что сознание может быть “ложным”: его носители могут делать выбор при недостоверной информации, с искаженным восприятием альтернативных возможностей и с некорректными теориями относительно последствий своего выбора»²⁸.

“Объективность классовых интересов”, которую подчеркивает Маркс, как оказывается, не обязательно автоматически может предопределить их субъективное понимание, и не обязательно будет способствовать формированию “истинного” сознания. На уровне индивидуального сознания классовый интерес может блокироваться разного рода механизмами, препятствуя кристаллизации этого классового интереса. Райт указывает на факт существования в индивидуальном сознании устойчивых предпочтений, мешающих восприятию норм классового сознания. По мнению американского социолога, следует учитывать преобладание у людей желания автономии и свободы, которое является интересом к свободе за рамками класса, но интерпретируется как реальный классовый интерес. Таким образом, Райт предполагает возможность построения целой типологии классового сознания. Опираясь на результаты эмпирического исследования, ученый отмечает, что специфика классовой структуры и классового сознания США и Швеции затрудняет активное участие рабочих в профсоюзном движении, в борьбе за реализацию социальных программ, в сопротивлении неравенству доходов. Определенную роль в объединении интересов рабочего класса играют расовый фактор в США и мононациональный состав в Швеции. Рабочий класс в результате проигрывает, поскольку классовое сознание детерминирует особенности и оценку политических сил.

Американский социолог анализирует различные факторы, влияющие на формирование классового интереса. Свои теоретические выводы Райт практически всегда подтверждает многочисленными эмпирическими исследованиями. В частности, это исследование социальной структуры США и Швеции. Например, одним из наблюдений, сделанных ученым, является утверждение важности фактора, значительно влияющего на структуры занятости и классовое сознание — это вовлеченность в организации, находящиеся под контролем государства. Исследование показало “большую и растущую

---

²⁸ *Wright E.O. Classes. P. 248.*

со временем вовлеченность государства в дела бизнеса — лишь 31% опрошиваемых США и всего 20% в Швеции утверждали, что они работают в частных фирмах, никак не связанных с государством, при этом около 90% подобных фирм — мелкие»²⁹.

Райт сравнивает деятельность политических партий и профсоюзных организаций с точки зрения их пользы для рабочего класса в США и Швеции. Социологом было отмечено, что действие политических партий в Америке скорее содействует разрушению многих аспектов сознания рабочего класса. Судя по их деятельности, никаких альтернатив в решении проблемы собственности и власти в перспективе не предполагается. Политику государства Швеции в области социального обеспечения Райт оценивает как прорабочую, по сравнению с которой в США эта политика, по его мнению, скорее направлена на сохранение социального неравенства. Анализируя президентскую кампанию в США в 1984 г., социолог заметил «стремление представить рабочий класс всего лишь как “группу специальных интересов”, а не выразителя общих экономических устремлений, живущих на зарплату»³⁰.

Классовая теория Райта представляет большой интерес для современных исследователей социальной структуры. Однако разработки американского социолога были подвергнуты значительной критике. В частности, в ответ на проведенное Райтом в 80-х гг. XX в. международное сравнительное исследование классовой структуры и классового сознания с критикой выступил британский социолог Гордон Маршалл. По мнению Маршалла, картина системы стратификации британского общества, полученная Райтом не вполне соответствует действительности. Главным недостатком, как было отмечено, является необходимость рассматривать класс не только в качестве структуры, но также и как процесса. В особенности это необходимо принимать во внимание при анализе позиций в структуре индивидов, занимающих эти позиции. В большей степени это имеет значение при оценке позиций мелких клерков и других офисных работников, поскольку траектория их индивидуальной мобильности может значительно различаться. Маршалл отмечает, что для 30% людей, занимающихся рутинной работой клерков, эта деятельность является временной, и зачастую лишь отправной точкой их менеджеральной карьеры³¹. Кроме того, по мнению критика, Райт не учитывает и гендерный фактор: половина женщин, занимающих

---

²⁹ Wright E.O. *Classes*. P. 207.

³⁰ Ibid.

³¹ Marshall G. *Classes in Britain: Marxist and official* // *European Sociological Review*. 1988. Vol. 4. N 2. P. 141–154.

подобные позиции в классовой структуре, — это молодые женщины добрачного периода, рассматривающие свою работу как временное занятие. Также значительные недочеты исследования в связи с этим усматриваются и в выводах Райта о классовой идентичности и классовом сознании. Еще одним пунктом критики исследований американского социолога отмечается двойственность его позиции. С одной стороны, это заметное стремление показать возможность применимости теории Маркса, а с другой — опора на главные методы позитивизма, что привело к неоднозначности результатов эмпирических исследований и их интерпретации³².

Современные отечественные социологи называют теорию Райта неомарксистской концепцией многомерной социальной стратификации. Американской социолог старается вернуть категории “класс” значение центральной объясняющей категории. В целом Райт считает, что классовый анализ вполне приемлем к исследованию современных обществ. Американский социолог считает эксплуатацию одним из наиболее важных факторов, определяющих классовую структуру. В соответствии со своей теорией он предлагает рассматривать эксплуатацию следующим образом: “...ее следовало бы видеть укорененной в комплексном взаимопересечении трех форм: эксплуатации, основывающейся на владении средствами производства и капитала; контроля над организационными средствами; обладания умениями или полномочными средствами”³³. Эмпирические данные проведенных Райтом исследований показывают, что численность рабочего класса в США и Швеции в 80-х гг. XX в. составляла около 40%³⁴. Характер их эксплуатации в современном обществе значительно изменился, еще сложнее стоит вопрос о новом среднем классе, являющемся как эксплуатирующим, так и эксплуатируемым с учетом различных уровней подчиненности, а также смешанных форм эксплуатации. Учитывая новый взгляд на формирование классового сознания и проблему классовой борьбы, Райт полагает, что в современном обществе вопрос о классовой борьбе предстает как вопрос о сотрудничестве многих слоев, рассматривать который больше некорректно с позиций простой поляризации.

Научная работа Райта была в первую очередь связана с исследованием классов и эксплуатации в современном обществе. Одними из его задач были адаптация и обновление марксистской классовой

---

³² *Wright E.O.* Class, structure and income determination. N.Y., 1979.

³³ *Wright E.O.* Classes. P. 283.

³⁴ *Ibid.* P. 285.

теории для возможности ее применения при объяснении и прогнозировании процессов развития системы стратификации. Американский социолог признает необходимость использования категорий “класс”, “эксплуатация”, “классовое сознание” в современных исследованиях, тем самым внося значительный вклад в разработку этих категорий. Ученый отдает предпочтение теории социальной структуры, которая основана на категории “эксплуатация”, подчеркивая ее преимущества в исследовании классов в исторической перспективе и в изучении формирования классовых интересов, классовой борьбы и тенденций социальных изменений. Решение этой задачи, по мнению Райта, позволяет сравнивать различные классовые структуры, а также проследивать динамические процессы, происходящие в развитых капиталистических и посткапиталистических обществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каутский К.* Возникновение рабочего класса. М., 1919.
- Каутский К.* Экономическое учение Карла Маркса. М., 1938.
- Каутский К.* Эрфуртская программа. М., 1959.
- Каутский К.* Большевизм в тупике. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. М., 2002.
- Новак Д.Е.* Социологическая теория Эрика Райта: концепция классовой структуры, эксплуатации и противоречивых классовых позиций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2008. № 4. С. 10–20.
- Полякова Н.Л.* XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
- Райт Э.О.* Классовая структура американского общества // Социологические исследования. 1984. № 1.
- Райт Э.О.* Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж: Альманах социальных исследований. 2000. № 15. С. 36–85.
- Райт Э.О.* Общие указания по предвидению реальных утопий // Прогнозис. 2007. № 4. С. 121–122.
- Райт Э.О.* Что такое аналитический марксизм? // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 121–138.
- Райт Э.О., Буравой М.* Социологический марксизм // Социология. 2011. № 2. С. 43–57.
- Фомичев П.Н.* Тень эксплуатации в классовом анализе Вебера // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: Реферативный журнал. 2004. № 2. С. 5–10.

REFERENCES

- Carchedi G.* On the economic identification of the new middle class // *Economy and Society*. 1975. Vol. 4. N 1.
- Carchedi G.* Reproduction of social classes at the level of production relations // *Economy and Society*. 1975. Vol. 4. N 4.
- Crompton R., Gubbay J.* *Economy and class structure*. N.Y., 1978.

Fomichev P.N. Ten' jekspluatcii v klassovom analize Vebera [The shadow of exploitation in Weber's class analysis] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: Referativnyj zhurnal. 2004. N 2. P. 5–10 (in Russian).

Kautskij K. Voznikovenie rabocheho klassa [The emergence of the working class]. M., Gospolitprosvet, 1919 (in Russian).

Kautskij K. Jekonomicheskoe uchenie Karla Marksa [The economic doctrine of Karl Marx]. M., 1938 (in Russian).

Kautskij K. Jerfurtskaja programma [The Erfurt program]. M., 1959 (in Russian).

Kautskij K. Bol'shevizm v tupike. Diktatura proletariata. Ot demokratii k gosudarstvennomu rabstvu [Bolshevism is at an impasse. The dictatorship of the proletariat. From democracy to state slavery]. M., 2002 (in Russian).

Marshall G. Classes in Britain: Marxist and official // European Sociological Review. 1988. Vol. 4. N 2. P. 141–154.

Novak D.E. Sociologicheskaja teorija Jerika Rajta: koncepcija klassovoj struktury, jekspluatcii i protivorechivyh klassovyh pozicij [The sociological theory of Eric Wright: the concept of class structure, exploitation and contradictory class positions] // Vestnik RUDN. Serija: Sociologija. 2008. N 4. P. 10–20 (in Russian).

Poljakova N.L. XX vek v sociologicheskijh teorijah obshhestva [The twentieth century in sociological theories of society]. M., 2004 (in Russian).

Rajt Je.O. Klassovaja struktura amerikanskogo obshhestva [The class structure of American society] // Sociologicheskie issledovanija. 1984. N 1 (in Russian).

Rajt Je.O. Marksistskie koncepcii klassovoj struktury [Marxist concepts of class structure] // Rubezh: Al'manah social'nyh issledovanij. 2000. N 15. P. 36–85 (in Russian).

Rajt Je.O. Obshhie ukazanija po predvideniju real'nyh utopij [General instructions on foreseeing real utopias] // Prognozis. 2007. N 4. P. 121–122 (in Russian).

Rajt Je.O. Chto takoe analiticheskij marksizm? [What is analytical Marxism?] // Voprosy jekonomiki. 2007. N 9. P. 121–138 (in Russian).

Rajt Je.O., Buravoj M. Sociologicheskij marksizm [Sociological Marxism] // Sociologija. 2011. N 2. P. 43–57 (in Russian).

Urry J. Towards a structural theory of the middle class // Acta Sociologica 16. 1973. N 3.

Wright E.O. Class, structure and income determination. N.Y., 1979.

Wright E.O. Varieties of Marxist conceptions of class structure // Politics & Society. 1980. Vol. 9.

Wright E.O. Classes. L., 1985.

Wright E.O. Class, crisis and the state. L., 1993.

Wright E.O. Class counts: comparative studies in class analysis. Cambridge, 1997.

Wright E.O. The shadow of exploitation in Weber's class analysis // American Sociological Review. 2002. Vol. 67. P. 832–853.

Wright E.O. Approaches to class analyses. Cambridge, 2005.

Wright E.O. Understanding class. L., 2015.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-157-177

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА: “ОСОБЫЙ” ПУТЬ РАЗВИТИЯ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЕ “ЧУЖИХ” УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК?

О.В. Гавриленко, канд. социол. наук, зав. кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В последние годы активизировались научные дискуссии об “особом” пути развития России, о необходимости сохранения национальной идентичности и вреде бездумного копирования и заимствования “чужих” практик как в политической и экономической сферах, так и в сфере культуры, о необходимости возврата к традиционным духовно-нравственным ценностям. Российская деловая культура имеет интересную историю развития: дореволюционный период с особым кодексом ведения бизнеса и опорой на ценности православия; советский период с ценностями коллективизма, приоритета общего над частным, строгим иерархическим порядком; ранний постсоветский период с несистемными попытками вырастить “западные” компании из советских предприятий, “слепым” копированием западного опыта ведения бизнеса, приватизацией и разрушением “старого порядка” и патерналистской системы отношений с властью; наконец, современный период развития российской деловой культуры, когда в результате сначала бурной активизации международной деятельности и усиления контактов с зарубежными организациями, а затем вынужденного разрыва деловых связей с организациями “недружественных” стран, выстроилась достаточно самобытная деловая культура, имеющая ряд специфических черт и характерную “двойственность” (одновременно коллективизм и индивидуализм, маскулинность и феминность, ориентация на задачу и на человека, моноактивность и полиактивность, полихронно-синхронная организация рабочего времени, долгосрочность и краткосрочность ориентации, сочетание централизации и децентрализации, ориентация на индивидуальные достижения и на предписанный статус). Характерными чертами современной российской деловой культуры являются высокая дистанция власти и принятие индивидами сложившегося иерархического порядка, уважение к статусу, зависимость бизнеса от власти, негативное отношение со стороны персонала

* Гавриленко Ольга Владимировна, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

к риску и изменениям и спокойное восприятие неопределенности менеджерами, активное использование неформальных связей и опора на межличностные отношения в деловом взаимодействии, высококонтекстуальность, партикуляризм и т.п.

Ключевые слова: деловая культура, российская деловая культуры, параметры кросс-культурного сравнения, типологии деловых культур, организационная культура, организационные ритуалы.

MODERN RUSSIAN BUSINESS CULTURE: “SPECIAL” PATH OF DEVELOPMENT OR BORROWING “OTHER PEOPLE’S” MANAGEMENT PRACTICES?

Gavrilenko Olga V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Social Technologies department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

In recent years, scientific discussions have intensified about the “special” way of development of Russia, the need to preserve the national identity and the harm of reckless copying and borrowing of “alien” practices in the political, economic, cultural spheres, about the need to return to traditional spiritual and moral values. The Russian business culture has an interesting history of formation: the pre-revolutionary period with a special business code and reliance on the values of Orthodoxy; the Soviet period with the values of collectivism, the priority of the common over the private, strict hierarchical order; the early post-Soviet period with non-systematic attempts to raise “western” companies from Soviet enterprises, “blind” copying Western business experience, privatization and the destruction of the “old order” and paternalistic system of relations with power; finally, the current period of development of Russian business culture, when as a result of the first rapid intensification of international activity and the strengthening of contacts with foreign organizations, and then forced break of business ties with “unfriendly” organizations a rather distinctive business culture with a number of specific features and characteristic “ambiguity” (at the same time collectivism and individualism, masculinity and femininity, task and human orientation, monoactivity and polyactivity, polysynchronous organization of working time, long-term and short-term orientation, combination of centralization and decentralization, orientation on individual achievement and status). Characteristic features of modern Russian business culture are high distance of authority and acceptance by individuals of the established hierarchical order, respect for status, dependence of business on power, negative attitude to risk and change on the part of the staff and calm perception of uncertainty by managers, active use of informal ties and reliance on interpersonal relations in business interaction, high context of culture, particularism, etc.

Key words: business culture, Russian business culture, parameters of cross-cultural comparison, typologies of business cultures, organizational culture, organizational rituals.

Достаточно устойчивым как в обыденном, так и в научном дискурсе является восприятие России как страны “особой, непохожей на остальные”, имеющей свой путь развития¹. То же самое можно сказать и о российской деловой культуре, довольно широко распространённым является представление об уникальности российской модели управления и неприменимости в нашей стране “чужих” управленческих практик и социальных технологий. Насколько все это соответствует действительности? Самыми часто упоминаемыми в научной литературе “специфическими” характеристиками российской деловой культуры можно считать “маятниковость” развития страны (например, реформы — контрреформы), иррациональность управления, двойственность системы ценностей (проявление одновременно коллективизма и индивидуализма, сочетание маскулинности и феминности культуры, ориентация на цель и на человека), противоречивость “русского характера” (от покорности к бунту), зависимость бизнеса от власти, правовой нигилизм, патернализм и др.² Но можно привести примеры и других стран, для которых характерны те же черты. Так, например, страны, которые шли по пути “догоняющей” модернизации (азиатские страны, латиноамериканские и др.), не в меньшей степени демонстрировали на разных этапах развития как двойственность модели управления (сочетание централизации с децентрализацией), так и “маятниковость” развития (реформы “по западному образцу” и возврат к прежнему состоянию, заимствование западного опыта при сохранении самобытных культурных черт).

За спецификой модели управления и организационного поведения всегда стоят система ценностей, нормы, верования, традиции. Для того чтобы охарактеризовать российскую деловую культуру и выявить особенности организационной культуры российских компаний, необходимо обратиться к уже хорошо себя зарекомендовавшим моделям и типологиям, определяющим кросс-культурные особенности: типологии Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тёрнера; моделям Г. Хофштеде, Р. Льюиса, Э. Холла, Ш. Шварца.

Ф. Тромпенаарс и Ч. Хэмпден-Тёрнер в своей модели используют семь шкал для анализа кросс-культурных различий, пять из которых описывают отношения между людьми, шестая характе-

---

¹ Традиционно вспоминаются слова Ф. Тютчева, “Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить”.

² См., например: *Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г.* Российская деловая культура: воздействие на модель управления. М., 2010; *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М., 2002; *Смирнов Г.Н.* Российская деловая культура: Уч. пособ. М., 2010.

ризует отношение ко времени, а седьмая — к окружающей среде³. Шкала “универсализм — партикуляризм” демонстрирует отношение людей к закону и соблюдению формальных правил, либо указывая на универсальность применения законов и правил, либо на избирательность и учет обстоятельств (личных отношений, статуса и др.). С точки зрения “партикуляриста” дружба и родственные связи налагают на человека особые обязательства, поэтому возможно игнорирование универсальных требований (“как не порадеть родному человечку”)⁴. “По степени... подсознательной уверенности, что закон — это что-то внешнее, а жить надо по справедливости, которая в каждой ситуации своя, Россия сильно тяготеет в сторону восточных и азиатских культур”⁵. В партикуляристской культуре контракты можно корректировать и на что-то закрывать глаза в том случае, если выстроены хорошие личные отношения. В России бизнес во многом держится на личных отношениях, что является залогом успешности деятельности организаций.

Параметр “конкретность (специфичность) — диффузность” культуры измеряет отношение к сотруднику организации, который рассматривается либо исключительно как исполнитель функциональных обязанностей, либо оценивается как личность в целом (он может не быть профессионалом, но должен быть “хорошим человеком”, а хорошему человеку всегда можно подыскать должность и функционал). В конкретной (специфичной) культуре надо поступать согласно формальным правилам и инструкциям, в диффузной культуре — главное поступать “по совести”. Российская деловая культура является диффузной, в ней очень важны межличностные отношения, социально одобряемое поведение, умение “читать между строк” и понимать контекст ситуации, привнесение элементов внеарбочей жизни в рабочую среду является нормой (празднование дней рождения и государственных праздников на работе, сбор денег на важные для работника личные события и др.). В диффузной культуре ценится лояльность и преданность компании, к “летунам” отношение, скорее, негативное.

Параметр “индивидуализм — коллективизм” является одним из наиболее часто используемых для анализа кросс-культурных

---

³ Тромпенаарс Ф., Хэмиден-Тёрнер Ч. 4 типа корпоративной культуры. Минск, 2012.

⁴ Здесь уместно вспомнить русские поговорки: “Закон что дышло, куда повернешь — туда и вышло”, “Не подмажешь — не поедешь”, “Законов свод, а мы в обход”, “Что мне законы, коли судьи знакомы” и т.д.

⁵ Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г. Российская деловая культура... С. 52.

различий, более того, это тот параметр, который лучше всего демонстрирует разницу между “западными” и “восточными” культурами. Индивидуалистские культуры не предполагают перенесения ответственности на государство, власть, организацию за то, что происходит с индивидом, это опора на самого себя, отстаивание своих границ и личных интересов, выстраивание индивидуальной жизненной траектории, достижение личностно-значимых результатов. Коллективистские культуры, ярким примером которых являются азиатские культуры (японская, китайская, корейская), представляют собой “общества-паутины”, где все встроены в сложную сеть отношений, опутаны связями взаимных обязательств и прекрасно понимают свое место в иерархии. «Почитание родителей, покорность воле старших — это одна из базовых добродетелей, артикулирующая себя в многочисленных (порой строго кодифицированных) телесных практиках. Знай свое место, веди себя как подобает, делай, что тебе положено, — правила, регулирующие жизнь и поведение японцев. Японец воспитывается в “духе групповой солидарности”, где общие интересы всегда стоят выше личных»⁶. Российскую деловую культуру сложно отнести однозначно к коллективистской или индивидуалистской, данный параметр в большей степени характеризует именно двойственность системы ценностей россиян. Коллективизм явным образом проявляется в период кризисов и перед внешними угрозами, также можно констатировать коллективистские корни российской культуры (это связано и с религией, и с длительным советским историческим периодом), но последние исследования все больше отмечают крен в сторону индивидуализма, особенно если речь идет о молодежи, жителях мегаполисов, работниках транснациональных компаний и др. Само слово “коллективизм” у многих россиян вызывает скорее негативные коннотации — ассоциации с коммунистической идеологией, отсутствием справедливого вознаграждения за труд, “уравниловкой” и др. В то же время именно коллективизм (наряду с взаимопомощью, взаимоуважением, служением Отечеству и т.п.) относится к числу традиционных духовных ценностей, которые государство старается сохранить, что закреплено в том числе в государственных нормативных документах⁷.

---

⁶ Бизнес в литературе: социологический анализ / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2014. С. 84.

⁷ См.: Указ Президента РФ № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”, ноябрь 2022 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 09.01.2024).

Шкала “нейтральность — эмоциональность” замеряет социальную приемлемость проявления чувств, эмоций при выстраивании формальных отношений. Восточные культуры отличаются выраженной “нейтральностью”, проявление эмоций — это неумение “сохранить лицо”. Большинство западных культур (американская, британская, немецкая, скандинавская) тоже тяготеют к нейтральности и сдержанности, сохранению дистанции. Латиноамериканцы, наоборот, проявления эмоциональности воспринимают как искренность, отсутствие “двойного дна”, как правильную форму социального поведения. Российская деловая культура ближе к эмоциональной (искренность, импульсивность, гостеприимство, восприимчивость к чужому горю, допустимость проявления чувств и т.п.), но при этом достаточно устойчивым является стереотип про Россию как “страну без улыбок”, так как у нас не принято улыбаться незнакомому человеку (улыбка должна быть искренней, а не наигранной). При выстраивании деловых отношений с российскими менеджерами важно постепенно сокращать дистанцию, чтобы выйти на другой уровень отношений — эмоциональный, доверительный, прямой. Эмоциональное воздействие руководителя в России скорее воспринимается как эффективная форма осуществления управления. Умение договариваться не на основе формальных правил, а “по-человечески” — это способ принимать решения быстрее, лучше мотивировать персонал, выстраивать прямую открытую коммуникацию.

Пятый параметр “ориентация на достижение — ориентация на статус” указывает на то, чем определяется статус индивида в обществе и в организации — профессиональной компетентностью, реальными собственными достижениями и успехами, либо принадлежностью к той или иной социальной группе (как часто говорят на Востоке — “статус отца определяет статус сына”). В российской деловой культуре можно видеть сочетание традиционной аскриптивной культуры, в которой человек оценивается по его принадлежности к возрастной, кровно-родственной, профессиональной группе, с культивирующейся с 90-х гг. прошлого века “достигающей” культурой, в которой ценится индивидуальный результат и собственные заслуги человека.

Отношение к использованию времени в разных культурах различается: в западных культурах доминирует линейная модель времени (график определяет последовательность действий), восточные культуры тяготеют к циклической модели (прошлое создает контекст для сегодняшних действий, нельзя принимать решения без учета прошлого опыта). “В российской деловой среде преобладает полихрон-

но-синхронная организация рабочего времени со свойственной ей параллельностью действий, направленных на решение нескольких задач одновременно, и высокой скоростью реакции на изменение внешней среды. Российским менеджерам присуща как долгосрочная ориентация (откладывание решений, длительное выстраивание деловых отношений, затягивание переговоров), так и ориентация на краткосрочную перспективу (нацеленность на немедленный результат, на быстрое получение прибыли, стремление жить сегодняшним днем)⁸.

Наконец, культуры могут быть внешне управляемыми и внутренне управляемыми в зависимости от *отношения к окружающей среде*. Представители первого типа культур не воспринимают себя хозяевами своей судьбы, объясняя события своей жизни воздействием внешних факторов — высших сил, обстоятельств, а также действиями других людей (тяготение к экстернатальности свойственно жителям Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока). Для внутренне управляемых культур характерно стремление самому контролировать жизненные процессы, нести персональную ответственность за развитие событий (США, Великобритания, Скандинавские страны). Российская деловая культура ближе к внешне управляемой культуре, что проявляется в особенностях менталитета россиян (фатализм, мистицизм, терпение, адаптация к внешней среде) и в специфике организационного поведения. При этом следует отметить, что модель управления в России скорее тяготеет к интернатальной (внутренне ориентированной). Так, крайне интересным является портрет российского лидера согласно проекту GLOBE⁹: российский руководитель — это противоречивая личность с явно выраженным жестким авторитарным стилем поведения, это индивид, способный принимать индивидуальные решения и нести ответственность за эти решения. Действует автономно, не пытаясь сохранить лицо, работает открыто, быстро и достаточно компетентно в нестабильной внешней среде. Лидер слабо нацелен на конечный результат деятельности, он более ориентирован на сам процесс, будучи в то же время очень внимателен к статусу.

Согласно теории Э. Холла, национальные культуры, исходя из специфики организации коммуникаций, можно расположить в континууме от *низкого контекста* (ответственность за успех комму-

---

⁸ Организационное поведение (учебник и практикум для академического бакалавриата) / Под ред. С.А. Баркова. М., 2015. С. 429.

⁹ См.: GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness). URL: <https://globeproject.com/>

никации лежит на говорящем, что говорится, то и имеется ввиду, нет необходимости искать скрытый смысл) до *высокого контекста* (необходимость учета контекста, понимание общей ситуации, умение домыслить невысказанное). Высококонтекстуальные культуры (восточные) являются более сложными, необходимо хорошо разбираться в культуре страны, чтобы не делать ошибок при выстраивании деловых отношений. Российская деловая культура относится к культуре высокого контекста, в ней допустимо общаться намеками, необходимо интерпретировать интонации говорящего (важно не только *что* говорится, но и *кто* говорит, *для чего и как*). «В организации много информации, которая воспринимается “как должное”, не требует пояснений. Чем богаче контекст (наличие историй, легенд, мифов, традиций), тем сложнее человеку со стороны понять культуру организации, почувствовать себя “своим” в компании, правильно себя вести. Отношения внутри организации часто являются “диффузными”, т.е. начальник остается начальником в любой ситуации (при формальных и при неформальных контактах). Мнение руководителя весомо всегда, начальник прав “по определению”, так как он начальник. Полномочия и дифференцированный статус воспринимаются как “естественные” атрибуты руководителя безотносительно задач, с которыми он справляется или не справляется, точно так же, как родитель не перестает считаться родителем, если он перестал выполнять определенные обязанности»¹⁰. Человеку, не имеющему отношения к России, очень сложно объяснить целый комплекс смыслов, связанных с императивом жить или что-то делать “по-русски”.

По модели Р. Льюиса, Россия снова демонстрирует двойственность, сочетая европейские черты с азиатскими, в континууме *моноактивность–полиактивность* российская деловая культура находится примерно посередине, чуть ближе к полиактивности¹¹. Для полиактивной культуры свойственно не жестко придерживаться графиков, а выстраивать последовательность действий в зависимости от важности дела на данный момент, нет строгих алгоритмов и формальных правил, которые необходимо соблюдать без учета ситуации, многое определяется исходя из обстоятельств, личных отношений и др.

---

¹⁰ Тавриленко О.В. Россия между Западом и Востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 56–70. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-56-70>. С. 67.

¹¹ Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. М., 2001.

Значительный вклад в понимание межкультурных различий внес голландский ученый Г. Хофштеде, проводивший исследования более чем в 60 странах. Изначально им были взяты для анализа четыре параметра — *дистанция власти, стремление избежать неопределенности, индивидуализм—коллективизм, мужественность—женственность культуры*. В дальнейшем Хофштеде выделил параметр долгосрочность-краткосрочность ориентации, а совсем недавно стали использовать и шестой параметр кросс-культурного сравнения *сдержанность* (аскетизм) — *дозволенность, допущение* (гедонизм)¹². Современная российская деловая культура по модели Хофштеде отличается следующими параметрами: высокая дистанция власти (нежелание спорить с руководством, понимание своего места в социальной структуре, принятие директивного стиля руководства), высокое стремление избегания неопределенности¹³ (нежелание перемен, ценность стабильности, перекалывание ответственности на других, нелюбовь к конкуренции внутри компании, круговая порука), сочетание мужественности и женственности культуры (Россию по доминирующим ценностям — сострадание, взаимопомощь, самопожертвование — можно отнести к феминным культурам, но в то же время в деловой культуре ярко проявляются и черты маскулинной культуры — ориентация на успех, наличие различных проявлений гендерного неравенства (как бы женщина ни была успешна в профессиональной деятельности, семья и дети — это ее зона ответственности), жесткий стиль руководства), средний уровень коллективизма (этот параметр уже был рассмотрен в типологии Ф. Тромпенаарса), чуть выше среднего долгосрочность ориентации (Россия находится примерно посередине шкалы, долгосрочность проявляется в ориентации на будущее, в стремлении к сбережениям и накоплению, необходимости отказываться себе в чем-то ради детей и внуков, краткосрочность же — это уважение традиций и взгляд в прошлое, это ориентация на быстрый результат, неуверенность в завтрашнем дне), сдержанность (высокая степень контроля желаний, необходимость ограничений, соблюдение социальных норм).

Хорошо себя зарекомендовала при анализе культуры теория культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца, на которой мы

---

¹² Официальный сайт Г. Хофштеде. URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения: 28.12.2023).

¹³ Интересно, что высокое избегание неопределенности характерно именно для персонала, но не для руководящего состава. Российским предпринимателям и менеджерам свойственно более спокойное отношение к риску, изменениям, высокая адаптивность к внешним факторам (*Прим. автора*).

остановимся подробнее¹⁴. Согласно подходу Шварца, все общества сталкиваются с определенными базовыми проблемами регулирования человеческой деятельности (выделенными еще Ф. Клакхон и Ф. Строббеком)¹⁵. Культурные ориентации определяют способы, которыми разные общества решают базовые проблемы регулирования человеческой деятельности. “Люди должны определить эти проблемы, спланировать способы их решения и мотивировать друг друга для такой деятельности. Способы решения этих проблем могут быть использованы в качестве измерений культурных отличий”¹⁶. Шварц выделил эти измерения, рассматривая три основные проблемы, с которыми сталкиваются все общества: 1) природа отношений между личностью и группой, 2) обеспечение социально ответственного поведения индивидов, 3) отношение людей к своему природному и социальному окружению.

Рассматривая проблему природы отношений между группой и личностью, Шварц предложил шкалу “автономия — принадлежность”. В культурах, в которых ценят автономию, индивиды рассматриваются как независимые и самостоятельные, у них есть возможность свободно выражать свои чувства, предпочтения, идеи. Шварц выделял два вида автономии: автономия интеллектуальная (широта и нестандартность взглядов, любознательность, творчество) и аффективная (получение удовольствия, разнообразие жизни, наслаждение). В культурах, ориентированных на принадлежность, приоритет отдается социальным отношениям и порядку, идентификации индивида с группой, уважению традиций, разделению образа жизни группы и стремлению к групповым целям. Важны ориентация на сохранение существующего порядка и избегание действий, которые могут разрушить групповую солидарность. Российская деловая культура по модели Шварца тяготеет к полюсу “принадлежность”.

Решая проблему обеспечения социально ответственного поведения, индивиды либо соотносят свое благополучие с благополучием окружающих, ориентируются на оказание помощи другим людям, считая всех “равными себе” (полюс “равенство”), либо опираются на иерархическую систему ролевых предписаний, признание неравенства, принятие этого иерархического порядка и согласие с обязанностями и правилами (полюс “иерархия”). Российская де-

---

¹⁴ Schwartz S.H. Universals in content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. San Diego, 1992. Vol. 25.

¹⁵ Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009.

¹⁶ Там же. С. 47.

ловая культура по модели Шварца является выражено иерархической культурой, наряду с большинством восточных культур.

Третьей проблемой является регулирование отношения индивидов к природе и социальному окружению. Шварц выделяет шкалу “гармония” — “мастерство”, где гармония подразумевает заботу об окружающей среде, защиту природы, невмешательство человека в сложные природные процессы, а мастерство — это ориентация на преобразование природной и социальной среды ради достижения целей человека или группы. Российская деловая культура далека от полюса “гармония” и явно тяготеет к “мастерству”.

Проведя в 1990-е гг. эмпирическое исследование в европейских странах, Шварц показал различие между странами Восточной и Западной Европы¹⁷. Так, для стран Восточной Европы характерны “принадлежность” и “иерархия” (то же можно сказать и про Россию), в то время как для западноевропейских стран важны “равноправие”, “мастерство”, “интеллектуальная и аффективная автономия”. Акцент на равноправии, автономии стимулирует развитие институтов демократии, в то время как ориентация на власть и принадлежность формирует патернализм и этатизм. Шварц настаивает на том, что, если какая-то культурная ориентация проявляется слишком сильно и отсутствует противоположный полюс, это приводит к проблемам. Так, выраженный акцент на принадлежности “убивает” индивидуальность, а на равноправие — делает невозможным успешные социальные объединения; гармония сковывает развитие, а мастерство приводит к чрезмерной эксплуатации среды; равноправие затрудняет реализацию ролевых функций, а иерархия формирует выраженное неравенство в распределении власти.

Согласно теории Шварца кроме культурного измерения существует еще и индивидуальное измерение ценностей, которое также может помочь в понимании особенностей организационного поведения и управленческой культуры. Шварц выделил 10 блоков ценностей (типов мотивации), каждый блок представляет какую-то мотивационную цель индивида: 1) самостоятельность (свобода мысли и действия, желание быть автономным и независимым); 2) стимуляция (активность, новизна ощущений, наполненность жизни событиями); 3) гедонизм (чувственные удовольствия, удовлетворение базовых потребностей); 4) власть (потребность в доминировании, важность статуса, материальный достаток); 5) достижение (личный успех и социальное одобрение); 6) безопасность (предсказуемость,

---

¹⁷ Культура как фактор общественного прогресса. С. 65.

отсутствие потрясений); 7) конформность (приоритет интересов группы, гармония с окружающими); 8) традиция (поддержание стабильности общества, важность обычаев и ритуализированных практик); 9) благожелательность (принадлежность группе, межличностные отношения, солидарность); 10) универсализм (терпимость и поддержание благополучия окружающих, гармония с природой, универсальные эстетические потребности в красоте и гармонии)¹⁸. Одни ценности могут противоречить другим (ценности безопасности, конформности, традиции противоречат ценностям самостоятельности и стимуляции, ценности благожелательности и универсализма могут противоречить ценностям самоутверждения (власти, достижения, гедонизма)), другие ценности находятся в непротиворечивых отношениях (например, власть и достижение, либо традиция и конформность).

Россия в 2007 г. стала участником масштабного международного проекта “Европейское социальное исследование” (European Social Survey — ESS), что позволило сравнить ценности россиян с ценностями жителей других европейских стран по методологии Шварца. Результаты исследования ценностей российского населения в сравнении с ценностями населения европейских стран, проведенного в 2006–2007 гг., представили в своей научной статье В.С. Магун и М.Г. Руднев¹⁹. По мнению авторов статьи, ценностные показатели среднего россиянина чаще отличаются, чем совпадают с ценностями “средних” представителей других европейских стран. Российские исследователи сгруппировали десять блоков ценностей в четырех укрупненные категории ценностей: 1) сохранение (ценности безопасности, конформности, традиции); 2) открытость изменениям (самостоятельность, стимуляция, гедонизм); 3) самоутверждение (власть, достижение); 4) забота о людях и природе (благожелательность, универсализм). Россияне опережают большинство европейских стран по ценностям укрупненной группы “самоутверждение” (прежде всего, по значимости ценности власти, достатка, социального одобрения), по группе “открытость изменениям” Россия уступает европейским странам, ценности группы “забота о людях и природе” выражены средне. Достаточно интересна картина по укрупненной группе “сохранение”. Так, россияне резко отличаются от опрошенных европейцев по важности безопасности, получая самые высокие баллы, в то время как другие ценности кластера — конформизм и традиция — выражены средне, что не позволяет конста-

¹⁸ Культура как фактор общественного прогресса. С. 61.

¹⁹ Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3. С. 5–22.

тировать явную приверженность россиян ценностям сохранения. “Итак, по итогам всех описанных в этом разделе ценностных сопоставлений можно представить сегодняшнего среднего россиянина как человека, для которого в сравнении с жителями большинства других европейских стран, включенных в исследование, характерна более высокая осторожность (или даже страх) и более выраженная потребность в защите со стороны сильного государства; у него слабее выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности и ему менее свойственны склонность к риску, стремление к веселью и удовольствиям... В то же время средний россиянин сегодня сильнее, чем жители большинства европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию. В связи с этим в его сознании меньше, чем у представителей других стран, остается места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, для толерантности, заботы о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружает”²⁰.

В более позднем исследовании ESS, проведенном в 2012–2014 гг., результаты по России сильно не изменились, все так же выражены ценности власти, достижения и безопасности, слабо проявлены ценности самостоятельности, гедонизма, стимуляции и заботы, средний уровень выраженности конформности и ориентации на традиции²¹. В Европе же наблюдается доминирование ценностей самостоятельности, универсализма, благожелательности, стимуляции (активности). При этом более выражены проявления этих ценностей в тех европейских странах, где наблюдается экономический рост и социальная стабильность. Интересно, что результаты исследования России по модели Шварца во многом противоречат устойчивым представлениям о российской деловой культуре и пресловутым “русском национальном характере”, которому приписываются терпение и покорность, забота о ближнем, самопожертвование, верность традициям, приоритет общего над частным, духовного над материальным и др.²² При этом большинство исследователей

---

²⁰ Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте. С. 19.

²¹ Witte E.H., Stanciu A., Boehnke K. A new empirical approach to intercultural comparisons of value preferences based on Schwartz's theory // *Frontiers in Psychology*. 2020. N 11. P. 1723. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01723. P. 9.

²² Так, Е.А. Сverdlikova, А.А. Tagibova по результатам своего исследования выделяют три доминирующие ценности российской деловой культуры: трудолюбие, умение ставить и решать сверхзадачу, преобладание моральной мотивации труда над материальной (См.: Сverdlikova E.A., Tagibova A.A. Динамика ценностей российской деловой культуры в зеркале СМИ // *Вестник Московского универси-*

приходят к схожим выводам относительно важности для российской деловой культуры ощущения безопасности, избегания неопределенности и риска, ценности стабильности. Именно для придания предсказуемости рабочим процессам и сохранения стабильности организации активно используются ритуалы.

Ритуализированные практики давно и прочно вписаны в рабочую жизнь, придавая ей размеренность и предсказуемость. Ритуалы и традиции являются неотъемлемым элементом организационной культуры, способствуя формированию сплоченности сотрудников и корпоративного духа, традиции и ритуалы сохраняют организацию, в ходе ритуализации повседневных рабочих практик происходит демонстрация и передача сотрудникам ценностей организации, обеспечивается стабильность компании.

Согласно теории Т. Дила и А. Кеннеди, можно выделить следующие типы организационных ритуалов²³: ритуалы социальной коммуникации (ритуалы, регулирующие отношения внутри коллектива — степень формальности отношений, допустимость открытого выражения эмоций, уровень приемлемой дистанции между разными категориями сотрудников — начальством и подчиненными, “новичками” и “старожилами”), рабочие ритуалы (обсуждения рабочих вопросов, соблюдение стандартов обслуживания клиентов и др.), ритуалы управления (проведение рабочих совещаний, составление планов и отчетов, дисциплинарные практики, назначение и снятие с должности), ритуалы официального признания (проводы на пенсию, размещение информации о сотруднике на сайте компании или на “доске почета”)²⁴.

Исследователи выделяют и другие типы ритуалов в организации²⁵. *Ритуалы перехода (иницирующие ритуалы)* связаны с процессом изменения роли или статуса человека внутри организации или социальной системы (это распространенные в России школьный последний звонок, посвящение в первокурсники, ритуалы инициации при поступлении на работу или проводы на пенсию). Основное значение этих ритуалов заключается в том, чтобы сопровождать вступающих в новую должность или уходящих со службы в процессе перемены их статуса и интеграции в новые условия. Ини-

---

тета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 2. С. 226–241. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-2-226-241>. С. 240).

²³ Deal T., Kennedy A. Corporate cultures. The rites and rituals of corporate life. L., 1982. P. 69.

²⁴ Артефакты организационной культуры: Коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2023. С. 314.

²⁵ Взаимоотношения организации и работников: тенденции, проблемы и решения: Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Ксенофонтовой. М., 2021. С. 55–58.

цирующие ритуалы при поступлении на работу могут включать знакомство новичка с корпоративными правилами, историей и традициями компании, ее ценностями, нормами, спецификой управления, формальными и неформальными требованиями к поведению.

Ритуалы интеграции направлены на консолидацию и сплоченность коллектива на основе общих корпоративных ценностей. Классическими примерами таких ритуалов могут служить корпоративы, праздничные (новогодние вечера, государственные и отраслевые праздники, юбилеи фирмы) и спортивные мероприятия. С помощью подобных мероприятий сотрудники лучше узнают друг друга, что способствует созданию корпоративного духа и укреплению корпоративной солидарности. Гимны, корпоративные символы, дресс-код также способствуют единению и ощущению сплоченности персонала.

Ритуалы поощрения способствуют повышению мотивации сотрудников путем публичного признания их заслуг, что сказывается как на материальном положении работника, так и на его статусе. Ритуалы поощрения явным образом указывают на правильность определенного типа поведения, которое руководство компании предлагает в качестве образца для сотрудников (размещение фотографии сотрудника на доске почета, торжественное вручение наград, почетных грамот, денежных премий, продвижение по службе и т.п.).

Ритуалы порицания связаны с публичным осуждением тех или иных действий персонала, направленных на принесение материального или репутационного ущерба организации (административные выговоры, штрафы, понижения в должности и увольнения).

Ритуалы разрешения споров и улаживания конфликтов направлены на снижение напряженности в коллективе и поиск решения проблем. К ритуалам этого типа можно отнести экстренные совещания руководства, переговоры с профсоюзами, пресс-конференции, проводимые для информирования общественности, и т.п.

Воспроизводящие ритуалы (ритуалы обновления) ориентированы на поддержание традиций, норм и ценностей организации. Задача таких ритуалов — избежать усталости сотрудников от чрезмерной формализации и рутинности. Ритуалы обновления способствуют развитию вертикальных и горизонтальных связей внутри коллектива, способствуют усилению приверженности и лояльности персонала. К числу таких ритуалов можно отнести выступление руководителей фирмы с традиционным ежегодным отчетом о положении дел в компании и планах на будущее, изменение корпоративной символики, введение новой формы одежды, новые совместные мероприятия и др.

Кризисные ритуалы необходимы для быстрой мобилизации сотрудников и поднятия морального духа в период форс-мажоров, бедствий и действия иных факторов, дестабилизирующих функционирование компании, — военных конфликтов, экономических кризисов, угрозы недружественного поглощения (обращения руководства к коллективу).

Календарные ритуалы привязаны к конкретным датам — началу и окончанию учебного или календарного года, государственным праздникам, дню основания организации и т.п.

В советское время в организациях также большое значение придавалось соблюдению традиций и ритуалов, часть из которых носила выраженную идеологическую окраску²⁶. «Советским организациям были свойственны ритуалы самого разного типа: календарные (традиции и ритуалы, связанные с подготовкой и проведением государственных праздников: первомайские и ноябрьские демонстрации, новогодние утренники для детей с раздачей подарков, взаимное “одаривание” коллег во время “гендерных” праздников), ритуалы поощрения/наказания (заседания парткомов, выговоры, размещение на доске почета, присвоение разряда/понижение разряда, путевки в Артек детям сотрудников, приобретение без очереди холодильника, телевизора и др.), ритуалы интеграции (поездки на “картошку”, спортивные соревнования, субботники, соревнования коллективов художественной самодеятельности), ритуалы инициации (посвящение в профессию, необходимость “проставиться” новичку, чтобы влиться в коллектив, “скинуться” на юбилей, рождение ребенка и др., “обмывание звездочек”, выборы в народный контроль), воспроизводящие ритуалы (ритуалы обновления) (пятиминутки, совещания, политинформации, мероприятия в рамках общества знания, лекции по новым специальностям в институте марксизма-ленинизма), ритуалы решения конфликтов (товарищеские суды, конфликтные комиссии — половина членов от профкома и половина от администрации), кризисные ритуалы (социалистические соревнования, приуроченные к важным датам, “догоним и перегоним Америку”, работа по субботам перед сдачей объектов, аврал в конце квартала и квартальная премия)»²⁷.

Сравнивая советские организации с современными российскими, можно диагностировать как сходство, так и различия. «Советским организациям был свойственен коллективизм, высокая

---

²⁶ Москва-Пекин. Сборник к столетию образования Союза ССР. М., 2023.

²⁷ Виртуальные русские и их экономические реалии: коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова, А.В. Маркеевой. М., 2019. С. 346.

дистанция власти, приоритет общего над частным, централизация власти и ответственности, важность межличностных отношений, отношение к персоналу как к “винтику”, долгосрочный найм персонала, доминирование нематериального стимулирования. Некоторые элементы “советской” организационной культуры сохраняются и в современных российских организациях, придавая определенный “оттенок” российской деловой культуре. Сегодняшние вызовы внешней среды требуют изменения организационной культуры современных компаний от традиционной кланово-иерархической, доминировавшей в советский период, к рыночной или адхократической культурам, стержневыми ценностями которых являются конкурентоспособность (в том числе, за счет усиления внутренней конкуренции между сотрудниками или подразделениями), эффективность, предприимчивость, агрессивность, индивидуализм, предприимчивость»²⁸.

Опираясь на рассмотренные выше модели и типологии культур, можно выделить самые яркие черты российской деловой культуры, придающие ей уникальность и узнаваемость. Прежде всего, это высокая дистанция власти и принятие индивидами сложившегося иерархического порядка, уважение к статусу, зависимость бизнеса от власти. Для российских компаний на уровне персонала характерно высокое избегание неопределенности, важность ценности стабильности, безопасности, конформизм и соблюдение традиций, в то время как на уровне управленческого кадрового состава наблюдается спокойное отношение к риску и неопределенности, гибкость и высокая адаптивность к изменениям внешней среды, ориентация на быстрый результат, умение работать в режиме многозадачности.

Для российской деловой культуры характерна двойственность и “сочетание несочетаемого”. Так, организационной культуре российских компаний одновременно свойственен коллективизм и индивидуализм, маскулинность и феминность, ориентация на задачу и на человека, моноактивность и полиактивность, полихронно-синхронная организация рабочего времени, долгосрочность и краткосрочность ориентации, сочетание централизации и децентрализации, ориентация на индивидуальные достижения и на предписанный статус. Еще одной характерной чертой российского бизнеса является активное использование неформальных связей и опора на межличностные отношения. С позиции “западного” под-

---

²⁸ Гавриленко О.В. Организационная культура и трудовая этика в советских и российских организациях: преемственность и различия // Социология. 2022. № 5. С. 98.

хода к управлению отход от формально-деловых принципов выстраивания управленческих и производственных процессов в организации является дисфункцией, в то же время многие иностранцы, работающие в России или с российскими компаниями, признают, что опора на личные связи внутри организации и за ее пределами в нашей стране очень помогают эффективно вести бизнес и выстраивать деловые взаимодействия²⁹. Партикуляризм и правовой нигилизм довольно характерны для российской деловой культуры, обстоятельства и личные отношения могут быть важнее правил и “буквы” закона (жить надо не столько по закону, сколько по справедливости и по совести). Также российскому персоналу присуще умение работать не ритмично и по графику, а в авральном режиме (в нужный момент мобилизоваться и свернуть горы); фатализм, мистицизм, пессимизм в отношении будущего и недоверие к власти и друг к другу (а также подозрительность в отношении “чужих”)³⁰; круговая порука и готовность прийти на помощь, способность “пострадать за ближнего” (что не совсем согласуется с низким уровнем доверия, но мы выше уже неоднократно указывали на двойственность российской культуры); умение “читать между строк” и понимать сообщения на основании контекста, не задавая лишних вопросов.

Если определять место российской деловой культуры в сложной мозаике зарубежных культур, то опираясь на рассмотренные выше параметры, можно отнести российскую культуру значительно ближе к восточным культурам, чем к западным, хотя сами российские менеджеры себя больше ассоциируют с “западом” и стараются использовать преимущественно западные управленческие практики³¹. Тем не менее российским компаниям скорее свойственны черты “восточных” организаций — клановость, диффузность (желание смешивать личное и профессиональное), высококонтекстуальность, высокая дистанция власти, приоритет личных отношений над формальными предписаниями, патернализм, тяготение к

---

²⁹ См.: Красовский Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией. М., 2007. С. 208.

³⁰ Российскую культуру многие исследователи относят к “суровым” культурам, в которых низкий уровень доверия, неуверенность в завтрашнем дне, тяжелый климат и др. способствуют выработке привычки рассчитывать только на себя. См., например: *Minkov M., Kaasa A., Akaliyski P., Schachner M.* “Harsh” culture, alcoholism, climate, and social hardship explain national differences in suicide rates // *Comparative Sociology*. 2022. N 21. P. 43–63.

³¹ *Маркеева А.В., Гавриленко О.В.* Культура и практики управления: модернизация vs сохранения национальной идентичности (на примере восточных деловых культур) // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 10–3 (75–3). С. 114–121.

коллективизму, умение ставить и выполнять сверхзадачу, широкая компетентность и умение “перебрасывать мостик” от одной сферы деятельности к другой, творческий подход к делу и нелюбовь к алгоритмам и правилам, работа в условиях многозадачности и др. При этом следует отметить, что российская деловая культура, даже частично впитывая и усваивая “чужие” ценности и социальные практики, все равно сохраняет свою национальную идентичность, свою самобытность, непохожесть на западные и восточные культуры, сохраняет традиционные ценности и основы общественной жизни, опираясь на российский историко-культурный контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артефакты организационной культуры: Коллект. Монограф. / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2023.

Бизнес в литературе: социологических анализ / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2014.

Взаимоотношения организации и работников: тенденции, проблемы и решения: Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Ксенофонтовой. М., 2021.

Гавриленко О.В. Россия между Западом и Востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 56–70. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-56-70>.

Гавриленко О.В. Организационная культура и трудовая этика в советских и российских организациях: преемственность и различия // Социология. 2022. № 5. С. 98–107.

Красовский Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией. М., 2007.

Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009.

Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. М., 2001.

Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22.

Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Культура и практики управления: модернизация vs сохранения национальной идентичности (на примере восточных деловых культур) // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10–3 (75–3). С. 114–121.

Москва-Пекин. Сборник к столетию образования Союза ССР. М., 2023.

Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г. Российская деловая культура: воздействие на модель управления. М., 2010.

Организационное поведение (учебник и практикум для академического бакалавриата) / Под ред. С.А. Баркова. М., 2015.

Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2002.

Свердликова Е.А., Тагибова А.А. Динамика ценностей российской деловой культуры в зеркале СМИ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 2. С. 226–241. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-2-226-241>

Смирнов Г.Н. Российская деловая культура: Уч. пособ. М., 2010.
Тромпенаарс Ф., Хэмиден-Тёрнер Ч. 4 типа корпоративной культуры. Минск, 2012.

Указ Президента РФ № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”, ноябрь 2022 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>

REFERENCES

Artefakty organizacionnoj kul'tury: kollektivnaja monografija [Artifacts of organizational culture: a collective monograph] / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova. M., 2023 (in Russian).

Biznes v literature: sociologicheskij analiz [Business in literature: a sociological analysis] / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova. M., 2014 (in Russian).

Deal T., Kennedy A. Corporate cultures. The rites and rituals of corporate life. L., 1982.

Gavrilenko O.V. Organizacionnaja kul'tura i trudovaja jetika v sovetskijh i rossijskijh organizacijah: preemstvennost' i razlichija [Organizational Culture and Work Ethics in Soviet and Russian Organizations: Continuity and Differences] // Sociologija. 2022. N 5. S. 98–107 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Rossiya mezhdz Zapadom i Vostokom: organizacija, kul'tura, praktiki upravlenija i otnoshenija neravenstva [Russia between West and East: Organization, Culture, Management Practices and Relations of Inequality] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2014. N 3. S. 56–70. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-56-70> (in Russian).

Krasovskij Ju.D. Sociokul'turnye osnovy upravlenija biznes-organizaciej [Sociocultural foundations of business organization management]. M., 2007 (in Russian).

Kul'tura kak faktor obshhestvennogo progressa [Culture as a factor of social progress]. M., 2009 (in Russian).

Ljuis R. Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese: ot stolknovenija k vzaimoponimaniu [Business cultures in international business: from clash to mutual understanding]. M., 2001 (in Russian).

Minkov M., Kaasa A., Akaliyski P., Schachner M. “Harsh” culture, alcoholism, climate, and social hardship explain national differences in suicide rates // Comparative Sociology. 2022. N 21. P. 43–63.

Magun V.S., Rudnev M.G. Bazovye cennosti rossiyan v evropejskom kontekste [Basic Values of Russians in the European Context] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. N 3. C. 5–22 (in Russian).

Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Kul'tura i praktiki upravlenija: modernizacija vs sohraneniya nacional'noj identichnosti (na primere vostochnyh delovyh kul'tur) [Management culture and practices: modernization vs preservation of national identity (on the example of Eastern business cultures)] // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2016. N 10–3 (75–3). S. 114–121 (in Russian).

Mjasoedov S.P., Kolesnikova I.V., Borisova L.G. Rossijskaja delovaja kul'tura: vozdejstvie na model' upravlenija [Russian business culture: impact on the management model]. M., 2010 (in Russian).

Moskva-Pekin. Sbornik k stoletiju obrazovanija Sojuza SSR [Moscow-Beijing. Collection for the centenary of the formation of the Union of Soviet Socialist Republics]. M., 2023 (in Russian).

Organizacionnoe povedenie (uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata) [Organizational behavior] / Pod red. S.A. Barkova. M., 2015 (in Russian).

Prohorov A.P. Russkaja model' upravljenija [Russian model of management]. M., 2002 (in Russian).

Schwartz S.H. Universals in content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. San Diego, 1992. Vol. 25.

Smirnov G.N. Rossijskaja delovaja kul'tura: uchebnoe posobie [Russian business culture: textbook]. M., 2010 (in Russian).

Sverdlikova E.A., Tagibova A.A. Dinamika cennostej rossijskoj delovoj kul'tury v zerkale SMI [Dynamics of values of Russian business culture in the mirror of mass media] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*. 2016. T. 22. N 2. S. 226–241. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-2-226-241> (in Russian).

Trompenaars F., Hjempden-Tjorner Ch. 4 tipa korporativnoj kul'tury [4 types of corporate cultures]. Minsk, 2012 (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF N 809 "Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej", nojabr' 2022g. (in Russian).

Vzaimootnoshenija organizacii i rabotnikov: tendencii, problemy i reshenija: kollektivnaja monografija [Organization-employee relations: trends, problems and solutions: a collective monograph] / Pod red. E.G. Ksenofontovoj. M., 2021 (in Russian).

Witte E.H., Stanciu A., Boehnke K. A new empirical approach to intercultural comparisons of value preferences based on Schwartz's theory // *Frontiers in Psychology*. 2020. N 11. P. 1723. DOI: [10.3389/fpsyg.2020.01723](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01723).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-178-188

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕНЬГАМ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Е.Ю. Мещанинова, старший преподаватель кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье анализируется гендерный аспект отношения к деньгам и выбору финансовых стратегий поведения. Множество проблем, имеющих отношение к финансам, связаны не с деньгами как таковыми, а с отношением к ним индивидов. Несмотря на наличие общих характеристик ценностно-смыслового отношения к феномену денег у мужчин и женщин, они по-разному воспринимают некоторые явления экономической реальности. По данной тематике имеются определенные наработки в психологии и социальных науках, однако гендерные особенности восприятия денег по-прежнему остаются слабо изученными. В статье дается краткое описание результатов зарубежных и отечественных исследований в данном направлении, а также приводятся данные опроса студентов МГУ имени М.В. Ломоносова, проведенного автором в мае–июне 2023 г. Анализ данных социологического опроса показал, что девушкам в большей степени свойственно тревожиться относительно денежных вопросов и они чаще недовольны своим материальным положением. Это обуславливает и разницу финансовых стратегий юношей и девушек. Студенческая молодежь выражает желание увеличить свои доходы, однако стремление сохранить имеющейся доход больше свойственно мужской части студенчества, а настрой на увеличение уже имеющихся накоплений — женской. Для юношей деньги важны как основное условие успеха и самореализации. Для девушек деньги являются в большей степени средством достижения чувства свободы и безопасности. Указанные особенности влияют и на финансовые практики респондентов. Так, например, практика ведения доходов-расходов более свойственна студентам мужского пола. Девушкам в меньшей степени присуща точка зрения, что зарабатывание денег требует значительной отдачи в плане усилий, поэтому для того, чтобы много зарабатывать, нужно больше работать. У студенток на вопрос о выборе стратегии финансового поведения самым популярным ответом стало утверждение “лучше меньше работать и больше зарабатывать”.

Ключевые слова: деньги, гендер, отношение к деньгам, ценностно-смысловое отношение, финансовые стратегии поведения.

---

* Мещанинова Евгения Юрьевна, e-mail: E.Meshchaninova@yandex.ru

VALUE-SEMANTIC ATTITUDE TO MONEY: GENDER ASPECT

Meshchaninova Evgeniia Y., Senior Lecturer, Department of Sociology of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: E.Meshchaninova@yandex.ru

The article analyzes the gender aspect of the attitude to money and the choice of financial strategies of behavior. Many problems related to finance are not related to money as such, but to the attitude of individuals towards it. Despite the presence of common characteristics of the value-semantic attitude to the phenomenon of money among men and women, they perceive some phenomena of economic reality differently. There are certain developments in psychology and social sciences on this topic, but the gender characteristics of money perception are still poorly understood. The article provides a brief description of the results of foreign and domestic research in this area, as well as data from a survey of students of Lomonosov Moscow State University conducted by the author in May–June 2023. The analysis of the sociological survey data showed that girls tend to worry more about money issues and they are more often dissatisfied with their financial situation. This also causes a difference in the financial strategies of boys and girls. The student youth expresses a desire to increase their income, but the desire to maintain the available income is more typical of the male part of the student body, and the mood to increase existing savings is female. For young men, money is important as the main condition for success and self-realization. For girls, money is more a means to achieve a sense of freedom and security. These features also affect the financial practices of the respondents. For example, the practice of income-expenditure management is more typical for male students. To a lesser extent, girls have a point of view that making money requires a significant return in captivity of efforts, therefore, in order to earn a lot, you need to work more. When asked by students about choosing a financial strategy for behavior, the most popular answer was the statement “it is better to work less and earn more”.

Key words: money, gender, attitude to money, value-semantic attitude, financial strategies of behavior.

В психологических и социальных науках принято рассматривать деньги не только как финансово-экономическую категорию, но и как социально-культурную. Неудивительно, что в данном случае на первый план выходит символическая, культурная составляющая феномена денег, ведь денежные средства (материальные и виртуальные) представляют собой не просто средство обмена, но и социально-культурный символ, который активизирует в сознании индивидов совокупность коллективных представлений, образов, установок, мифов и пр. Поэтому они способны обеспечить внутренний покой и равновесие личности или, наоборот, породить ряд тревожных и беспокойных мыслей. В современном капиталистическом

мире роль денег не сводится к экономическим функциям, она дополнена социальной, психологической и эмоциональной составляющей. Множество проблем, имеющих отношение к финансам, связаны не с деньгами как таковыми, а с отношением к ним человека. Однако гендерный аспект отношения к деньгам по-прежнему остается недостаточно изученным, несмотря на то, что ученые обратили внимание на факт разного отношения мужчин и женщин к одним и тем же явлениям экономической жизни (деньгам, тратам, покупкам, сбережениям, заработкам и др.) еще в 80-е гг. прошлого века. Данные различия можно объяснить спецификой социализации мужчин и женщин в социуме: мальчики и девочки развиваются в определенных гендерных культурах, потому усваивают соответствующие представления о гендерных ролях, мужские и женские модели поведения и способы мышления.

Впервые обобщенные выводы о гендерных различиях в денежных установках были представлены в работе В. Рубинштейн¹. Выяснилось, что мужчины выражают больше уверенности в финансовых вопросах, чем женщины, хотя деньги играют важную роль в жизни представителей обоих полов. Мужчины выражают большую удовлетворенность своим финансовым положением и более оптимистичны относительно своей будущей денежной ситуации, чем женщины. Женщины, в свою очередь, более не уверены в финансовых ситуациях, чаще испытывают чувство тревоги, стыда, зависти по отношению к деньгам. Психологи М. Аргайл, Э. Фернхэм² указывают, что женщины (и еще пожилые люди, бедные, представители низших социальных слоев и невротики) в большей степени обеспокоены проблемой денег, чем мужчины. К. Ямаучи и Д. Темплер³ исследовали различия между мужчинами и женщинами в вопросе планирования, откладывания денег на будущее. Оказалось, что мужчины реже используют деньги как инструмент борьбы за внимание, влияние и власть. Х. Диттмар⁴ при изучении импульсивных покупок, совершаемых мужчинами и женщинами, пришла к выводу, что женщины совершают незапланированные покупки чаще мужчин, однако последние тратят на импульсивное потребление куда большие суммы. Женщины склонны покупать вещи, которые при-

---

¹ *Rubinstein W.D.* Survey report on money // *Psychology Today*. 1981. Vol. 5. P. 24–44.

² *Furnham A., Argyle M.* The psychology of money. L., 1998.

³ *Yamauchi K., Templer D.* The development of a money attitude scale // *Journal of Personality Assessment*. 1982. Vol. 46. P. 522–528.

⁴ *Dittmar H.* Gender identity-related meanings of personal possessions // *British Journal of Social Psychology*. 1989. Vol. 28. P. 159–171.

носят эмоциональный комфорт и улучшают отношения с другими людьми. Мужчины предпочитают покупать то, что обеспечивает им возможность самовыражения, имеет необходимую функциональность и пользу.

А.О. Фенько⁵ в статье “Гендерные различия в отношении россиян к деньгам” представила результаты эмпирического изучения гендерных различий в отношении к деньгам. Отношение к деньгам было выявлено с помощью оценки по факторам “тревожности”, “бережливости” и “заработка”. Наибольшую корреляцию с полом имел фактор “тревожность”: и мужчины, и женщины выражают беспокойство и противоречивые чувства по отношению к денежным вопросам (деньги в их сознании имеют конфликтные смыслы), однако данное выражение имеет особенности у представителей разных полов. Как пишет автор, “женщины склонны выражать этот внутренний конфликт в импульсивном поведении, за которым следует чувство вины и попытка скрыть свое финансовое положение. А мужчины чаще прибегают к проекции своего внутреннего напряжения на окружающих, проявляя подозрительность, недоверие и вступая в открытые конфликты с членами семьи”⁶.

В статье “Анализ характеристик ценностно-смысловых отношений к деньгам юношей и девушек студентов”⁷ авторы описывают отношение к деньгам у студентов-юношей и студенток-девушек через три компонента: мотивационно-когнитивный (ценность денег в иерархии других мотивов и ценностей), эмоциональный (переживания, чувства относительно денег) и конативный (поведенческий компонент, выражение намерений и действий в адрес денег). Мотив жизнедеятельности “деньги” (мотивационно-когнитивный компонент) у юношей-студентов отличается конкретностью и доминирует преимущественно в одной жизненной сфере — самореализации (“сам/сама”). Деньги рассматриваются ими как терминальные ценности, т.е. как цели, а не средства для достижения чего-либо.

---

⁵ Фенько А.О. Гендерные различия в отношении россиян к деньгам // Проблемы экономической психологии. Т. 1. Институт психологии РАН / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М., 2004 С. 261–279. URL: https://vuzdoc.org/171796/psihologiya/gendernye_razlichiya_otnoshenii_rossiyan_dengam?ysclid=lqf076c8h6651661515 (дата обращения: 20.11.2023).

⁶ Там же.

⁷ Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Анализ характеристик ценностно-смысловых отношений к деньгам юношей и девушек студентов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2016. № 1 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-harakteristik-tsennostno-smyslovyh-otnosheniy-k-dengam-yunoshey-i-devushek-studentov> (дата обращения: 21.11.2023).

У девушек же определенное значение имеют будущая семья и дом, а ценностное отношение к деньгам характеризуется как конкретностью, так и абстрактностью. У них ярче выражено представление о деньгах как антиценностях, а также в равной мере представлены как терминальные, так и инструментальные ценности. Результаты анализа эмоционального компонента (радость, интерес, вина, удивление) показали, что у представителей мужского пола овладение, накопление и распоряжение деньгами в большей степени сопровождаются положительными эмоциями (преимущественно радости), но у студенток помимо радости сильнее представлена отрицательная эмоция по отношению к деньгам (вина). Что же касается поведенческого компонента, то как девушки-студентки, так и юноши-студенты демонстрируют высокую степень действенности. В поведении мужчин представлены различные действия по отношению к денежным средствам (зарабатывание, накопление и трата денег), а у девушек доминирует такой вид поведения, как зарабатывание. В целом это говорит об осознанном ценностном отношении к деньгам.

В нашем исследовании, проведенном в мае–июле 2023 г. среди студентов МГУ имени М.В. Ломоносова, приняли участие 404 студента, 54% из которых — девушки, 46% — юноши. Общим аспектом является противоречивое восприятие денег у студентов. Деньги — это одновременно и просто средство существования, и жизненная цель; и средство, инструмент для достижения целей, и собственно цель действий и поступков; они, с одной стороны, необходимое условие для получения свободы и независимости, с другой стороны — обременительная часть жизнь; деньги могут обеспечить чувство безопасности, но они же являются сильным источником тревоги и беспокойства. Несмотря на достаточно рациональные установки относительно денег студентам свойственно наделять деньги символическими, “мистическими” свойствами и содержанием: они воспринимаются как панацея от многих проблем и источник безграничных возможностей (в контексте потребления товаров и услуг). Как показал анализ ассоциаций, деньги связаны в сознании студентов с “возможностями”, “счастьем”, “свободой”, “процветанием”, “успехом”, “силой”, “безопасностью”, “гармонией” и др. У студентов доминируют позитивные установки в отношении денег.

Однако в ходе исследования были выявлены и гендерные особенности отношения к деньгам, т.е. некоторые различия в отношении к деньгам и выбору моделей монетарного поведения у мужчин и женщин. Так, респонденты женского пола чаще, чем мужского, соотносили слово “деньги” с понятиями уверенности, свободы и безопасности. В куда меньшей степени им свойственно ассоциировать

деньги с негативными представлениями. Юноши при выборе ассоциации из списка чаще, чем девушки, отмечали категории “богатство”, “беззаботность”, “риск” и др.

Таблица

Отношение к деньгам в зависимости от пола респондента

Ответы на вопрос “Люди по-разному относятся к деньгам. Какие слова лучше всего описывают Ваше восприятие денег? Выберите не более 5-ти вариантов” (закрытый вопрос, множественный вариант ответа, % от опрошенных)

Ассоциации со словом “деньги”	Пол	
	Женский	Мужской
Бедность	0	2
Неравенство	1	2
Богатство	3	5
Беззаботность	3	5
Удовольствие	8	6
Счастье	6	6
Труд	12	13
Польза	5	6
Свобода	15	10
Безопасность	10	5
Уверенность	17	12
Власть	4	5
Риск	1	3
Энергия	5	4
Успех	8	9
Проблемы	1	2
Зависимость	1	3
Опасность	0	1
Любовь	0	2

Значение асимптотической значимости меньше 0,05 говорит о существовании значимых различий между группами (переменными). Благодаря критерию **хи-квадрат Пирсона** была установлена связь между переменной “пол” и рядом некоторых переменных⁸:

⁸ Использование критерия учитывается при соблюдении условий: значение асимптотической значимости меньше 0,05, ожидаемая частота меньше 5 в менее 20% ячеек, минимальная ожидаемая частота больше 1.

1) стремлением иметь больше денег (уровень значимости 0,011): мужчины реже, чем женщины, отвечали, что стремятся иметь как можно больше денег;

2) согласием после учебы много работать для получения большого количества денег (уровень значимости 0,003): студенты мужского пола чаще соглашались на ежедневную обязательную работу (даже сверхурочную), чем студентки. Девушкам предпочтительнее работа, за которую хорошо платят, но на которую не требуется тратить так много сил;

3) оценкой денег в качестве главной жизненной ценности (уровень асимптотической значимости 0,000): мужскому полу свойственно чаще выбирать ответ “деньги — не главное”;

4) оценкой финансового положения своего окружения (уровень асимптотической значимости 0,027): студенткам чаще, чем студентам, свойственно считать, что их окружение близко им самим по финансовому состоянию. Процент молодых людей, которые отметили, что финансовое состояние их окружения лучше их собственного, выше, чем в “женской” группе;

5) оценкой негативных характеристик феномена денег: респонденты женского пола реже склонны считать, что деньги портят людей, развивают их худшие качества (зависть, алчность и пр.). Им также менее свойственно думать, что деньги способствуют росту неравенства в обществе (около 34% девушек выразили несогласие с указанным пунктом против 21% мужчин). Степень несогласия мужчин по этим вопросам ниже. При этом связь пола с мнением “Деньги провоцируют у людей недоверие и тревогу” не была обнаружена;

6) оценкой положительных свойств денег: студенты мужского пола чаще отвечают, что не согласны с мнением относительно способности денег обеспечивать культурное развитие индивидов и общества. Они также в меньшей степени, чем девушки, согласны с утверждением “деньги дают возможность человеку быть независимым и уверенным в себе” (вариант “полностью согласен” выбрали 71% девушек и только 42% юношей). Скорее не согласны с этим 16% юношей против всего 2% студенток;

7) восприятием денег как одного из условий для счастья (уровень асимптотической значимости 0,001): студенты мужского пола реже, чем студентки, склонны воспринимать деньги как условие для того, чтобы чувствовать себя счастливым. Вариант ответа “совсем не согласен” выбрало вчетверо больше мужчин, чем женщин (16% мужчин и 4% женщин). Студентки в большей степени предпочитают связывать деньги и счастье (в целом согласны 59% юношей и 70% девушек);

8) мнением относительно естественности жертвовать ради денег другими ценностями (уровень асимптотической значимости 0,000): девушки в меньшей степени считают, что людям присуще ставить деньги выше других ценностей (согласны с данным утверждением 37%, а не согласны 59% студенток против 51% согласных и 45% несогласных студентов);

9) мнением относительно способности денег давать своему владельцу неограниченные возможности: мужчины относятся более скептически к этому утверждению, чем девушки (считают, что “деньги дают безграничные возможности” 52% мужчин против 66% женщин);

10) мнением о невозможности без денег реализовать себя как личность (уровень асимпт. значимости 0,000): девушки в большей степени не согласны с мнением, будто без денег невозможно реализовать себя как личность (51%), нежели юноши (44%). Более того, крайнюю степень согласия выразили 26% мужчин и только 9% женщин;

11) мнением о переоценке важности денег (уровень асимптотической значимости 0,000): юноши в большей степени придерживаются мнения, что в современном мире большинство людей переоценивают важность денег (вариант “скорее согласен” выбрали 37% юношей, а вариант “полностью согласен” — 28%; девушки реже выражали согласие (53%));

12) мнением об уважении к деньгам как уважении к тем усилиям, что приходится прикладывать человеку для их добывания (уровень асимптотической значимости 0,000): студенты вдвое чаще, чем студентки, выражали несогласие с утверждением “уважение к деньгам — это уважение к тем усилиям, которые человеку приходится прикладывать, чтобы заработать эти деньги” (31% против 15%). Девушки в большей степени связывают размер дохода с приложенными усилиями;

13) стратегией финансового поведения в ситуации с наличием большого количества денег (уровень асимптотической значимости 0,000): женщины в условиях избытка денег более настроены на покупку недвижимости, чем мужчины (55% против 32%), и менее настроены на то, чтобы жертвовать на благотворительность или тратить их на свой досуг или отдых. Юноши предпочли бы (в большей степени, чем девушки) потратить лишние деньги на досуг, заняться бизнесом или инвестировать во что-либо;

14) предпочтительной стратегией финансового поведения (уровень асимптотической значимости 0,000): юношам в большей степени присуща точка зрения, что зарабатывание денег требует

значительной отдачи в плане усилий, поэтому для того, чтобы много зарабатывать нужно больше работать (так считают 48% студентов мужского пола; среди девушек данной позиции придерживаются вдвое меньше респондентов — 23%). У студенток самым популярным (58%) ответом стал “лучше меньше работать и больше зарабатывать” (среди юношей данной позиции придерживаются 29% опрошенных);

15) мнением о необходимости денег для счастья (уровень асимптотической значимости 0,000): студенты считают, что деньги являются необходимым условием для того, чтобы быть счастливым, однако противоположного мнения чаще придерживались юноши, а не девушки. Вариант, согласно которому деньги не нужны для счастья, выбирало 23% мужчин и лишь 7% девушек;

16) привычкой скрывать от других людей свои доходы (уровень асимпт. значимости 0,001): 54% студентам-мужчинам и 46% девушек не свойственно скрывать размер своих денежных средств (с большей уверенностью об этом говорят юноши: на утверждение “Я не скрываю от других количество имеющихся у меня денег” вариант “полностью согласен” выбрали 28% юношей, а девушки более сдержаны и скрытны в этом вопросе — 13%);

17) привычкой вести учет финансовых доходов и расходов (уровень асимптотической значимости 0,002): практика ведения доходов-расходов более свойственна студентам мужского пола. Свыше 70% юношей подтвердили данное утверждение (и 60% девушек). Помимо этого полное согласие выразили 40% студентов в противовес 24% студенток (девушки выражали меньшую однозначность);

18) предрасположенностью считать, что деньги являются единственной вещью, на которую респондент может положиться (уровень асимпт. значимости 0,000): студентам-юношам в большей степени свойственно данное представление, чем девушкам (студентки чаще (82%) отвечали, что не согласны с утверждением “Я думаю, деньги — это единственная вещь, на которую я могу положиться”, в противовес 69% несогласных юношей);

19) презрительным отношением к деньгам (уровень асимптотической значимости 0,000): представители мужского пола в пять раз чаще (27%) соглашались (полностью или частично) с утверждением “Я презираю деньги”, чем представительницы женского пола (5%); в этом отношении среди девушек позитивное отношение к деньгам проявлено сильнее. Полное несогласие с тем, что деньги вызывают у них презрение, выразили 41% юношей и 76% девушек;

20) привычкой тратить деньги с целью справиться с плохим настроением (уровень асимптотической значимости 0,007): девушкам

в большей степени свойственно расходовать денежные средства, когда у них нехорошее настроение (60%), чем юношам (47%). И девушки (58%), и юноши (55%) отвечали, что им доставляет удовольствие тратить деньги, однако среди тех, кому совсем не нравится расставаться со своими денежными средствами мужчин было больше, чем женщин (21% против 8%);

21) представлением, будто в нашей стране о человеке принято судить по количеству имеющихся у него денег (уровень асимптотической значимости 0,015): полное согласие с этим суждением выражали в большинстве своем юноши (данного мнения придерживаются 25% мужчин и 16% женщин);

22) привычкой покупать дорогие вещи, чтобы произвести хорошее впечатление на других людей (уровень асимптотической значимости 0,002): данный образ жизни (по признанию респондентов), больше свойственен студентам-юношам (28%), чем студенткам (19%);

23) ощущением свободы от наличия денег (уровень асимпт. значимости 0,000): с утверждением “Я чувствую себя более свободным, когда у меня есть деньги” выразили согласие 92% респондентов женского пола и 76% студентов мужского пола. Деньги являются средством достижения чувства свободы и уверенности преимущественно для девушек, а не для юношей.

Относительно выбора стратегий финансового поведения у студентов можно сделать следующий вывод: представители студенческой молодежи желают увеличить объем своих доходов, однако, стремление сохранить имеющейся доход больше свойственно мужской части студенчества (20% против 11%), а настрой на увеличение уже имеющихся накоплений преобладает среди студенток (выбрали этот вариант 26% девушек-студенток и 12% юношей-студентов). Возможно, это связано со степенью удовлетворенности студентов своим финансовым положением: юноши в меньшей степени выражали недовольство своим денежным состоянием, чем девушки. На вопрос “Довольны ли Вы своим финансовым состоянием?” ответ “Очень доволен(-а)” дали 13% респондентов мужского пола и только 2% — женского. В целом удовлетворенность своим положением (ответы “Очень доволен(-а)” и “В целом доволен(-а)” выразили 64% студентов-юношей и 49% студентов-девушек. Стратегии расходования денег у мужчин и женщин также имеют отличия. Мужчины оказались куда смелее в своих тратах, чем женщины. Юноши в большей степени (21%) склонны тратить деньги по максимуму, делая крупные покупки, чем девушки (2%). Последним больше свойственна умеренность в расходовании денег.

Таким образом, ряд исследований демонстрирует наличие влияния пола на ценностный аспект отношения индивидов к деньгам. Для юношей деньги важны как основное условие самореализации. Для девушек деньги являются в большей степени средством достижения чувства безопасности. Юноши-студенты ориентированы на зарабатывание с целью последующих трат, а девушки студентки — на увеличение своих накоплений. Такие переменные, как отношение к материальному положению как ценности, оценка своего окружения по их отношению к деньгам, или же практика иметь накопления, не зависят от половой принадлежности. Также не была обнаружена статистически значимая разница между мужчинами и женщинами касательно привычки обсуждать с другими проблему денег.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Анализ характеристик ценностно-смысловых отношений к деньгам юношей и девушек студентов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2016. № 1 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-harakteristik-tsennostno-smyslovyh-otnosheniy-k-dengam-yunoshey-i-devushek-studentov> (дата обращения: 21.11.2023).

Фенько А.Б. Гендерные различия в отношении россиян к деньгам // Проблемы экономической психологии. Т. 1. Институт психологии РАН / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М., 2004.

REFERENCES

Dittmar H. Gender identity-related meanings of personal possessions // British Journal of Social Psychology. 1989. Vol. 28. P. 159–171.

Fen'ko A.B. Gendernye razlichiya v otnoshenii rossiyan k den'gam [Gender differences in the attitude of Russians to money] // Problemy ekonomicheskoy psikhologii, Tom 1. Institut psikhologii RAN / Otvet. Red. A.L. Zhuravlev, A.B. Kuprejchenko. M., 2004. S. 261–279 (in Russian).

Furnham A., Argyle M. The psychology of money. L., 1998.

Makarova E.A., Makarova E.L., Mahrina E.A. Analiz harakteristik cennostno-smyslovyh otnoshenij k den'gam yunoshey i devushek studentov [Analysis of the characteristics of value-semantic relations to money of young men and girls of students] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-harakteristik-tsennostno-smyslovyh-otnosheniy-k-dengam-yunoshey-i-devushek-studentov> (data obrashcheniya: 21.11.2023) (in Russian).

Rubinstein W.D. Survey report on money // Psychology Today. 1981. Vol. 5. P. 24–44.

Yamauchi K., Tempter D. The development of a money attitude scale // Journal of Personality Assessment. 1982. Vol. 46. P. 522–528.

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-189-208

ОСОБЕННОСТИ СТРЕМЛЕНИЯ К РОСТУ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЛИЧНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

А.С. Баркова, тьютор социологического факультета, аспирант кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Среди наиболее сильно влияющих на социальный капитал личности факторов выделяют количество и качество социальных контактов, наличие образования и внутренние установки индивида. Человек с большим социальным капиталом более решителен и готов к изменениям, потому что уверен в собственных силах и умении адаптироваться к новым условиям жизни. В статье исследуется вопрос взаимосвязи величины социального капитала и местонахождения индивида. Регионы Российской Федерации различны по качеству жизни. Между ними также существует пространственное и цифровое неравенство, которое проявляется как в неравных доходах населения, так и в разных условиях жизни, климате, доступности современных технологий. Жители каждого региона имеют неравные возможности в удовлетворении своих бытовых потребностей.

Стремление индивида изменить текущий порядок вещей с помощью переезда в другой регион можно представить как показатель величины социального капитала. Чем решительнее индивид настроен изменить свою реальность, тем более развит его социальный капитал. Оценка желаний и стремлений производилась через анализ поисковой активности пользователей интернета в разных регионах России. Были отобраны шесть лидеров и шесть аутсайдеров рейтинга субъектов России по качеству жизни. Жители регионов с самым низким качеством жизни больше остальных заинтересованы в получении высшего образования. Для них оно является реальной возможностью совершить переезд в другой регион и изменить свою жизненную позицию. Таким образом, проявляется парадоксальная ситуация: чем в более худших условиях живет индивид, тем лучше у него развит социальный капитал.

Ключевые слова: социальный капитал, качество жизни, социальное пространство, адаптивность, постиндустриальное общество, высшее образование, миграция населения.

---

* Баркова Анна Сергеевна, e-mail: ann.barkova@list.ru

PECULIARITIES OF DESIRE TO THE GROWTH OF SOCIAL CAPITAL OF THE INDIVIDUAL IN THE REGIONS OF RUSSIA

Barkova Anna S., Tuter, Graduate student, Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ann.barkova@list.ru

Among the factors that most strongly influence the social capital of an individual are the quantity and quality of social contacts, the availability of education and internal attitudes of an individual. A person with a large social capital is more decisive and readier for change, because he or she is confident in his or her own strength and ability to adapt to new living conditions. The article explores the issue of the relationship between the size of social capital and the location of an individual. The regions of the Russian Federation vary in the quality of life. There is also spatial and digital inequality between them, which is manifested in unequal income, as well as in different living conditions, climate, accessibility of modern technologies. Residents of each region have unequal opportunities to meet their everyday needs.

An individual's desire to change the current order of things by moving to another region can be presented as an indicator of the amount of social capital. The more determined an individual is to change his reality, the more developed is his social capital. The assessment of desires and aspirations was carried out by analyzing the search activity of Internet users in different regions of Russia. Six leaders and six outsiders of the rating of Russian regions by quality of life were selected. Residents of the regions with the lowest quality of life are more interested in higher education than others. For them it is a real opportunity to move to another region and change their life position. Thus, there is a paradoxical situation: the worse conditions an individual life in, the better he or she develops social capital.

Key words: social capital, quality of life, social space, adaptability, post-industrial society, higher education, population migration.

Современное общество наполнено постоянно трансформирующимися процессами, оказывающими влияние на работу, быт и жизненные приоритеты людей и ставящими перед ними новые вызовы. Трансформируют уклад жизни факторы, обусловленные как достижениями технического прогресса и социальными реформами, так и уникальными событиями мирового масштаба. Яркими примерами последних могут служить пандемия COVID-19, пик которой пришелся на первую половину 2020 г., а также санкции, введенные зарубежными странами против России в 2022 г.

Нельзя сказать, что перестройка жизненного уклада и освоение новых методов работы удаются всем в равной степени легко. Нахождение в среде постоянных социальных и технических трансфор-

маций требует от современного человека обладания такими навыками, как адаптивность и обучаемость. Без данных навыков человек может утратить часть своих преимуществ на рынке труда, а также возможностей для реализации желаемых жизненных стратегий.

Умение адаптироваться к вызовам и оперативное самообучение или усвоение новых навыков в рамках образовательных программ являются частью социального капитала личности, который помогает человеку повышать эффективность собственных действий и в целом делает его более успешным в самых разнообразных начинаниях. Социальный капитал — личный внутренний ресурс индивида, помогающий ему принимать жизненно важные решения, при этом максимизируя их полезность. К нему относят принадлежность к социальным группам, социальные связи, образование, социально значимые навыки и умения, социальный статус. По-другому социальный капитал определяют как “все то, что делает человека социально богаче”.

Значительный социальный капитал может компенсировать нехватку других ресурсов личности, например, экономических. Концепция социального капитала П. Бурдье делает акцент на конвертации социального капитала в экономический, тем самым первый становится ресурсом, приносящим выгоду¹. Если индивид принадлежит к определенным социальным группам, обладает достаточным количеством полезных социальных связей, образованием и развитыми личностными способностями, он с большей долей вероятности добьется экономического успеха в жизни. Под экономическим успехом подразумевается получение высоких доходов, проведение выгодных сделок и т.д.

В конечном счете социальный капитал играет важную роль для обретения успеха в обществе. Умение налаживать контакты с людьми и приобретенные в процессе коммуникации личностные навыки помогают индивиду достигнуть значимых результатов, например, при собеседовании в процессе поиска работы, проведения переговоров, привлечения инвестиций в собственные проекты и т.д.

Важно отметить, что в отличие от материального и экономического капитала социальный капитал включает в себя не только те ресурсы, которыми человек обладает в настоящее время, но и его способность меняться, быть завтра не таким, какой он есть сегодня. Адаптивность и готовность к переменам становятся в постиндустриальном обществе важнейшими составляющими социального

---

¹ Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология (электронный журнал). 2002. Т.3. № 5. С. 60–74.

капитала. Под адаптивностью понимается способность человека подстраиваться под изменяющиеся внешние условия без потери собственной эффективности. Адаптация — процесс приспособления к новым реалиям, зачастую значительно отличающимся от предыдущих. Яркий пример адаптации — освоение дистанционных методов работы во время пандемии. Люди с развитой адаптивностью смогли без потери качества работы продолжить выполнять свои служебные обязанности в “удаленном формате”. Величина этой составляющей, а также ее конкретные проявления зависят от внешних условий, в которых живет человек. Реально тяжелые условия или те, которые человек считает недостойными себя, заставляют его быстрее и активнее меняться. Если же внешние условия относительно благоприятны, люди не так сильно будут ориентированы на изменения, ведь последние почти всегда связаны с риском и жизненными неудобствами. Чем хуже жизнь человека, тем большим социальным капиталом в части готовности к переменам он будет обладать. С еще большей готовностью он будет преобразовывать свой социальный капитал в экономический. Эта в каком-то смысле парадоксальная ситуация будет в определенной мере подтверждена настоящим исследованием.

Вообще развитие современного общества дает нам немало примеров проявления такой закономерности. Одной из ярких иллюстраций данного парадокса является готовность пожилых людей работать с использованием дистанционных технологий. За последние четыре года дистанционная или удаленная работа стала широко распространенной практикой². В современных реалиях удаленная работа в целом нравится не только молодым, но и пожилым людям, поскольку она дает им возможность самостоятельно организовывать свою деятельность, иметь гибкий график работы и одновременно с этим исключает физические нагрузки, а также перемещения к месту работы и обратно. Конечно, для успешной удаленной работы требуется постоянно поддерживать уровень владения современными технологиями, что для людей пенсионного возраста может представлять серьезную трудность. Для такой работы им нужно в определенном смысле “измениться”. Важно и наличие соответствующей инфраструктуры — прежде всего хорошо работающий интернет. Поэтому на первый взгляд, более образованные пожилые горожане должны были бы быть в большей мере готовы к тому, чтобы начать работать дистанционно. Однако результаты всероссий-

---

² Сидорова Д.П. История развития дистанционного труда // Скиф. 2023. № 9 (85). С. 59–62.

ского опроса пенсионеров показали, что пенсионеры, проживающие в сельской местности, более склонны думать о поиске дистанционной работы³. По всей видимости, это связано с тем, что здесь очень мало рабочих мест как таковых и многие начинают понимать, что единственно возможное трудоустройство в пенсионном возрасте — это некая форма работы на компьютере и с использованием интернета. И это несмотря на то, что в сельской местности и с наличием компьютеров, и с устойчивым интернетом бывают серьезные проблемы. Так, худшие условия жизни заставляют людей ориентироваться на активные изменения в своих трудовых практиках.

Влияние социального капитала на качество жизни рассмотрела В.А. Сушко в исследовании современной российской молодежи⁴. Было установлено, что на качество жизни молодежи в значительной степени влияет наличие социального капитала, поскольку он определяет круг интересов и ценностей, а также способствует установлению полезных социальных контактов. Под социальным капиталом понималась совокупность отношений личностей с другими людьми, которые облегчают создание и использование различных экономических ресурсов.

Качество жизни является отражением благополучия и счастья человека. Широкая трактовка данного понятия призывает исследователей рассматривать его через анализ как материальной, так и духовной сферы индивида. В нашем исследовании под качеством жизни понимается уровень развития и степень удовлетворения объективно-разумных потребностей и интересов людей. Логично предположить, что чем шире социальный капитал, крепче и качественнее социальные контакты, более развита адаптивность, тем лучше у индивида качество жизни, поскольку он имеет больше шансов и сил добиться поставленных целей.

Однако существует и обратное влияние — качество жизни определяет величину и структуру социального капитала человека. Например, городской житель безусловно имеет возможность завести больше социальных связей в силу большой плотности населения. Тем не менее, надежность, качество и полезность подобных социальных контактов может быть гораздо меньше, чем у человека, живущего в сельской местности. В небольших городах и селах, где обычно “все друг друга знают” социальные связи более креп-

---

³ Старшее поколение в постиндустриальных реалиях: жизненные и трудовые стратегии: Коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М., 2022.

⁴ Сушко В.А. Социальный капитал личности и его влияние на качество жизни молодежи // Социология. 2017. № 1.

кие по причине постоянного и более частого взаимодействия друг с другом. Городской житель, безусловно, имеет больше возможностей расширить сеть социальных контактов. Однако немногочисленные социальные связи сельского жителя могут оказаться более надежными.

В мегаполисе качество жизни выше, чем на селе или в небольшом городе. Логично предположить, что при прочих равных человек, с ранних лет погруженный в городскую среду, имеет больше возможностей для установления социальных контактов в разных сферах и способов реализовать себя, чем человек, растущий в сельской местности, в удаленном от “цивилизации” регионе. В мегаполисе объективно больше вариантов и мест получения образования, развития профессиональных навыков и карьеры и в целом выбора жизненного пути. Процесс индивидуализации — важнейший аспект социализации в современных условиях — во многом проявляется именно в жизни городского жителя. Человек “отпочковывается” от общности (семьи, родственников, соседей и др.), сам решает, к каким социальным кругам примкнуть, сам принимает решения и берет единоличную ответственность за свои поступки. Высокая концентрация возможностей в городском пространстве облегчает создание и прирост социального капитала личности.

В сельских поселениях и небольших городах несмотря на возможность создать более крепкую сеть социальных взаимодействий, гораздо труднее “устроиться”, т.е. найти достойную работу и реализовать себя. Связать это можно, во-первых, с существованием меньшего количества организаций для получения образования и трудоустройства и, во-вторых, как раз с наличием у людей крепких социальных связей, которые зачастую приводят к “кумовству” (например, наследственной передачи рабочего места или найме “по знакомству”), что ограничивает возможности остальных людей⁵.

Факторы, влияющие на процесс создания и приращения социального капитала, также исследовали Я.М. Рощина и Е.Д. Куфлина в работе “Типы социального капитала россиян и их детерминанты”⁶. Было выделено и эмпирически доказано, что значимыми детерминантами социального капитала являются пол, возраст, образование, место рождения и место жительства, семейное положение, наличие

---

⁵ Каждый пятый житель Чувашии сталкивался с кумовством и блатом // Актуально 21. URL: <http://aktualno21.ru/obshchestvo/item/7200-kazhdyj-pyatyj-zhitel-chuvashii-stalkivalsya-s-kumovstvom-i-blatom> (дата обращения: 14.01.2024).

⁶ Рощина Я.М., Куфлина Е.Д. Типы социального капитала россиян и их детерминанты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1 (167). С. 307–327.

детей и их возраст, здоровье, степень религиозности и принадлежность к той или иной конфессии. Среди данных факторов хотелось бы отдельно выделить место жительства.

По аналогии с городом и сельской местностью, качество жизни неравномерно распределено по регионам России. При этом регионы с высоким качеством жизни создают больше возможностей для увеличения их жителями социального капитала. Например, если рассмотреть вопрос поиска работы в разных субъектах Российской Федерации, то на его успешность и трудоемкость будет непосредственно влиять тот факт, что уровень безработицы напрямую связан с экономическим развитием региона. В регионах-донорах, прежде всего ориентированных на добычу и переработку природных ресурсов, безработица значительно ниже, чем в регионах-реципиентах, которым оказывается финансовая помощь из федерального центра⁷. В низко развитых регионах чаще всего встречается структурная безработица, связанная с избытком одних специалистов и дефицитом других. Если у жителя подобного региона рождается стремление улучшить свою жизнь, то он будет стремиться осуществить трудовую миграцию. Миграционный процесс для жителя России связан со множеством испытаний. Ступив на этот путь, человек показывает свою стойкость и готовность преодолевать вызовы, которые встанут у него на пути. В процессе миграции задействуются такие составляющие социального капитала, как мотивация к труду и опять же адаптивность.

По мнению П. Бурдые, “Структура социального пространства определяется в каждый момент структурой распределения капитала и прибыли, специфического для каждого отдельного поля”⁸. Можно сказать, что место, где индивид родился и вырос, отражается на величине его социального капитала и готовности его увеличивать. Находясь в том или ином регионе, человек осознает свою принадлежность к определенному социальному слою, социальной группе, имеющей свою позицию общественной иерархии. Это осознание в дальнейшем влияет на интенсивность его стремлений добиться чего-либо в будущем.

В России в связи с огромной площадью страны и неравномерным развитием регионов достаточно остро стоит проблема неравен-

---

⁷ Барков С.А., Коврова М.А., Селезнева А.С., Чугунова М.А. Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 2. С. 66–92.

⁸ Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Социология социального пространства. СПб., 2007.

ства. Неравенство доходов населения можно оценить по объективным данным, публикуемым Федеральной службой государственной статистики. Например, среднедушевые доходы жителей Центрального округа России в два раза больше, чем у жителей Северо-Кавказского округа. В целом структура доходов очень неравномерна как между округами, так и внутри округов между областями⁹. Доходы населения, безусловно, влияют на качество жизни, поскольку позволяют удовлетворять потребности и создавать благоприятные условия существования. От величины доходов зависит качество питания, жилья, приобретение полезных благ. Но не только данный аспект неравенства влияет на становление индивида каждого конкретного региона.

Проблема пространственного неравенства в России имеет свою специфику: экологические риски неравномерно распределяются внутри страны. Негативным последствиям загрязнения окружающей среды подвержены как богатые, так и бедные регионы. Богатые регионы подвержены высокому уровню загрязнения воздуха вследствие чрезмерного уровня потребления природных ресурсов. Более бедные регионы, независимо от их размера, страдают от плохих жилищных условий и деградации природных ресурсов вследствие низкого развития техники переработки отходов¹⁰. Тем не менее в крупных и развитых регионах страны больше возможностей сгладить негативные последствия загрязнения окружающей среды. Например, введение запрета на въезд автомобилей с несоответствующим экологическим классом, штрафов в случае нарушения условий переработки отходов и т.д.

Одной из современных форм проявления неравенства, также имеющей яркое региональное распределение, является цифровое неравенство. Его можно рассматривать в двух аспектах. Этот тип неравенства связан с наличием и доступностью в регионах современных технологий, а также их качеством. В более бедных регионах, даже несмотря на заинтересованность жителей в освоении технологий, может просто не быть возможности, например, постоянно работать в интернете в силу низкой проводимости сети¹¹.

Существование столь больших разрывов в доступе к жизненным благам может стать мотивацией жителей менее развитых ре-

---

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: P32 Стат. сб. Росстат. М., 2023.

¹⁰ *Осипова Н.Г.* Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–154.

¹¹ Там же.

гионов России к тому, чтобы меняться, не “почивать на лаврах”, адаптироваться к новым условиям жизни. В настоящем исследовании будет проанализирована зависимость между местонахождением индивида в географическом пространстве и интенсивностью его желания самореализоваться. Под самореализацией понимается увеличение социального капитала, т.е. стремление получить образование, устроиться на работу, переехать в другой город. Важно отметить, что социальный капитал в данном контексте не отождествляется с понятием социальной мобильности. Как было рассмотрено ранее, социальный капитал и качество жизни взаимно влияют друг на друга. Рассматривается случай, когда стремление улучшить свое качество жизни выражается в попытке сменить обстановку и место жительства. Логично предположить, что человек с развитым социальным капиталом, готовностью адаптироваться к новым реалиям, будет более активно искать пути осуществления социальной мобильности. Таким образом, социальная мобильность в данном случае является индикатором исследования широты социального капитала. Гипотезу исследования можно обозначить следующим образом: в регионах с низким уровнем жизни индивиды более интенсивно ищут возможности сменить место жительства, получения образования и работы, чтобы изменить свои социальные позиции.

Российская Федерация состоит из 89 равноправных регионов. Тем не менее по качеству жизни субъекты страны сильно разнятся. Указанный показатель представляет собой комплекс различных индикаторов условий жизни. Расчет уровня жизни регионов России занимается рейтинговое агентство “РИА Рейтинг”. При расчете качества жизни в регионе используются 67 показателей, которые условно объединены в 11 групп: уровень доходов населения, занятость и рынок труда, жилищные условия, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры¹². Фактически, показатель качества жизни охватывает все основные экономические, социальные и культурные аспекты проживания в регионе.

Рассматривая рейтинг регионов России по качеству жизни за 2022 г., можно сделать следующие предварительные замечания:

---

¹² Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2022 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html> (дата обращения: 14.01.2024).

- в абсолютных лидерах рейтинга находятся регионы из Центрального федерального округа, а Южный, Северо-Кавказский, Сибирский и Дальневосточный округа занимают аутсайдерские позиции;
- нет ни одного региона, который бы занимал лидирующие позиции по всем показателям, одновременно с этим, нет и регионов, у которых все показатели находились бы на низком уровне.

В рамках социологического исследования качество жизни, как базовая переменная, может быть соотнесено со множеством параметров. В настоящем исследовании такими параметрами будут выступать количество и смысловая направленность запросов жителей региона в интернете.

В современных реалиях повсеместного распространения интернета для выяснения отношения людей к определенным темам и отслеживания факторов, влияющих на это отношение, можно использовать анализ поисковых интернет-запросов. Отражение интереса пользователей интернета к различным темам выражается в популярности поисковых запросов¹³. В кратчайшие сроки во всемирной сети можно не только выйти на определенный вид контента (статья, книга, фильм), потребить его, но и тут же поделиться своим мнением о нем в отведенном для этого специальном месте, зачастую располагающемся на той же странице.

Изменение в количестве поисковых запросов — это моментальное отражение колебаний в настроениях пользователей всемирной сети. Обобщение такой информации может показать отношение общества к конкретным социальным явлениям и процессам¹⁴.

С помощью инструмента Yandex.wordstat можно посмотреть, насколько та или иная тема интересна и выделяется в общей массе поисковых запросов в разных регионах России. Инструментом анализа в данном случае будет индекс интереса, % (индекс соответствия, аффинити-индекс) — отношение отобранных запросов в регионе к их доле по стране. 100% указывает, что регион не выделяется по уровню интереса к теме запроса, более 100%, что интерес повышен¹⁵.

---

¹³ Тачаева, Х.Р. Роль Интернета в жизни современного общества // Вопросы физико-математического образования: Мат-лы XIII студенческой науч.-практ. конф., Грозный, 16 мая 2020 года. Грозный, 2020.

¹⁴ Алиев Р.Т. Образ Чужого в (пост)ковидный период: анализ русскоязычных интернет-запросов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 4. С. 163–190.

¹⁵ Вордстат — гайд по интерфейсу // Яндекс подбор слов. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 09.01.2024).

В настоящем исследовании проанализирована популярность интернет-запросов жителей России из разных регионов относительно получения образования, поиска работы и освоения новых технологий. Запросы собирались в январе 2024 г. Сервис показывает среднее значение интереса пользователей за последний месяц, соответственно исследуемый период: с 17.12.2023 по 17.01.2024.

В качестве тестирования и верификации данного инструментария вначале было произведено соотнесение количества запросов о покупке дорогих (брендовых) и бюджетных вещей с качеством жизни в регионе. Результаты этого предварительного этапа исследования приведены в табл. 1.

Таблица 1

Индекс интереса субъектов РФ по теме потребления дорогих вещей

Позиция в рейтинге по качеству жизни (2022)	Субъект РФ	Индекс интереса (%) запросов по темам:		
		Лучшие бюджетные телефоны	Айфон купить	Купить сумку Майкл Корс
1	Москва	72	121	245
2	Санкт-Петербург	87	118	269
3	Московская область	78	120	226
4	Республика Татарстан	113	88	27
5	Краснодарский край	95	95	55
6	Белгородская область	104	81	35
...	...	...	...	...
80	Карачаево-Черкесская Республика	132	74	23
81	Республика Бурятия	143	77	62
82	Забайкальский край	64	68	11
83	Еврейская автономная область	171	87	0
84	Республика Ингушетия	121	71	34
85	Республика Тыва	87	60	49

Для иллюстрации результатов исследования были отобраны шесть регионов-лидеров и шесть регионов-аутсайдеров по качеству жизни. Первый столбец всех представленных в статье таблиц по-

казывает позицию региона России в рейтинге по качеству жизни. Таким образом, можно легко соотнести интерес жителей каждого из регионов к конкретной теме и с позицией региона в рейтинге качества жизни.

Прямая связь между качеством жизни и ориентацией на покупку дорогих вещей очевидна. Разработанный инструментарий однозначно ее подтвердил. Результаты анализа потребления дорогих вещей соответствуют представлениям о материальных возможностях жителей регионов, занимающих первые и последние места в рейтинге качества жизни. Чем выше позиция, тем чаще жители региона смотрят информацию о покупке дорогих брендов. На аутсайдерских же позициях поиск идет преимущественно о бюджетных вещах.

Таблица 2

Индекс интереса субъектов РФ по теме получения высшего образования

Позиция в рейтинге по качеству жизни (2022)	Субъект РФ	Индекс интереса (%) запросов по темам:				
		Поступление в вуз	Подготовка к ЕГЭ	Востребованные специальности	Рейтинг вузов	Кредит на образование
1	Москва	109	83	93	179	145
2	Санкт-Петербург	107	84	86	133	104
3	Московская область	103	85	90	162	128
4	Республика Татарстан	86	111	89	83	72
5	Краснодарский край	95	128	85	95	108
6	Белгородская область	95	122	101	77	127
...						
80	Карачаево-Черкесская Республика	153	168	91	101	111
81	Республика Бурятия	149	172	129	113	135
82	Забайкальский край	112	135	103	101	127
83	Еврейская автономная область	120	182	115	107	165
84	Республика Ингушетия	148	425	229	136	50
85	Республика Тыва	171	367	147	119	215

Наиболее интересной темой для анализа оказалась тема получения высшего образования. Как было отмечено выше, аффинити-индекс, равный 100, указывает на средний по стране интерес к теме. Практически во всех регионах России интерес к теме поступления либо с точки зрения подготовки, либо с точки зрения выбора места обучения, присутствует, и аффинити-индекс редко оказывается намного ниже ста. Сравнить значение индексов можно, анализируя данные табл. 2.

Интерес к теме поступления в высшие учебные заведения в регионах, которые находятся на аутсайдерских позициях, практически в два–четыре раза превышает интерес в регионах-лидерах рейтинга. Например, индекс интереса к теме “Подготовка к ЕГЭ” в Республике Ингушетия равен 425, а в Москве всего 85. При этом жителей регионов-аутсайдеров в большей степени волнует именно факт поступления. Они чаще ищут информацию о том, как поступить, как подготовиться, что востребовано. А такой фактор, как “рейтинг вузов”, чаще смотрят, наоборот, жители регионов с наилучшим качеством жизни.

Что касается поиска информации по получению кредита на образование, то данная тема популярна в большей части регионов, независимо от позиции в рейтинге, однако местами можно наблюдать пониженный интерес, как например, в Республике Ингушетия. Интерес среди аутсайдеров рейтинга к данной теме наиболее высок в Республике Тыва и Еврейской АО. Связать данные различия можно со средней заработной платой населения. Несмотря на то, что регионы находятся на “смежных” последних позициях по качеству жизни, они имеют значительную разницу в доходах населения. Например, средняя заработная плата в Республике Тыва и Еврейской АО практически в два раза больше, чем в Республике Ингушетия¹⁶. Несмотря на льготные условия по кредиту на образование, жители Республики Ингушетия не заинтересованы в его получении в силу ограниченности своих средств и соответственно возможностей отдать кредит. Они значительно чаще смотрят темы “подготовка к ЕГЭ” и “востребованные специальности”. Можно сделать вывод о том, что они ориентированы на поступление в вузы на бюджетные места с более высоким проходным баллом и на выбор направления подготовки, которая обеспечит рабочее место в будущем. В Республике Тыва и Еврейской АО повышен также интерес к вышеобозначенным темам, но при этом высок интерес и к получению кредита на образование.

---

¹⁶ Рынок труда, занятость, заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 16.01.2024).

Отдельно следует прокомментировать индексы интереса ниже 100 в регионах-лидерах рейтинга. Аффинити-индекс показывает долю запросов по конкретной теме к общей массе запросов по стране. Если данный индекс низкий, или вообще равен нулю, то это указывает на отсутствие интереса к теме в данный промежуток времени. Исследуемый период (декабрь–январь) не попадает на период поступлений, поэтому логично, что во время проведения исследования (январь 2024) интерес к теме может быть понижен в общей массе запросов по стране. Но тем больше выделяются регионы на низших позициях рейтинга качества жизни, которые даже в периоды праздников очень активно ищут информацию о поступлении в вузы.

Таблица 3

**Индекс интереса интернет-пользователей субъектов РФ
по теме поиска работы**

Позиция в рейтинге по качеству жизни (2022)	Субъект РФ	Индекс интереса (%) запросов по темам:					
		Центр занятости	Открыть ИП	Superjob	hh вакансии	Вакансия аналитик	Вакансия водитель
1	Москва	35	116	182	81	220	75
2	Санкт-Петербург	39	104	280	124	116	87
3	Московская область	37	117	175	82	182	98
4	Республика Татарстан	80	103	66	165	102	87
5	Краснодарский край	110	126	73	97	82	68
6	Белгородская область	136	93	27	104	54	78
...	...	...	...	...	...	...	...
80	Карачаево-Черкесская Республика	93	127	107	60	21	25
81	Республика Бурятия	97	83	32	108	113	161
82	Забайкальский край	129	74	41	107	15	176
83	Еврейская автономная область	134	77	0	69	44	108
84	Республика Ингушетия	51	116	0	22	25	88
85	Республика Тыва	131	122	0	58	9	52

Можно сделать вывод о том, что жители регионов, качество жизни в которых невысоко, наиболее активно ищут информацию о получении высшего образования. Поскольку образование является одним из каналов социальной мобильности, можно предположить, что повышенный интерес к данной теме свидетельствует от том, что люди хотят осуществить либо переезд в другой город с целью получения образования, либо освоение новой специальности, которая впоследствии поможет им подняться на более высокую социальную позицию. В любом случае это является значимой детерминантой возможного увеличения социального капитала отдельных “резидентов” данной территории.

Показательны в данном плане и поисковые запросы, относящиеся к сфере труда. В исследовании были проанализированы запросы про поиск удаленной работы, обращение к центрам занятости и открытию собственного дела. Результаты представлены в табл. 3.

Можно сделать общий вывод, что в регионах, стоящих по качеству жизни как на лидерских, так и на аутсайдерских позициях, интерес к теме поиска работы присутствует. Достаточно контрастные колебания интереса можно наблюдать между поиском вакансий на позицию аналитика и водителя, а также поиска работы через центр занятости, либо через специализированные сайты-агрегаторы вакансий. В регионах с низким качеством жизни более интенсивно информацию ищут о центрах занятости. Жители регионов-лидеров рейтинга с большей вероятностью обратятся к сайтам-агрегаторам. Такая ситуация вполне объяснима: в государственные центры занятости направляется в основном информация о свободных низкооплачиваемых рабочих местах, для занятия которых не требуется высокой квалификации, а частные агентства по трудоустройству предлагают широкий спектр вакансий, среди которых есть и высокооплачиваемые, и рассчитанные на не лишенных таланта специалистов. Сайты-агрегаторы суть интернет-аналоги последних. Однако с точки зрения приращения социального капитала и государственные службы занятости могут быть весьма полезны. Как будет показано ниже, они могут целенаправленно стимулировать переезд работников в регионы, где их профессия пользуется спросом.

Вообще в регионах с низким качеством жизни поиск работы имеет более традиционные по своим методам и направленности формы. Например, согласно данным Росстата, Карачаево-Черкессия входит в пятерку регионов, в которых жители по большей части

обращаются при поиске работы к знакомым¹⁷. Логично предположить, что в регионах с низким качеством жизни будет существовать меньше возможностей использовать интернет для поиска вакансий в силу существования уже упомянутого выше цифрового неравенства. Можно заключить, что в разных регионах популярны разные посредники для поиска нового места трудоустройства.

Следует отметить, что достаточно высокий интерес во всех регионах существует к открытию собственного дела — к индивидуальному предпринимательству. За 2023 г. количество ИП увеличилось на 10%¹⁸, поэтому данная тема действительно является популярной среди всех жителей страны.

Таблица 4

Индекс интереса интернет-пользователей из субъектов РФ по теме трудовой миграции и переезда

Позиция в рейтинге по качеству жизни (2022)	Субъект РФ	Индекс интереса (%) запросов по темам:		
		Переезд по работе	Переезд безработных	Переезд в Москву
1	Москва	66	84	319
2	Санкт-Петербург	112	72	66
3	Московская область	72	68	259
4	Республика Татарстан	70	0	66
5	Краснодарский край	96	100	85
6	Белгородская область	28	167	71
...				
80	Карачаево-Черкесская Республика	44	0	18
81	Республика Бурятия	109	40	108
82	Забайкальский край	157	34	31
83	Еврейская автономная область	260	0	168
84	Республика Ингушетия	118	0	90
85	Республика Тыва	114	854	104

¹⁷ Названы регионы, жители которых чаще всего ищут работу через знакомых // News.ru. URL: <https://news.ru/russia/nazvany-regiony-zhiteli-kotoryh-chashe-vsego-ishut-rabotu-cherez-znakomyh/> (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁸ Число регистраций ИП впервые приблизилось к миллиону // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/01/2024/65a52d819a794724e3f9551e> (дата обращения: 18.01.2024).

Отдельно была исследована тема трудовой миграции. Существует правительственная программа “Переезд безработных в другие регионы”, которая предлагает финансовую помощь для трудоустройства на новом месте. Воспользоваться этой услугой могут граждане, официально признанные безработными согласно законодательству России о занятости и трудоустроенные через центр занятости. Из разных регионов в центр занятости поступает много предложений о работе, приняв которые, можно осуществить переезд.

Самостоятельная миграция населения внутри страны может быть обусловлена разными причинами. Согласно данным Росстата, самые популярные причины для миграции: в связи с учебой, в связи с работой и возвращение к первоначальному месту жительства¹⁹. Интерес к теме переезда по причине получения образования был рассмотрен выше. Здесь внимание стоит обратить на анализ популярности интернет-запросов по теме трудовой миграции (табл. 4).

Как видно из данных табл. 4, увеличенный интерес к теме переезда с целью получения работы опять же наблюдается в регионах с низким качеством жизни. Переездом по программе для безработных больше всего интересовался регион на последней позиции рейтинга (Республика Тыва). Однако во многих регионах-аутсайдерах вообще не было запросов по данной теме, что может говорить о плохой осведомленности населения о политике государства в этом вопросе. Целенаправленно в Москву хотят переехать люди, уже живущие в столице, т.е. приехавшие в нее временно для работы, а также жители Московской области. Часто последние являются уроженцами других регионов и рассматривают Московскую область как временное местопребывание на пути в главный мегаполис страны. В ходе исследования не было выявлено прямой зависимости между позицией в рейтинге регионов по качеству жизни и активным поиском сведений о миграции внутри страны, однако очевидным является то, что жители регионов-аутсайдеров рейтинга, действительно, в разы чаще интересуются данной темой, чем те, кто проживает в регионах-лидерах.

В целом, полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что жители регионов с низким качеством жизни активнее других ищут пути наращивания своего социального капитала. Значимой составляющей социального капитала жители России считают высшее образование. Как было отмечено, получение образования является как важным каналом социальной мобильности,

---

¹⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.01.2024).

так и источником расширения сети социальных связей, которые впоследствии могут пригодиться человеку для трудоустройства и помощи в принятии важных жизненных решений. В регионах России с низким качеством жизни повышен интерес к теме поступления в вузы и к теме трудовой миграции. Можно сделать вывод, что в данных регионах наблюдается повышенное внимание молодежи к тому, чтобы подняться вверх по социальной иерархии.

Таким образом, частично подтверждается гипотеза о возрастании интенсивности поиска возможностей сменить место жительства, получению образования и работы в регионах с низким качеством жизни.

Полученные результаты подтверждают, что использование динамики интернет-запросов является эффективным методом для выявления и обобщения субъективных мнений людей по актуальным для них темам. Дальнейшее исследование может заключаться в более детальном изучении интереса к темам образования, трудоустройства, досуга, безопасности и др. в регионах России. С помощью более структурированных исследований динамики интернет-запросов возможно будет предсказывать такие социальные процессы, как миграция, увеличение или снижение спроса на образовательные и иные услуги, рождение и “умирание” профессий, возникновение дефицитов на рынке труда — фактически все наиболее значимые изменения социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев Р.Т. Образ Чужого в (пост)ковидный период: анализ русскоязычных интернет-запросов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3. № 4. С. 163–190.

Барков С.А., Коврова М.А., Селезнева А.С., Чугунова М.А. Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда. // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019. Т. 25. № 2. С. 66–92.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // *Социология социального пространства*. СПб., 2007.

Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология (электронный журнал)*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

Вордстат — гайд по интерфейсу // Яндекс подбор слов. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 09.01.2024).

Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.01.2024).

Каждый пятый житель Чувашии сталкивался с кумовством и блатом // *Актуально21*. URL: <http://aktualno21.ru/obshchestvo/item/7200-kazhdyy-pyatyj-zhitel-chuvashii-stalkivalsya-s-kumovstvom-i-blatom> (дата обращения: 14.01.2024).

Карпова Е.А., Зайчикова И.Б. Социальный капитал личности: перспективы развития и возможные проблемы // Социология и право. 2018. № 1 (39). С. 50–56.

Названы регионы, жители которых чаще всего ищут работу через знакомых // News.ru. URL: <https://news.ru/russia/nazvany-regiony-zhiteli-kotoryh-chashe-vsego-ishut-rabotu-cherez-znakomyh/> (дата обращения: 30.01.2024).

Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–154.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Р32 Стат. сб. Росстат. М., 2023.

Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2022 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html> (дата обращения: 14.01.2024).

Рощина Я.М., Куфлина Е.Д. Типы социального капитала россиян и их детерминанты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1 (167). С. 307–327.

Рынок труда, занятость, заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 16.01.2024).

Сидорова Д.П. История развития дистанционного труда // Скиф. 2023. № 9 (85). С. 59–62.

Старшее поколение в постиндустриальных реалиях: жизненные и трудовые стратегии: Коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М., 2022.

Сушко В.А. Социальный капитал личности и его влияние на качество жизни молодежи // Социология. 2017. № 1. С. 96–107.

Тачаева Х.Р. Роль Интернета в жизни современного общества // Вопросы физико-математического образования: Мат-лы XIII студенческой науч.-практ. конф., Грозный, 16 мая 2020 года. Грозный, 2020. С. 205–207.

Число регистраций ИП впервые приблизилось к миллиону // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/01/2024/65a52d819a794724e3f9551e> (дата обращения: 18.01.2024).

REFERENCES

Aliiev R. T. Obraz Chuzhogo v (post)kovidnyj period: analiz russkojazychnyh internet-zaprosov [The image of Alien in the (post)covid period: analysis of Russian-language Internet requests] // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. N 4 (in Russian).

Barkov S.A., Kovrova M.A., Selezneva A.S., Chugunova M.A. Territorial'naja mobil'nost' naselenija kak jekonomicheskaja i sociokul'turnaja problema rossijskogo rynka truda [Territorial mobility of the population as an economic and sociocultural problem of the Russian labor market] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2019. Т. 25. N 2 (in Russian)

Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital] // Jekonomicheskaja sociologija (jelektronnyj zhurnal). 2002. Vol. 3. N 5 (in Russian)

Bourdieu P. Social'noe prostranstvo i genesis klassov [Social Space and the Genesis of Classes] // Sociologija social'nogo prostranstva In-t jeksperim. sociologii. SPb, 2007 (in Russian)

Chislo registracij IP v pervye priblizilos' k millionu [The number of IE registrations for the first time approached one million] // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/01/2024/65a52d819a794724e3f9551e> (accessed: 18.01.2024) (in Russian).

Demografija [Demography] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed: 30.01.2024) (in Russian).

Karpova E.A., Zaychikova I.B. Social'nyj kapital lichnosti: perspektivy razvitiija i vozmozhnye problemy [Social capital of personality: prospects for development and possible problems] // Sociologija i pravo. 2018. N 1 (39) (in Russian)

Kazhdyj pjatyj zhitel' Chuvashii stalkivalsja s kumovstvom i blatom [Every fifth resident of Chuvashia faced nepotism and blat] // Aktual'no21. URL: <http://aktualno21.ru/obshchestvo/item/7200-kazhdyj-pjatyj-zhitel-chuvashii-stalkivalsja-s-kumovstvom-i-blatom> (accessed: 14.01.2024) (in Russian).

Nazvany regiony, zhiteli kotoryh chashhe vsego ishhut rabotu cherez znakomyh [The regions whose residents are most often looking for a job through acquaintances are named] // News.ru. URL: <https://news.ru/russia/nazvany-regiony-zhiteli-kotoryh-chashe-vsego-ishut-rabotu-cherez-znakomyh/> (accessed: 30.01.2024) (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe neravenstvo v sovremennom mire [Social inequality in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2019. T. 25. N 4 (in Russian).

Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. 2023: R32 Stat. sb. Rosstat. M., 2023 (in Russian)

Rejting regionov RF po kachestvu zhizni — 2022 [Rating of Russian regions by quality of life — 2022] // RIA Rejting. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html> (accessed: 14.01.2024) (in Russian).

Roshchina Ya.M., Kuflina E.D. Tipy social'nogo kapitala rossijan i ih determinanty [Types of social capital of Russians and their determinants] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2022. N 1 (167) (in Russian).

Rynok truda, zanjatost', zarabotnaja plata [Labor market, employment, wages] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (accessed: 16.01.2024). (in Russian).

Sidorova D.P. Istorija razvitiija distancionnogo truda [History of the development of remote labor] // Skif. 2023. N 9 (85) (in Russian).

Starshee pokolenie v postindustrial'nyh realijah: zhiznennye i trudovye strategii: kolektivnaja monografija [Senior generation in postindustrial realities: life and labor strategies: a collective monograph] / Pod. red. S.A. Barkov, I.V. Kuznetsova, A.V. Markeeva. M., 2022 (in Russian)

Sushko V.A. Social'nyj kapital lichnosti i ego vlijanie na kachestvo zhizni molodezhi [Social capital of the individual and its impact on the quality of life of young people] // Sociologija. 2017. N 1 (in Russian).

Tachaeva H.R. Rol' Interneta v zhizni sovremennogo obshhestva [The role of the Internet in the life of modern society] // Voprosy fiziko-matematicheskogo obrazovanija: Mat-ly hiii studencheskoj nauch.-praktich. konf., Groznyj, 16 maja 2020 goda. Groznyj, 2020 (in Russian).

Vordstat — gajd po interfejsu [Wordstat — interface guide] // Jandeks podbor slov. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (accessed: 09.01.2024) (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-209-227

ВЛИЯНИЕ МЕДИКАЛИЗАЦИИ ВОЗРАСТА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЗДОРОВЬЕ И СТАРЕНИИ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

К.А. Галкин, канд. социологич. наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190005*

В статье рассматриваются особенности влияния медиализации на индивидуальные представления пожилых людей о своем собственном здоровье. Эмпирическую базу исследования составили 60 интервью с пожилыми жителями Санкт-Петербурга различных поколений 65+ и 75+ по 30 интервью с представителями каждого поколения. Основной метод анализа — тематический. В ходе исследования было определено, что в России пожилой возраст неразрывно связан с медиализацией этого состояния и пожилые люди образуют особую группу, которая постоянно подвержена проблеме медиализации возраста. В ходе исследования нами выяснено, что дискриминация пожилых людей исходя из плохого здоровья в пожилом возрасте присутствует как в рамках приватного общения с родственниками и близкими, так и распространена в различных дискурсах в СМИ и активно поддерживается врачами и другими медицинскими работниками. Нарративы интервью обозначили важную проблему, а именно, связь пожилого возраста и плохого самочувствия, что становится причиной определения своего пожилого возраста самим пожилыми людьми как времени проблем и сложностей со здоровьем. Сама проблема медиализации крайне значима и труднорешаема на данном этапе. Проблема медиализации пожилого возраста приводит к тому, что в обществе начинают появляться барьеры для пожилых людей и пожилой возраст воспринимается с позиции минимизации возможных проблем, связанных со здоровьем. Значимым в данном случае оказывается проведение дальнейших социологических исследований, ориентированных на анализ особенностей медиализации и возможности минимизации данной проблемы в российском обществе и повсеместно в мире.

Ключевые слова: пожилые люди, медиализация, здоровье, здоровье пожилых людей, старение в России.

---

* Галкин Константин Александрович, e-mail: Kgalkin1989@mail.ru

THE EFFECT OF AGE MEDICALIZATION ON THE PERCEPTION OF INDIVIDUAL HEALTH AND AGING IN THE OLDER

Galkin Konstantin A., Candidate of Sociology, Senior researcher Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, st. 7th Krasnoarmeyskaya, 25/14, St. Petersburg, Russian Federation, 190005, e-mail: Kgalkin1989@mail.ru

The article examines the peculiarities of the effect of medicalization on the individual perceptions of older people about their own health. The empirical base of the study consisted of 60 interviews with elderly residents of St. Petersburg of different generations 65+ and 75+, 30 interviews with representatives of each generation. The main method of analysis is thematic. In the course of the study, it was determined that in Russia, old age is inextricably linked with the medicalization of this condition and older people form a special group that is constantly exposed to the problem of medicalization of age. In the course of the study, we found out that discrimination against older people based on poor health in old age is present both in the framework of private communication with relatives and loved ones and is widespread in various discourses in the media and is actively supported by doctors and other medical professionals. The narratives of the interview identified an important problem, namely the connection between old age and poor health, which causes older people themselves to define their old age as a time of problems and difficulties with health. The problem of medicalization itself is extremely significant and difficult to solve at this stage. The problem of medicalization of the elderly leads to the fact that barriers for the elderly begin to develop in society and old age is perceived from the position of minimizing possible health problems. In this case, it is important to conduct further sociological research focused on analyzing the features of medicalization and the possibility of minimizing this problem in Russian society and throughout the world.

Key words: older people, medicalization, health, health of the older, aging in Russia.

Введение

Старение в России, а также формирование образа старости и социальной политики государства в отношении пожилых людей, как правило, тесно связаны с медицинскими представлениями о возрасте и старении, которые традиционно доминируют в российском обществе¹. При этом именно здоровье, как отмечает большинство авторов, является интегрированным показателем старения и особенностей старения, различных явлений, связанных с возрас-

---

¹ Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140; Кузин С.И. Старение населения: социально-экономический аспект // Вестник университета. 2018. № 3. С. 137–143.

том в России². Вопрос здоровья имеет большое значение, поскольку здоровье является показателем возраста, проявляющимся индивидуально, а также показателем старения населения и возникновения различных проблем в организме людей в целом. Следовательно, сохранение здоровья и поддержание активного долголетия — это ключевые параметры, по которым часто оценивают благополучие пожилых людей в обществах разных стран и уровень развития социальной политики, проводимой в них³. На данный момент в условиях старения населения и за счет постоянного прироста количества пожилых людей сохранение здоровья пожилых выступает одной из важнейших и приоритетных задач для большинства государств. При этом важной характеристикой многих современных обществ по-прежнему остается гипертрофированное вмешательство медицины, ее технологий в повседневную жизнь людей и, соответственно, присваивание различных категорий “здоровья” и “нездоровья” разным группам населения⁴. В контексте пожилого возраста важным выступает тот факт, что под влиянием медицинских и биологизированных представлений о возрасте постепенно сформировались стереотипы о пожилых людях, согласно которым период старости рассматривается как время сокращения физических ресурсов, возможного возникновения заболеваний и, как следствие, время проблем со здоровьем. Следует отметить, что, несмотря на усилия многих социальных ученых, предпринятых в последнее время, в демографических и некоторых социальных исследованиях по-прежнему продолжает доминировать мнение о том, что проблемы со здоровьем в жизни пожилых людей напрямую связаны с периодом проявления наи-

---

² Басов А.В. Новые подходы к пониманию медиализации в зарубежной социологии медицины // Социология медицины. 2017. Т. 16. № 2. С. 72–74. DOI 10.18821/1728-2810-2017-16-2-72-74. EDN YQEZSW; Микляева А.В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 109–124. DOI 10.17323/727-0634-2018-16-1-109-124. — EDN YVBCQI.

³ Синявская О.В., Червякова А.А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5 (171). С. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043; *Stessman J. et al.* Physical activity, function, and longevity among the very old // *Archives of Internal Medicine*. 2009. Т. 169. N 16. P. 1476–1483; *Yi Z. et al.* The healthy longevity survey and the active life expectancy of the oldest old in China // *Population: an English selection*. 2001. N 3. P. 95–116.

⁴ *Михель Д.В.* Медиализация как социальный феномен // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 2 (60). С. 256–263; *Binney E.A.* Medicalization, public policy and the elderly: social services in jeopardy? // *Social Science & Medicine*. 1990. Vol. 30. N 7. P. 761–771; *Busfield J.* The concept of medicalisation reassessed // *Sociology of Health & Illness*. 2017. Vol. 39. N 5. P. 759–774.

более ответственного отношения к своему здоровью и необходимостью проведения медицинских процедур и исследований с целью сохранения активностей в пожилом возрасте⁵. Очень часто как в обществе, так и в исследованиях встречается точка зрения, согласно которой пожилые люди рассматриваются как объект социальной и медицинской помощи и определенный возраст ассоциируется с необходимостью проведения медицинских обследований, соответствующих процедур, направленных на лечение и поддержание здоровья, а нередко — и сохранения жизни. Подобный взгляд не смогла развенчать и принятая идея Активного долголетия, которая зафиксирована в Мадридском плане и ряде других исследовательских работ и направлена на понимание возраста как ресурса и времени активной интеграции пожилых людей в социальную жизнь, их непрерывного развития⁶. Однако одним из важнейших упущений биологизации и, как следствие, медикализации возраста пожилых людей выступает отсутствие фокусного взгляда на проблему и ее осмысления. В исследованиях не учитывается тот факт, что пожилые люди представляют собой неоднородную и крайне дифференцированную группу населения, здоровье и ресурсы которой могут отличаться как в региональном контексте, так и в контексте различных поколений пожилых людей⁷. Немаловажным оказывается и рассмотрение всего спектра проблемного контекста, связанного с пониманием и изучением особенностей здоровья пожилых людей, различных ситуаций и состояний в их жизни, которые могут свидетельствовать о проблемах со здоровьем и, как следствие, быть причинами плохого самочувствия, а также создавать стереотипы о возрасте и заставлять пожилых рассматривать свой возраст через маркирование как временных, так и постоянных проблем со здоровьем. Доминирование в российском обществе взглядов на здоровье пожилых людей, заключающихся в их неспособности, необходимости постоянных медицинских вмешательств и активного поддержания здоровья, оказывает негативное влияние на понимание статуса пожилых людей вообще. Кроме того, это создает для пожилых людей, являющихся частью российского общества, трудности с возможно-

---

⁵ Петров А.М., Антонова О.В., Мустафаева С.Р. Проблемы старения населения и их приоритетная позиция в перечне проблем настоящего времени развития общества // Экономические науки. 2020. № 191. С. 252–255. DOI: 10.14451/1.191.252

⁶ Sidorenko A., Walker A. The Madrid International Plan of Action on Ageing: from conception to implementation // Ageing & Society. 2004. Т. 24. N 2. P. 147–165. DOI: 10.1017/S0144686X03001661

⁷ Vertinsky P. Old age, gender and physical activity: the biomedicalization of aging // Journal of Sport History. 1991. Т. 18. N 1. P. 64–80.

стью реализации их потенциала. Подобные взгляды также являются причиной зависимости пожилых людей от окружающих, постоянно возникающей у них необходимости обращаться за медицинской помощью и проходить обследования и процедуры. Стоит отметить и то, что наступление болезни и появление проблем со здоровьем в жизни пожилых оцениваются не только как сложности медицинского характера, но в большей степени — как культурные конструкты, способствующие изменению мнения окружающих о пожилom человеке⁸. При этом, как отмечают многие исследователи, рубеж старения определяется в том числе и самими пожилыми людьми через ухудшение самочувствия⁹. В настоящем исследовании мы рассматриваем особенности индивидуального понимания своего здоровья пожилыми людьми через призму медиализации возраста и стереотипов относительно связи возраста и здоровья, с которыми пожилые люди сталкиваются в повседневности при посещении врачей, во время диалогов с родственниками и друзьями, а также в медиасреде. Основная цель настоящей статьи — показать, как медиализация старения, существующая в России, влияет на рассмотрение пожилыми людьми своего возраста как периода угасания и необходимости постоянных медицинских вмешательств.

Теоретический контекст

Следует отметить, что на данном этапе в социальных науках не сложилось более-менее универсальных определений понятий “здоровье” и “болезнь”, и, рассматривая предметное поле исследований, посвященное изучению подобных тематик, скорее, уместно учитывать несколько векторов понимания данных терминов. Так, в рамках обширного пула исследований по медицинской антропологии как в отечественных, так и в зарубежных работах, болезнь, а, соответственно, и здоровье в качестве произвольной от болезни рассматриваются как культурная категория, конструируемая особенностями переживания боли, проблемами со здоровьем, пониманием медицины в различных обществах и культурах¹⁰. Сюда

---

⁸ Смолькин А.А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 2. С. 135.

⁹ Сапонов Д.И., Смолькин А.А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 083–094.

¹⁰ Kleinman A. et al. Pain as human experience: an introduction // Pain as human experience: An anthropological perspective. 1992. P. 1–28.; Kleinman A., Kleinman J., Good B. Somatization: the interconnections in Chinese society among culture, depressive experiences, and the meanings of pain // Beyond the body proper: reading the anthropol-

следует отнести такие классические исследования, как работы А. Клеймана и И. Золы, в которых болезнь и боль рассматриваются через призму сложных культурных конструктов, напрямую связанных с особенностями социальной жизни и спецификой развития конкретных обществ¹¹. Ряд новых концепций в современной медицинской антропологии преимущественно развивают данную точку зрения, при этом добавляя в анализ новые категории: к примеру, такие как когнитивистика и развитие когнитивной медицинской антропологии, в рамках которых происходит не только конструирование понимания самой болезни и феномена боли в определенной культуре, связанной с определенными представлениями о проблемах со здоровьем, но и определение когнитивных особенностей переживания людьми болезненных ощущений¹². Следует отметить, что рассмотрение категорий “здоровье”, “болезнь” и “боль” имеет множество различных ответвлений в медицинской антропологии, которые трансформируются в зависимости от взглядов на понимание самой культуры, развития методологического аппарата исследований и возможностей расширения подобного аппарата. Другим предметным полем исследований здоровья и болезни выступает социология или ее раздел — медицинская социология. В рамках данного поля понимание обозначенных концептов также лишено единства: они чаще всего рассматриваются в зависимости от эмпирических целей и задач, поставленных в исследованиях. Однако возможно выделить и несколько направлений в изучении здоровья и болезни в социальных исследованиях. Одно из доминирующих направлений — это рассмотрение здоровья как важнейшей цели социально-экономического развития различных стран и регионов¹³. Подобный подход, рассматривающий здоровье как

---

ogy of material life. 2007. P. 468–474; *Pugh J.F.* The semantics of pain in Indian culture and medicine // *Culture, medicine and psychiatry*. 1991. Т. 15. N 1. P. 19–43. DOI: 10.1007/bf00050826

¹¹ *Zola I.K.* Bringing our bodies and ourselves back in: Reflections on a past, present, and future “medical sociology” // *Journal of Health and Social behavior*. 1991. P. 1–16; *Kleinman A.* The deligitimation and religitimation of local worlds // *Pain as human experience. An anthropological perspective*. 1994. P. 169–197.

¹² *Финкельштейн И.Е.* Модель принятия терапевтических решений в когнитивной медицинской антропологии Линды Гарро // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2018. Т. 11. № 1. С. 79–93. DOI: 10.21638/11701/srbu12.2018.107; *Галкин К.А.* Культура здоровья: концептуализация понятия и перспективы осмысления в медицинской социологии и антропологии // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 277–283.

¹³ *Смирнов Н.К.* Актуальные проблемы здоровьесберегающего образования // *Сибирский педагогический журнал*. 2012. № 9. С. 59–64; *Conrad P.* Parallel play in

важнейшую ценность и определяющий пути достижения здоровья, свойственен многим демографическим и социологическим исследованиям. Сущность другого подхода, отраженного в работах Т. Парсонсона, заключается в том, что здоровье рассматривается как некий символический посредник, который регулирует человеческую активность и другие важные процессы жизнедеятельности людей¹⁴. В данной ситуации важным оказывается понимание сохранения здоровья в целом через сохранение собственного здоровья. Как отмечает Т. Парсонс, происходит интеграция людей в социальную жизнь и люди продолжают играть свои прежние социальные роли. При этом ученый также отмечал, что болезнь определена как физически, так и социально. Социально болезнь рассматривается по Т. Парсонсону как определенное отклонение от нормы, а одной из важнейших целей в преодолении болезни выступает возвращение человека в привычное русло и привычные социальные роли. Эта точка зрения характерна для многих функционалистов, которые рассматривали особенности здоровья и болезни, их последствия для общества и влияние на его функционирование¹⁵. При этом, если в медицинской антропологии медицина рассматривалась, скорее, как набор множественных культурных представлений о лечении, то в рамках функционалистской модели медицина рассматривается больше как инструмент возвращения человека к исполнению прежних социальных ролей. Функционалистский подход предполагает восприятие медицинских вмешательств как неких отдельных эпизодов, в то время как хронические заболевания как феномен нарушают привычные стройные модели понимания болезни, лечения, роли врача и роли пациента¹⁶. Категория медицинского вмешательства, которая способствует возвращению пациента к своим привычным ролям, оказывается малоприменимой в контексте длительного и прогрессирующего естественного заболевания и утрачивает эффект перед старением — непреодолимым естественным процессом, который невозможно прервать или прекратить. Таким образом, рассматривая роли медицины в контексте пожилого возраста, уместно обратиться к категории

---

medical anthropology and medical sociology // *The American Sociologist*. 1997. N 28(4). P. 90–100. <https://doi.org/10.1007/s12108-997-1021-4>

¹⁴ *Parsons T.* The social system. L., 2013.

¹⁵ *Stam H.J.* Theorizing health and illness: functionalism, subjectivity and reflexivity // *Journal of Health psychology*. 2000. Vol. 5. N 3. P. 273–283. DOI: 10.1177/135910530000500309

¹⁶ *Михалева А.В.* Влияние медиализации на здоровье пожилых людей // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2009. № 2–1. С. 130–140.

биоконтроля над возрастом и старением, которая становится ключевой в процессе создания особой роли пожилого человека, восприятия здоровья пожилых людей как периода плохого самочувствия и постоянно возникающих проблем со здоровьем¹⁷. В данном контексте функционалистский и позитивный взгляд на здоровье, медицину, а также лечение заболеваний, становится уже не столь релевантным для описания особой роли медицины в жизни пожилых людей. С этой точки зрения уместным будет обратиться к ряду исследований, которые объединены под термином “медикализация” и рассматривают специфику медикализации жизни пожилых людей и биоконтроля над пожилыми людьми через медикализацию их возраста. Исходя из идей М. Фуко, медикализация представляет собой особую медицинскую технологию, которая создана для успешного управления людьми и контроля¹⁸. Так, пользуясь концептом биовласти, отмечает М. Фуко, у государств и правительств появляется возможность контролировать поведение людей, а также транслировать определенные стандарты поведения, например, стандарты общения, взаимодействия друг с другом, маркирования своей собственной телесности и сексуальности. Медикализация же, а именно, рассмотрение любых телесных проблем и проблем со здоровьем через призму медицины и медицинского контроля, по мнению ученого, становится в данном случае маркером экспертности и способом выделения экспертов (контролирующих) агентов и тех, кого контролируют эксперты — самих людей. М. Фуко определяет медикализацию как особый политизированный взгляд на людей и специфику их здоровья и болезней¹⁹. Ученый отмечал, что важной ролью медикализации выступает возможность создавать различные образы здоровья и болезни и приписывать их различным группам населения. К примеру, образ немощи и плохого здоровья приписывается пожилым людям²⁰. В настоящем исследовании мы используем идею биополитики, обозначенную М. Фуко, и рассматриваем медикализацию пожилого возраста как властный дискурс, в основе которого лежит мнение о том, что здоровье по-

---

¹⁷ Парфенова О.А., Галкин К.А. Конструирование [не] доверия в ковидных дискурсах // Экология человека. 2023. № 4. С. 301–311. DOI: 10.17816/humeco322845

¹⁸ Patton P. Power and biopower in Foucault // *Biopower: Foucault and beyond*. 2016. P. 102–117; Foucault M., Davidson A.I., Burchell G. *The birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978–1979*. N.Y., 2008.

¹⁹ Davis J.E. *Medicalization, social control, and the relief of suffering* // *The new Blackwell companion to medical sociology*. 2010. P. 211–241.

²⁰ Powell J. Rethinking community, medicalization, social and health care: a Foucauldian Analysis // *Archives of Community and Family Medicine*. 2019. Vol. 2. N 2. P. 27–35.

жилых людей, как и их возраст, постоянно помещаются в логику риска и, таким образом, происходит формирование представлений о пожилом возрасте как об особом времени или особой культуре, неразрывно связанной с проблемами со здоровьем. В статье мы определяем медиализацию пожилых людей как поведенческие установки и коммуникативные модели, связанные с пониманием исключительных возможностей доказательной медицины в лечении любых заболеваний и преодолении любых негативных состояний здоровья, обусловленных возрастом.

Эмпирическая база и методология исследования

Настоящее исследование проводилось в Санкт-Петербурге в период с марта 2023 г. по декабрь 2023 г. Всего было собрано 60 интервью с пожилыми людьми разных возрастов: от 65 лет до 75 лет и от 75 лет до 80 лет. Информанты (участники исследования) имели высшее образование. 20 информантов на момент проведения исследования продолжали работать после выхода на пенсию. Для создания комфортной обстановки и возможностей рефлексивных рассуждений по теме исследования интервью, как правило, проводились в домах информантов, наедине с ними.

Гайд интервью состоял из двух блоков. Первый блок включал в себя особенности индивидуального понимания своего возраста и его особенностей в контексте медиализации. Второй блок был посвящен особенностям медиализации, транслируемым СМИ, и их восприятию пожилыми людьми. Метод интервью — полуструктурированный. Тип выборки — целевой. Информанты ранее имели негативный опыт коммуникации с врачами, в рамках которой врачи пытались описать возраст пожилых людей и проблемы со здоровьем, исходя из медиализирующих позиций, а именно: настаивали на необходимости прохождения постоянного лечения по достижению пожилого возраста. Также информанты получали характеристику своего возраста, исходя из плохого здоровья и ситуаций, связанных с потерей здоровья, а, следовательно, и с потерей важных ресурсов, которая, в целом, свойственна пожилым людям. Как правило, о негативном опыте относительно медиализации возраста и проблем, связанных с описанием старения через утрату здоровья, можно было судить в ходе пилотных интервью с участниками настоящего исследования. Одной из важных особенностей исследования выступает его проведение в период постпандемии, так как именно в период самой пандемии произошел возврат к биологизированным трактовкам пожилого возраста, старение стали рассматривать как опасный период в жизни человека с точки зре-

ния возможности заражения новой коронавирусной инфекцией. Проведенные интервью имели нарративный характер: изначально задавалась общая тема разговора, далее интервьюер ориентировался на ход мыслей информанта, предоставленные им/ею ответы на вопросы.

Метод анализа, который применялся в данном исследовании, — тематический. Кодирование нарративов интервью было произведено при помощи итеративного способа. Первый этап — открытое кодирование с выделением кодов первого уровня, в рамках которого фиксировались все реакции информантов на медикализацию своего возраста и проявление ими возможных страхов, связанных с ней. Второй этап — это определение роли общества и СМИ в восприятии пожилыми людьми своего возраста через призму медикализации и ухудшающегося здоровья. Далее все коды объединялись в темы, каждая из которых показывала, как пожилые люди переживают особенности медикализации своего возраста через возникающие сложности и проблемы со здоровьем и какое влияние оказывают общественные дискурсы и дискурсы СМИ на понимание своего возраста через состояние здоровья.

Описание своего здоровья и старения. Страхи и новая реальность

Анализ интервью показывает, что осознание возраста и старения у пожилых людей, как правило, не связано с прожитыми годами, а обусловлено каким-либо событием, которое, как отмечают информанты, и запускает процессы старения. К таким событиям чаще всего относятся проблемы со здоровьем и возникновение хронических заболеваний. При этом хронологический возраст человека в данном случае не соответствует пожилому возрасту, а вот восприятие своего возраста напрямую связано с проблемами со здоровьем:

«Я всегда раньше себя подбадривала, говорила себе, что, мол, там все равно, несмотря на возраст, ты работать продолжаешь и все равно так или иначе силы есть и бодрость, а значит ты не старая, но потом как вот прицепились болезни сердца, как услышала еще от врачей фразу, что мне уже лекарства по возрасту надо принимать и пристально следить за своим состоянием, вот так вот и началось все у меня — в общем-то сказала себе: “Да, постарела я, постарела”» (женщина, 70 лет, Санкт-Петербург).

Ухудшение здоровья пугает. Самый большой страх, который описывали пожилые люди относительно проблем со своим здоровьем, связан с утратой прежнего статуса активного, бодрого человека. Как отмечали в интервью информанты, в России заболевание,

в целом, воспринимается как нечто страшное, фатальное и неизлечимое, а с наступлением реальной болезни это впечатление только усиливается. Процессы, которые связаны со старением, подразумевают то, что их предотвращение невозможно, а это значит, что пожилые люди начинают автоматически относить себя к малоподвижным людям, которые имеют серьезные проблемы с самочувствием. Образ здорового человека, по мнению самих пожилых людей, является привлекательным, поскольку он связан с интегрированностью в социальную жизнь, коммуникацией. Образ нездорового человека охарактеризован в интервью как негативный образ, предполагающий утрату прежних статусов. Информанты отмечали, что образ нездоровья в старости связан с потерей прежних активностей и отрицает проявление активности в целом: посещение различных мест, трудовую занятость, оказание помощи своей семье:

“Знаете, где есть эта грань между человеком старым и еще плюс-минус человеком пожилым? Я сама вот раньше не знала, а потом моя подруга получила инвалидность (пусть даже вторая группа) и она поняла, что везде: в поликлинике, на приеме у врачей, в магазинах, транспорте — везде, узнав об ее состоянии, ей начинают намекать на ограниченность в движении, говорят, что ей будет тяжело и сложно совершать какие-то движения. А она вообще не чувствует себя старой и даже пожилой, запрещает себя так называть, но это все равно не работает — за ней по-прежнему закреплён статус старого, немощного, больного человека только потому, что у нее проблемы с коленями и она не может свободно передвигаться. Это, конечно, не дело, но в нашем обществе все так и есть” (женщина, 68 лет, Санкт-Петербург).

Одной из важных проблем, которые отмечают информанты в интервью, выступает проблема тесной связи в представлениях российского общества плохого здоровья и процесса старения. Это состояние информанты нередко называют “глубокой старостью”. Состояние “глубокой старости” напрямую связано с различными проблемами со здоровьем и, как следствие, оно предполагает появление различных запретов, ограничений и инфантилизации, с которыми пожилым людям приходится сталкиваться как со стороны общества, так и со стороны близких людей. Часто подобные запреты распространялись на привычные телесные практики пожилых людей, когда возникало состояние нездоровья и проблемы, вытекающие из него. Например, когда запреты на слишком активную жизнь были обусловлены принятыми в обществе нормами поведения и пониманием того, что старение неразрывно связано с угрозами пере-

ломов, которые в таком возрасте, как правило, сложно поддаются лечению:

«Лет пять назад я любил с внуком кататься на роликах. А чего? Стаж ведь есть: я как-никак на роликах с 1995 года катаюсь. Ясно, что навык есть и не хуже, чем у многих молодых людей, которые только учатся или только встали на роликовые коньки. Так вот, пять лет назад я достаточно серьезно заболел гриппом. Это было еще до всех этих ковидов. Потом все перетекло в пневмонию, и меня свалила с ног долгая, затяжная болезнь — пролежал, наверное, месяцев пять. Вот такой грипп! После этого весной взгляд внука на мое состояние изменился. Он сказал: “Деда, ты бы был осторожен с роликовыми коньками! Мало ли что может вообще случиться, когда будешь кататься... Все-таки возраст”. И вот эта его фраза “Все-таки возраст” меня сильно насторожила и, конечно, задела. Тогда ну и я сам решил, что, может, и пришла такая пора. Действительно, как говорят по ТВ, по статистике падения в пожилом возрасте опасны. В общем, вот так я и бросил это дело, хотя кататься и сейчас, поверьте, очень хочется (улыбается)» (мужчина, 70 лет, Санкт-Петербург).

Другое немаловажное опасение перед серьезным заболеванием заключается в том, что отсутствует медицинская инфраструктура и врачи невнимательно относятся к пожилым людям и их потребностям. Таким образом, болезнь ассоциируется у пожилых людей с неминуемым отказом от прежней жизни и от многих потребностей — они постоянно пытаются бороться с некачественной медициной и невнятными, а нередко, как это отмечали информанты, угрожающими здоровью назначениями врачей. Как правило, когда пожилые люди сталкиваются с подобной реальностью — необходимостью выстраивания сложных диалогов, постоянной коммуникации с врачами и постоянных сложностей, возникающих в лечении заболеваний — прежняя реальность и прежняя здоровая жизнь перестают существовать или уходят на второй план, а часто и вовсе игнорируются самими пожилыми людьми. В условиях новой реальности, которая возникает с момента возникновения у пожилых людей заболевания, как отмечают сами пожилые люди, сокращается количество свободного времени и создаются множественные трудности с поддержанием привычного течения повседневной жизни, которая была до болезни:

“Как началась у меня реабилитация после инфаркта, так я и све-та белого, можно сказать, не видела. Все так и пошло: врачи, лечение, рецепты... В общем, как белка в колесе бежишь, и непонятно, в принципе, когда придет конец этой суете. Вот так вот, в общем-то. И жизнь вся стала проходить у меня в постоянных, можно сказать,

трениях и постоянной борьбе и за свое здоровье и за хорошее самочувствие. И что в итоге? Знаете, привычный прежний мир — он словно рухнул, исчез. Такое ощущение, что все — и нет этого привычного мира. Только и осталось бодаться или, хотя бы, пытаться бодаться со всей отечественной медицинской системой” (женщина, 65 лет, Санкт-Петербург).

Таким образом, анализируя нарративы интервью, следует сделать вывод о том, что заболевания и проблемы со здоровьем выступают для пожилых людей чертой, после прохождения которой начинается отсчет старения. Также следует отметить, что в зависимости от возраста нездоровье воспринимается по-разному. Так, пожилые люди из группы информантов 65+ воспринимали возникающие проблемы со здоровьем как временные трудности, в то время как информанты из группы 75+ в нарративах интервью преимущественно описывали возникающие со здоровьем трудности как фатальные и неизлечимые и ассоциировали подобные состояния с наступлением глубокой старости.

Роль СМИ и общества в медиализации особенностей старения пожилых людей

Медиализация, транслируемая в СМИ и среди родственников и знакомых пожилых людей, как правило, приводит к потере агентности пожилых, а именно — утрате возможностей для социальной реализации и уменьшению физиологических ресурсов. Так, в интервью пожилые люди часто говорили о том, что с возрастом дискурсы СМИ и понимание обществом старения в России все сильнее помещают их в группу недееспособных людей, которым недоступны все прежние возможности. Старение представляется как перспектива постоянного пребывания дома и заботе о своих внуках и правнуках. Причем, как правило, подобная роль приписывается именно пожилым женщинам. Здесь пожилой возраст вступает в тесную связь с медиализацией самого процесса старения, и именно медицинские противопоказания и ограничения в данном случае выступают главным фактором, ограничивающим активности пожилых людей:

«Вы знаете, я даже так скажу: с возрастом и простые вещи, например, такие, как создание новых отношений или даже поездка на юг в целях отдыха — все это становится словно под запретом, если честно, и ты сам уже не в состоянии, в принципе, уже даже как-то решить, что тебе делать в твоей жизни. И по телевизору, вы же слышите эту риторику, постоянно говорят: “Пожилым надо быть осторожнее”. Это значит, в принципе, только одно: что кроме немощных и старых, нам в обществе не могут дать других характеристик,

и участь наша такая и есть — сидеть и ждать своего часа» (мужчина, 73 года, Санкт-Петербург).

Важную роль в медиализации пожилого возраста играют и взрослые дети. Взрослые дети становятся теми субъектами, которые определяют действия пожилых людей и влияют на выбор пожилыми тех или иных наиболее релевантных моделей поведения. При этом поведение взрослых детей, как отмечали информанты, часто связано с ограничением у пожилых самостоятельности и их апеллированием к плохому самочувствию — самостоятельное принятие решений, как следствие, становится невозможным. Также, как это часто отмечали в интервью информанты, подобное отношение было связано с тем, что взрослые дети могли говорить о ментальной неполноценности пожилых людей и тем самым подчеркивать неспособность пожилых людей самостоятельно принимать решения и контролировать свою жизнь. Таким образом, взрослые дети оставляют за собой исключительное право контролировать жизнь своих пожилых родителей:

«Дочка часто все решает за меня, причем решает все то, что я могу и сама прекрасно решить и в чем я сама прекрасно разбираюсь — вот от этого и раздражаюсь. Потому что у них это еще с совка идет, а, может, и вообще, до сих пор читают газеты и телек смотрят, где говорят, что пожилые люди обязательно слабоумные и немощные. Из-за этого и начинаются запреты вроде “Это тебе нельзя, а то тебе можно” и дальше по списку» (женщина, 78 лет, Санкт-Петербург).

Сами пожилые, как правило, очень болезненно переживают такие состояния, когда они перестают восприниматься окружающими как сознательные люди и когда близкие не видят в их поступках смысла, а значит часто автоматически относят пожилого человека к категории старых, больных и немощных людей. При этом в интервью пожилые люди отмечали, что им сложно опровергать мнение близких людей, спорить с этим мнением и пытаться разубедить близких людей в чем-либо. Часто пожилые люди начинают отказываться от своих желаний и ожиданий и теряют свою агентность, делая то, что требуют от них близкие люди.

Возраст медиализируется и дискриминируется не только в приватной, но и в публичной сфере. Автономность пожилых людей, медиализируя их самих, как правило, отнимают СМИ, а также врачи и сотрудники медицинских учреждений. При этом пожилые люди болезненно воспринимают разделение в СМИ населения России на две категории: молодых людей, обладающих ресурсами и имеющих прекрасное здоровье, и пожилых людей, соответствен-

но, не обладающих хорошими ресурсами и имеющих проблемы со здоровьем. Это разделение, как отмечали информанты, способствует тому, что их считают немощными, неспособными что-либо делать и предпринимать решения, и, следовательно, ставит их в один ряд с больными и недееспособными людьми:

«А как по-другому ко всему этому можно относиться, сами судите и смотрите. Вот, например, постоянно же у нас везде из каждого утюга звучат призывы и возгласы разные, что, мол “Молодым дорога, а старикам почет”, что если ты старый человек, то твои лучшие друзья — это различные хронические заболевания, ну и прочие проблемы со здоровьем, сопровождающие их. И это порой бывает невыносимо слушать и примерять на себя, а ты должен с этим жить, быть старым в стране, где старость приравнивается к раковому заболеванию. Вот это, конечно, убивает и угнетает больше всего» (мужчина, 68 лет, Санкт-Петербург).

Таким образом, дискурс, транслируемый как в публичной, так и в приватной сфере, напрямую связывает возраст пожилых людей и плохое самочувствие, а также постоянно напоминает о необходимости лечения и пристального внимания к своему здоровью. Все это, безусловно, создает особое настроение и формирует особый взгляд пожилых людей на свое здоровье, который связан с негативными впечатлениями и содержит в себе стереотипы о немощи и различных проблемах со здоровьем. Общественный дискурс, как отмечают информанты, не оценивает старение положительно, а, наоборот, связывает пожилой возраст с опасностями и характеризует его как период сокращения автономности в принятии решений, отсутствия ответственности за свою жизнь. Все это служит причиной особого восприятия пожилых людей: они становятся лицами, которые постоянно нуждаются в медицинской помощи, лечении возникающих у них заболеваний.

Заключение

Исследование показало, что в России пожилой возраст неразрывно связан с медикализацией этого состояния и, как следствие, пожилые люди образуют группу, которая имеет постоянные проблемы со здоровьем. У самих пожилых людей при этом, как правило, нет возможности преодолеть негативные ассоциации, связывающие старение с плохим самочувствием и проблемами со здоровьем. Следует отметить, что дискриминация относительно плохого здоровья пожилых людей присутствует как в рамках приватного общения и взаимодействия с родственниками, так и в публичной сфере: в рамках различных дискурсов, транслируемых

в СМИ и поддерживаемых врачами и другими медицинскими работниками. При этом, как показало настоящее исследование, принятые в обществе модели медикализации пожилого возраста физически ограничивают пространство для деятельности пожилых людей и лишают их самостоятельности и возможности самостоятельно принимать решения. Все это способствует тому, что пожилые люди начинают думать о своем старении с негативной точки зрения и рассматривают свой возраст как социальную проблему, заключающуюся в ограничении здоровья и плохом самочувствии. Явление медикализации старения отрицательно влияет на пожилых людей. Данная проблема сводится не только к тому, что в обществе присутствуют барьеры в доступе пожилых людей к различным услугам и видам деятельности, но и к тому, что сами пожилые люди начинают воспринимать негативные общественные дискурсы в отношении своего возраста и постепенно начинают рассматривать свой возраст как время тотальных ограничений и проблем, связанных со здоровьем. Это способствует тому, что образ старения ассоциируется с инфантильностью и беспомощностью, хронической болезнью, ограниченными возможностями, отсутствием самостоятельности в принятии решений и ответственности за свою жизнь. Таким образом, следует отметить, что в российском обществе медикализация продолжает воспроизводиться и даже усиливается. Поэтому важным выступает проведение исследований и изучение взаимосвязи здоровья и пожилого возраста, а также разработка практических рекомендаций, направленных на минимизацию негативных эффектов медикализации старения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басов А.В. Новые подходы к пониманию медикализации в зарубежной социологии медицины // Социология медицины. 2017. Т. 16. № 2. С. 72–74. DOI 10.18821/1728-2810-2017-16-2-72-74.

Галкин К.А. Культура здоровья: концептуализация понятия и перспективы осмысления в медицинской социологии и антропологии // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8. № 3. С. 277–283.

Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140.

Кузин С.И. Старение населения: социально-экономический аспект // Вестник университета. 2018. № 3. С. 137–143.

Микляева А.В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 109–124. DOI 10.17323/727-0634-2018-16-1-109-124

Михалева А.В. Влияние медиализации на здоровье пожилых людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 2–1. С. 130–140.

Михель Д.В. Медиализация как социальный феномен // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 2(60). С. 256–263.

Парфенова О.А., Галкин К.А. Конструирование [не] доверия в ковидных дискурсах // Экология человека. 2023. № 4. С. 301–311. DOI: 10.17816/humeco322845

Петров А.М., Антонова О.В., Мустафаева С.Р. Проблемы старения населения и их приоритетная позиция в перечне проблем настоящего времени развития общества // Экономические науки. 2020. № 191. С. 252–255. DOI: 10.14451/1.191.252

Сапонов Д.И., Смолькин А.А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 083–094.

Синявская О.В., Червякова А.А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5 (171). С. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043

Смирнов Н.К. Актуальные проблемы здоровьесберегающего образования // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 9. С. 59–64.

Смолькин А.А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 2.

Финкельштейн И.Е. Модель принятия терапевтических решений в когнитивной медицинской антропологии Линды Гарро // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 1. С. 79–93. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2018.107

REFERENCES

Basov A. V. Novye podhody k ponimaniyu medikalizacii v zarubezhnoj sociologii mediciny [New approaches to understanding medicalization in the foreign sociology of medicine] // Sociologiya mediciny. 2017. N 2. P. 72–74. DOI 10.18821/1728-2810-2017-16-2-72-74 (in Russian).

Binney E.A. Medicalization, public policy and the elderly: social services in jeopardy? // Social Science & Medicine. 1990. Vol. 30. N 7. P. 761–771.

Busfield J. The concept of medicalisation reassessed // Sociology of Health & Illness. 2017. Vol. 39. N 5. P. 759–774.

Conrad P. Parallel play in medical anthropology and medical sociology // The American Sociologist. 1997. N 28(4). P. 90–100. DOI: 10.1007/s12108-997-1021-4

Davis J.E. Medicalization, social control, and the relief of suffering // The New Blackwell Companion to Medical Sociology. 2010. P. 211–241.

Finkel'shtejn I.E. Model' prinyatiya terapevticheskikh reshenij v kognitivnoj medicinskoj antropologii Lindy Garro [The therapeutic decision-making Model in Cognitive Medical Anthropology by Linda Garro] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2018. T. 11. N 1. S. 79–93. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2018.107 (In Russian).

Foucault M., Davidson A.I., Burchell G. The birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978–1979. L., 2008.

Galkin K.A. Kul'tura zdorov'ya: konceptualizaciya ponyatiya i perspektivy osmysleniya v medicinskoj sociologii i antropologii [Health culture: Conceptualization of the concept and perspectives of understanding in medical sociology and anthropology] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki. Uchrediteli: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet.* 2023. Vol. 8. N 3. P. 277–283 (in Russian).

Grigor'eva I.A., Uhanova Yu. V., Smoleva E.O. Transformaciya social'noj politiki v Rossii v kontekste stareniya naseleniya [Transformation of social policy in Russia in the context of population aging] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* 2019. N 5. P. 124–140 (in Russian).

Kleinman A. et al. Pain as human experience: an introduction // *Pain as Human Experience: An Anthropological Perspective.* N.Y., 1992. P. 1–28.

Kleinman A., Kleinman J., Good B. Somatization: the interconnections in Chinese society among culture, depressive experiences, and the meanings of pain // *Beyond the Body Proper: Reading the Anthropology of Material Life.* L., 2007. P. 468–474.

Kleinman A. The deligitimation and religitimation of local worlds // *Pain as Human Experience: An Anthropological Perspective.* N.Y., 1994. P. 169–197.

Kuzin S.I. Starenie naseleniya: social'no-ekonomicheskij aspekt [Population ageing: socio-economic aspect] // *Vestnik universiteta.* 2018. N 3. P. 137–143 (in Russian).

Mihel' D.V. Medikalizaciya kak social'nyj fenomen [Medicalization as a social phenomenon] // *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.* 2011. N 2(60). P. 256–263 (in Russian).

Miklyaeva A. V. Infantilizaciya pozhilyh lyudej v povsednevnom vzaimodejstvii: k postanovke problemy [Infantilization of the elderly in everyday interaction: towards a problem statement] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki.* 2018. N 1. P. 109–124. DOI 10.17323/727-0634-2018-16-1-109-124 (in Russian).

Mihaleva A.V. Vliyanie medikalizacii na zdorov'e pozhilyh lyudej [The effect of medicalization on the health of the older] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya.* 2009. N 2–1. P. 130–140 (in Russian).

Parsons T. The social system. L., 2013.

Parfenova O.A., Galkin K.A. Konstruirovanie [ne] doveriya v kovidnyh diskursah [Constructing [not] trust in covid discourses] // *Ekologiya cheloveka.* 2023. N 4. P. 301–311 (in Russian).

Patton P. Power and biopower in Foucault // *Biopower: Foucault and beyond.* 2016. P. 102–117.

Powell J. Rethinking community, medicalization, social and health care: a Foucauldian analysis // *Archives of Community and Family Medicine.* 2019. Vol. 2. N 2. P. 27–35.

Petrov A.M., Antonova O.V., Mustafaeva S.R. Problemy stareniya naseleniya i ih prioritnaya poziciya v perechne problem nastoyashchego vremeni razvitiya obshchestva [The problems of population aging and their priority position in the list of problems of the present development of society] // *Ekonomicheskie nauki.* 2020. N 191. P. 252–255. DOI: 10.14451/1.191.252 (in Russian).

Pugh J.F. The semantics of pain in Indian culture and medicine // *Culture, medicine and psychiatry.* 1991. Vol. 15. N 1. P. 19–43. DOI: 10.1007/bf00050826

Saponov D.I., Smol'kin A.A. Social'naya eksklyuziya pozhiykh: k razrabotke modeli izmereniya [Social exclusion of the older: towards the development of a measurement model] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2012. N 5 (111). P. 083–094 (in Russian).

Sidorenko A., Walker A. The Madrid International Plan of Action on Ageing: from conception to implementation // Ageing & Society. 2004. Vol. 24. N 2. P. 147–165. DOI: 10.1017/S0144686X03001661

Sinyavskaya O.V., CHervyakova A.A. Aktivnoe dolgoletie v Rossii v usloviyah ekonomicheskoy stagnacii: chto pokazyvaet dinamika indeksa aktivnogo dolgoletiya? [Active longevity in Russia under conditions of economic stagnation: what does the dynamics of the active longevity index show?] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2022. N 5 (171). P. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043 (in Russian).

Smirnov N.K. Aktual'nye problemy zdorov'esberegayushchego obrazovaniya [Current problems of health-saving education] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2012. N 9. P. 59–64 (in Russian).

Smol'kin A.A. Medicinskij diskurs v konstruirovani obrazaz starosti [Medical discourse in the construction of the image of old age] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2007. Vol. 10. N 2 (in Russian).

Stam H.J. Theorizing health and illness: functionalism, subjectivity and reflexivity // Journal of Health psychology. 2000. Vol. 5. N 3. P. 273–283. DOI: 10.1177/135910530000500309

Stessman J. et al. Physical activity, function, and longevity among the very old // Archives of Internal Medicine. 2009. N 16. P. 1476–1483.

Vertinsky P. Old age, gender and physical activity: the biomedicalization of aging // Journal of Sport History. 1991. Vol. 18. N 1. P. 64–80.

Yi Z. et al. The healthy longevity survey and the active life expectancy of the oldest old in China // Population: an English selection. 2001. P. 95–116.

Zola I.K. Bringing our bodies and ourselves back in: Reflections on a past, present, and future “medical sociology” // Journal of Health and Social behavior. 1991. P. 1–16.

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-2-228-240

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ “ПРЕКАРИАТ” В РАМКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Н.В. Баранов, студент 2-го курса магистратуры кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Целью статьи является выявление специфики изучения представителей прекариата и его концептуализации в рамках отечественной социологии.

В рамках статьи анализируется “теоретический раскол”, который существует в отечественной социологии относительно концептуализации понятия “прекариат”. На основании анализа работ социологов, принадлежащих двум подходам, были сформулированы черты, характеризующие прекариат как социально-экономическую группу и как полноценный социальный класс. Также автором обозначены черты прекариата, разделяемые представителями обоих подходов.

В конце статьи выдвигается формулировка прекариата как формирующегося класса и выделяются два аспекта, которые способствуют интеграции его представителей в современное российское общество.

Ключевые слова: прекариат, прекариатизация, социальная стратификация, социальный класс, социальная группа.

CONCEPTUALIZATION OF THE “PRECARIAT” PHENOMENON IN RUSSIAN SOCIOLOGY

Baranov Nikolay V., 2nd year student of the Master’s program, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: nvb135246@gmail.com

The purpose of the article is to identify the specifics of studying representatives of the precariat and its conceptualization within the framework of Russian sociology.

The article analyzes the “theoretical split” that exists in Russian sociology regarding the conceptualization of the concept of “precariat”. Based on the analysis of the works of sociologists belonging to two approaches, the features characterizing the precariat as

---

* **Баранов Николай Вадимович**, e-mail: nvb135246@gmail.com

a socio-economic group and as a full-fledged social class were formulated. The author also identified the features of the precariat shared by representatives of both approaches.

At the end of the article, the formulation of the precariat as an emerging class is put forward and two aspects are highlighted that can contribute to the integration of its representatives into modern Russian society.

Key words: *precariat, precariatization, social stratification, social class, social group.*

Через некоторое время после актуализации проблемы прекариата в западной социологии¹, изучение данной социальной группы началось и в отечественной социологической науке. Сегодня исследования, посвященные месту и роли прекариата в современной России, достаточно многочисленны и разнообразны. Очень часто предметом исследования отечественных ученых становятся:

- критерии выведения прекариата;
- социально-профессиональный портрет и квалификационные характеристики прекариата;
- проблема идентификации представителей прекариата;
- специфика взаимоотношения представителей данной социальной группы с представителями власти, работодателями и т.д.;
- жизненный мир прекариата: его ценностные установки, стандарты потребления, а также социально-экономическое поведение.

К сожалению, отечественные социологи в своих трудах часто приходят к диаметрально противоположным выводам по одному из вышеуказанных предметов исследования, в результате чего в отечественной социологической теории отсутствует точное определение прекариата как социального класса или социально-экономической группы. Вместо этого мы можем говорить о существовании нескольких подходов к его определению.

В основе первого подхода лежит гипотеза о том, что прекариат представляет собой социальную группу, которая впоследствии перерастет в полноценный социальный класс и продукт социально-экономических изменений, происходящих в современной России. Представителями данного подхода являются ряд ученых, таких как А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, Е.Н. Акимова и О.В. Шатаева.

Отечественные социологи А.В. Бузгалин и А.И. Колганов рассматривают прекариат как новую социальную группу, которая

---

¹ См.: *Баранов Н.В.* Генезис и трактовка понятия “прекариат” в странах западной и восточной Европы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 325–336. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-325-336>

в будущем имеет шанс перерасти в полноценный “креатив класс”. Причиной этой трансформации, по мнению ученых, является негативное разрешение “противоречия между необходимостью все более широкого развития свободного и по содержанию, и по форме труда, с одной стороны, и узкими рамками наемного труда и частного предпринимательства, с другой”². По мнению ученых, прекариат является следствием разрешения вышеобозначенного противоречия. Представители новой социальной группы, которые являются крайне разнородными, становятся субъектами, свободными от гарантий труда или “объективных общественных предпосылок”³ и свободного труда. Данная свобода означает факт незащищенности членов прекариата от риска увольнения, а также отсутствие возможности отстаивания своих трудовых прав и привилегий.

Выделив характерные черты прекариата, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов формулируют причины его возникновения как новой социальной группы. Первую причину возникновения прекариата ученые обозначают как исчерпание позитивного потенциала для социального прогресса антагонистических классов — буржуазии и пролетариата. Для объяснения сегодняшних отношений работодателя и работника нельзя ссылаться на концепцию отношений антагонистических классов, созданную К. Марксом. С одной стороны, социально-классовая структура современного российского общества разительно отличается от структуры антагонистических отношений классов, выведенной классиком социологии. С другой стороны, К. Маркс не уделял достаточно внимания незащищенным слоям общества, выделяя их в конкретные социальные группы.

В связи с активным развитием технологий, которые способствуют распространению роботизированного производства, существует потребность в новом классе креативных рабочих, которые не обладают отчуждением к труду, а также к его результату. “Императивом рождающегося сегодня будущего становится свободный труд креативного работника, т.е. труд человека, который сам свободно выбирает сферу своей деятельности и самореализации, и свободен (не подчинен ни вещным факторам производства, ни внешнему управлению со стороны капитала и бюрократии) в процессе труда”⁴, — писали эти ученые.

---

² Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 24.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же.

Таким образом, по мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, прекариат представляет собой группу креативных рабочих, которая имеет шанс стать новым социальным классом, интегрированным в роботизированное производство. Представители данной социальной группы в связи с наличием креативного потенциала не могут быть отнесены ни к одному социальному классу.

Также анализ прекариата как формирующегося нового класса представлен в статье Е.Н. Акимовой и О.В. Шатаевой. По их мнению, в последние годы неформальная занятость в России активизировалась в связи с тем, что работники начинают вступать в трудовые отношения без соответствующего заключения трудового договора с работодателями, что резко ограничивает гарантии их прав. В результате в современной России “идет процесс формирования прекариата, т.е. людей, имеющих неустойчивую форму занятости”⁵. Его представители являются очень уязвимыми в результате незащищенности со стороны закона. Данная уязвимость проявляется в регулярном отказе в работе, невыплате заработной платы, отсутствии страхования и т.п., что порождает прекарную занятость. Соответствующая форма занятости представляет выгоду работодателям; параллельно с увеличением прибыли они снижают издержки, экономя на технике безопасности, взносах в пенсионный фонд, оплате отпускных и пр. В результате данной экономии представители прекариата лишаются основных социальных гарантий и юридических прав, что не позволяет им отстаивать свою позицию при разрешении конфликтов с работодателем.

Второй подход основан на восприятии прекариата как временной социальной группы, являющейся результатом трансформации социально-классовой структуры в период социальных изменений. К представителям данного подхода можно отнести Е.С. Коновкина, Ж.Т. Тощенко и И.В. Воробьева.

В своей статье “Прекариатизация и перспективы прекариата” Е.С. Коновкин ставит вопрос об аспекте изучения прекариата как класса и страты. “Страта — социальная группа, находящаяся в некотором иерархическом ряду. Класс можно представить как многомерную страту, то есть как такую социальную группу, которая ранжирована не по одному, а по нескольким критериям”⁶, — писал этот ученый, разделяя между собой категории “страта” и “класс”. Приме-

---

⁵ Акимова Е.Н., Шатаева О.В. Состояние и развитие российского рынка труда в связи с пандемией коронавируса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 2. С. 9.

⁶ Коновкин Е.С. Прекариатизация и перспективы прекариата // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. С. 109.

ром вышеобозначенных критериев для прекариата ученый считал отсутствие властных полномочий, непостоянный способ получения дохода, а также других средств к существованию.

Разделив категории “страта” и “класс”, ученый обозначает факт того, что “классы, как правило, попадают в иерархическую структуру социального неравенства: они могут быть привилегированными — непривилегированными, эксплуататорскими — эксплуатируемыми, правящими — зависимыми”⁷. В качестве примера иерархической структуры социолог выделяет отличие прекариата от представителей высшего класса. На основании данной иерархической структуры прекариат представляет собой непривилегированную, эксплуатируемую и зависимую социальную группу. В состав данной группы людей могут входить представители разных профессий, что не позволяет нам ее выделить как полноценный социальный класс в соответствующей структуре российского общества.

Далее Е.С. Коновкин анализирует отличия прекариата от пролетариата и рабочего класса, с которыми часто соотносят новую социальную группу. По мнению ученого, пролетариат представляет собой группы людей, “подвергающихся эксплуатации, рабочая сила которых превращается в товар”⁸. Характерной чертой прекариата, в данном случае будет являться отсутствие физического принуждения к труду или иного рода зависимости, чем обладал пролетариат. Несмотря на это представители данной социальной группы, на наш взгляд, остались без гарантий на труд. Будучи эксплуатируемой группой, представители прекариата не могут отстаивать полноценно свои трудовые права, являясь жертвой работодателей, которые будут стремиться к уменьшению издержек за счет увольнения работников.

Другим же отличием прекариата от рабочего класса будет являться разнородность данной социальной группы. По мнению Е.С. Коновкина, структура “опасного класса” создается из-за рекрутирования “не только из рабочих, но и из работников умственного труда (когнитариев), из среднего класса, из любых групп труда, если при этом приобретаются соответствующие социальные характеристики”⁹. Данная отличительная черта прекариата не позволяет Е.С. Коновкину выделить его как отдельный класс.

На основании вышеобозначенных черт отечественный социолог выделяет прекариат в отдельную социальную группу, которая оказывает влияние на классовую структуру современного россий-

---

⁷ Коновкин Е.С. Прекариатизация и перспективы прекариата.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

ского общества. Но из-за включения в нее представителей разных групп труда и профессий Е.С. Коновкин не рассматривает прекариат как “класс для себя” и, как следствие, полноценный социальный класс.

Параллельно с вышеуказанными чертами отечественный социолог выводит три характеристики прекариата, которые ведут к усилению его влияния и роли в общественных преобразованиях в условиях трансформации трудовых отношений:

1. Ориентированность на получение жизненно важных благ при вступлении в трудовые отношения, что отличает прекариат от андеркласса, например.

2. Отсутствие идентификации себя с ведением предпринимательской деятельности и обладанием собственностью.

3. Отсутствие отождествления себя с деятельностью государства и отчуждение от властимущих представителей из-за уязвимости своего положения¹⁰.

В заключении Е.С. Коновкин обозначает место прекариата в социально-классовой структуре современной России как “наследника традиций промышленного пролетариата, а не среднего класса”¹¹, что не позволяет идентифицировать прекариат как полноценный социальный класс. Но несмотря на разобщенность данной социальной группы, представители власти не могут игнорировать ее при осуществлении социальной политики.

Наибольший вклад в теоретическое развитие категории прекариат внес отечественный социолог Ж.Т. Тощенко. Данный социолог рассматривает вышеуказанную социальную группу с точки зрения такого классообразующего критерия, как “отношение к функционирующим в обществе формам собственности”¹².

Выделяя критерии прекарной занятости и социальные группы, входящие в состав прекариата, социолог постулирует, что в настоящих экономических условиях интегративной силой прекариата является “осознание общих социальных интересов, объединяющих надежды и чаяния по соблюдению государством справедливости”¹³, которое будет выражаться в обеспечении минимальных гарантий на трудовые права, а также возможность участия прекариата в управлении государством и, как следствие, перераспределение общественного богатства и достойное потребление как духовных, так и материальных благ.

---

¹⁰ См.: Коновкин Е.С. Прекариатизация и перспективы прекариата.

¹¹ Там же.

¹² Тощенко Ж.Т. Социология жизни: Монография. М., 2016. С. 238.

¹³ Там же.

Но из-за разнородности представителей данной социальной группы, они не могут заявить о себе как “класс для себя” с единым менталитетом: “...рабочие живут традициями, опытом предшествующих поколений, а менеджеры пытаются руководствоваться достижениями зарубежной теории и практики”¹⁴, — писал Ж.Т. Тощенко. Подобная “фрагментарность менталитета” прекариата, по мнению ученого, является причиной отсутствия возможности представителей социальной группы сформироваться как “класс для себя” (см. табл.).

Таблица

Критерии precarious занятости и социальные группы, входящие в состав прекариата (позиция Ж.Т. Тощенко)

№	Критерии precarious занятости	Социальные группы, входящие в состав прекариата
1	Неформальная занятость	Трудоспособное население на временной работе
2	Временный тип занятости (“договоры, сроком до года”)	Работники неполного рабочего дня
3	Нестандартная продолжительность рабочего времени	Безработные
4	Частое прибегание к дополнительной работе	Представители креативных профессий (специалисты информационных технологий, программисты, занятые фрилансом)
5	Косвенный или опосредованный тип найма	Представители заемного труда
6		Часть мигрантов
7		Стажеры и часть студентов

Источник: Прекариат: становление нового класса. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020. С. 82.

На наш взгляд, позиция Ж.Т. Тощенко, как одного из наиболее авторитетных социологов, способствует обозначению прекариата не как полноценного класса, а как социально-экономической группы, оказывающей влияние на социально-классовую структуру современной России.

¹⁴ Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М., 2018. С. 249.

В рамках VI Всероссийского социологического конгресса Ж.Т. Тощенко выступил с докладом “Прекариат — новое явление в социальной структуре общества”, в его рамках ученый обозначил ряд выводов о прекариате. Во-первых, это группа является продуктом определенно нового вида социального неравенства. Во-вторых, у представителей прекариата, вследствие неустойчивого социального положения, временной занятости и отсутствия правовой или социальной защиты, “нет будущего”¹⁵.

На наш взгляд, данное умозаключение является не совсем корректным. “Судьба” прекариата — интеграция представителей данной социальной группы в современное российское общество зависит, с одной стороны, от гармонизации взаимоотношений работников и работодателей на рынке труда, где последние обязаны обеспечивать своих подчиненных рядом гарантий: своевременная выплата заработной платы, заключение и перезаключение трудовых договоров, выплата льгот и пособий и т.д. С другой стороны, данные взаимоотношения должны регулироваться и контролироваться представителями власти. В случае игнорирования интересов и проблем представителей прекариата мы получим риск возникновения митингов со стороны данной социальной группы.

Подобного рода пример, когда прекариат переходил в свое “волнующееся” состояние, был зафиксирован в 2020 г. во время виртуального митинга на Яндекс-картах. Резкий переход на дистанционный формат работы, который спровоцировал выступления представителей данной социальной группы на виртуальных митингах в апреле 2020 г., что свидетельствовало о переходе прекариата в свое волнующееся состояние¹⁶.

Также обозначение прекариата как социальной группы можно видеть в статье И.В. Воробьевой “Российские ученые в условиях precarious занятости”. В данной статье обозначается парадокс процесса развития социальной структуры, в рамках которого появление “прекариатных и креативных групп <...> не означает, что это новые классы”¹⁷.

На основании статистического анализа таких критериев, как стабильная оплата труда, официальное трудоустройство и бессроч-

---

¹⁵ См.: VI Всероссийский социологический конгресс. Ж.Т. Тощенко “Прекариат — новое явление в социальной структуре общества”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gsJO0iktj1s> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁶ В России начались виртуальные митинги из-за ситуации с коронавирусом. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52355997> (дата обращения: 03.02.2021).

¹⁷ Воробьева И.В. Российские ученые в условиях precarious занятости // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 137.

ный трудовой договор, а также наличие социальных гарантий, социолог приходит к выводу о том, что ученых «нельзя назвать полностью благополучными и отражающими уровень образования и квалификации, и те “вложения” в виде долгих лет учебы, которые учеными были сделаны»¹⁸. В качестве примера и эмпирического доказательства данного тезиса И.В. Воробьева приводит переход ученых на precarious форму занятости, несмотря на полноценное трудоустройство. Их переход на ненадежную форму занятости может являться социальной проблемой, приводящей к ряду неблагоприятных последствий. Социолог делает особый акцент на “потере значительной части интеллектуалов, которые утратят свои профессиональные навыки и профессиональную идентичность. Речь может идти об исчезновении целых научных школ и направлений, воспроизводство и восстановление которых впоследствии будет невозможно”¹⁹. На наш взгляд, процесс перехода на precarious занятость будет касаться только тех ученых, которые не смогли заявить о себе в мире науки. Во избежание финансовых трудностей данные представители научного сообщества должны проводить дополнительные лекции и семинары, переходя тем самым на условия precarious занятости. Те же ученые, которые стали частью крупных научных сообществ, не испытывают подобного рода проблем. Таким образом, сильные научные школы и направления сохраняют свое существование и не будут подвержены влиянию precarious занятости среди ученых.

В результате мы можем сделать вывод о том, что не все представители науки могут быть отнесены к представителям precarious. Но сам факт наличия precarious занятости в профессии ученого позволяет нам подтвердить тот факт, что precarious состоит из различных слоев населения, в результате чего мы не можем назвать его полноценным социальным классом на данный момент.

На наш взгляд, данный “теоретический раскол” мешает отечественным социологам сформировать единую картину precarious в общей социологической теории, что дало бы вектор для всех последующих социологических исследований нового актора в социально-классовой структуре современной России.

Таким образом, на основании проанализированных трудов отечественных социологов мы можем выделить характерные черты precarious как полноценного социального класса и как отдельной социальной группы. К первым относятся такие черты как:

---

¹⁸ Воробьева И.В. Российские ученые в условиях precarious занятости. С. 136.

¹⁹ Там же. С. 138.

- креативный потенциал представителей новообразованной социальной группы;
- неустойчивая форма занятости.

К отдельной социальной группе прекариат позволяют причислить:

- представительство разных слоев населения и отсутствие единого менталитета;
- приоритет профессиональных способностей над креативными.

При этом мы можем выделить черты прекариата, которые можно встретить у представителей обоих подходов:

- отсутствие возможности ведения предпринимательской деятельности;
- отчуждение от государства, профсоюзов и общества;
- отсутствие социальной защиты от властных структур и регулярные выступления представителей данной социальной группы в форме митингов и демонстраций.

На наш взгляд, следует обратить особое внимание на такие черты прекариата, как наличие представителей разных слоев населения и отсутствие единого менталитета. По нашему мнению, они являются основной причиной, почему представители новой социальной группы не могут заявить о себе как о полноценном социальном классе в социально-классовой структуре современного российского общества.

Также необходимо отметить тот факт, что в отечественной социологии на данный момент не существует научной работы, в рамках которой была бы представлена полноценная социально-классовая структура современной России, обозначившая точное место прекариата, как это было в труде Г. Стэндинга. На наш взгляд, трудности в определении места и роли формирующегося класса обуславливаются не только чертами, присущими ему, но и отсутствием соответствующей социально-классовой структуры, которая могла бы выступать в качестве аргументированного доказательства существования прекариата либо как формирующегося нового социального класса, либо как социальной группы. Вместо этого ряд отечественных социологов анализируют феномен прекариата через призму изменений на рынке труда, прекарной занятости, а также систему отношений работников и работодателей.

В результате изучения всех вышеупомянутых теоретических подходов можно дать обобщенную характеристику прекариата как формирующегося класса, который сформировался как “класс в себе”, но не как “класс для себя”.

Во-первых, данная социальная группа людей охватывает ряд индивидов, принадлежащих к разным профессиям и социальным слоям. По мнению социолога А.И. Жвиташвили, подобного рода социальная группа образует “трансклассовый конгломерат”²⁰ — объединение представителей разных классов в рамках одной социальной группы, которая не способна заявить о себе как “класс для себя”.

Во-вторых, сегодня нет оснований “выделять прекариат в самостоятельный класс”²¹ и несмотря на митинги прекариата во время экономических кризисов нельзя его считать движущей силой социальных перемен по аналогии с пролетариатом.

В-третьих, прекариат не вытесняет другие классы, а указывает на неустойчивость социального положения разных групп в рамках неолиберальной экономики и, следовательно, ослабление их интеграции в общество.

На основании трех вышеобозначенных черт прекариат не может представлять собой социальный класс в формирующемся состоянии в соответствующей структуре современного общества. Представители прекариата характеризуются отсутствием постоянного места работы, трудовых прав и социальной защищенности, что позволяет охарактеризовать их как представителей социально-экономической группы.

Данный вывод сделан на основании анализа процесса прекариации, происходящего в социально-классовой структуре российского общества и выводящего социальную группу людей, характерными чертами которой являются отсутствие постоянной работы и заработка, прав и гарантий со стороны работодателя и властных структур. По другим же критериям, таким как доступ к власти, богатство, наследственная и приобретенная недвижимость, члены данной социальной группы могут быть отнесены к одному из двух социальных классов: среднему или нижнему.

Современные западные и отечественные социологи, такие как Г. Стэндинг²² и Э.О. Райт²³, Ж.Т. Тощенко и А.Б. Бузгалин, несмотря на разные взгляды на определение прекариата имеют одну схожую позицию. Прекариат является следствием крупномасштабной трансформации, обусловленной неолиберальной экономикой.

---

²⁰ Жвиташвили А.И. Классовые схемы современного общества в западной социологии // СНИСП. 2017. № 1 (17). С. 19.

²¹ Там же.

²² Стэндинг Г. Прекариат: новый и опасный класс. М., 2014. С. 31.

²³ Wright E.O. Is the precariat a class // Global Labour Journal. 2016. Vol. 7. N 2. P. 5.

В рамках данной трансформации изменению подверглись экономические институты, правовые системы, а также трудовые отношения, которые способствовали появлению прекариата — наследника пролетариата и конечного продукта развития нового вида экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

VI Всероссийский социологический конгресс. Ж.Т. Тощенко “Прекариат — новое явление в социальной структуре общества”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gsJO0iktj1s> (дата обращения: 25.07.2023).

Акимова Е.Н., Шатаева О.В. Состояние и развитие российского рынка труда в связи с пандемией коронавируса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 2. С. 6–17.

Баранов Н.В. Генезис и трактовка понятия “прекариат” в странах западной и восточной Европы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 325–336. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-325-336>

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1.

В России начались виртуальные митинги из-за ситуации с коронавирусом. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52355997> (дата обращения: 25.07.2023).

Воробьева И.В. Российские ученые в условиях прекарной занятости // Вопросы управления. 2021. № 1 (68).

Жвителишвили А.И. Классовые схемы современного общества в западной социологии // СНИСП. 2017. № 1 (17).

Коновкин Е.С. Прекариатизация и перспективы прекариата // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. С. 109–113.

Стэндинг Г. Прекариат: новый и опасный класс. М., 2014.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни: Монография. М., 2016.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М., 2018.

REFERENCES

VI Vserossijskij sociologicheskij kongress. Zh.T. Toshchenko “Prekariat — novoe yavlenie v social'noj strukture obshchestva” [VI All-Russian sociological Congress. Z.T. Toshchenko “Precariat — a new phenomenon in the social structure of society”]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gsJO0iktj1s> (data obrashcheniya: 25.07.2023) (in Russian).

Akimova E.N., Shataeva O.V. Sostoyanie i razvitie rossijskogo rynka truda v svyazi s pandemiej koronavirusa [State and development of the Russian labor market in connection with the coronavirus pandemic] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika. 2021. N 2. S. 6–17. (in Russian).

Baranov N.V. Genesis i traktovka ponyatiya “prekariat” v stranah zapadnoj i vostochnoj Evropy [Genesis and interpretation of the “precariat” concept in the countries of Western and Eastern Europe] // Vestnik Moskovskogo universiteta.

Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 1. S. 325–336. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-325-336> (in Russian).

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Transformacii social'noj struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuazii k prekariatu i kreativnomu klassu? [Transformations of the social structure of late capitalism: from the proletariat and bourgeoisie to the precariat and the creative class?] // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. N 1 (in Russian).

Konovkin E.S. Prekariatizaciya i perspektivy prekariata [Precariatization and prospects of the precariat] // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2021. N 3. S. 109–113. (in Russian).

Stending G. Prekariat: novyj i opasnyj klass [The Precariat — The New dangerous class]. M., 2014 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. Sociologiya zhizni: Monografiya [Sociology of life: a monograph]. M., 2016 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. Monografiya [Precariat: from the Proto-class to the new class. Monograph]. M., 2018 (in Russian).

V Rossii nachalis' virtual'nye mitingi iz-za situacii s koronavirusom [Virtual rallies have started in Russia due to the coronavirus situation]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52355997> (data obrashcheniya: 25.07.2023) (in Russian).

Vorobèva I.V. Rossijskie uchenye v usloviyah prekarnej zanyatosti [Russian scientists in precarious employment condition] // Voprosy upravleniya. 2021. N 1 (68) (in Russian).

Wright E.O. Is the precariat a class // Global Labour Journal. 2016. T. 7. N 2.

Zhvitiashvili A.I. Klassovye skhemy sovremennogo obshchestva v zapadnoj sociologii [Class schemes of modern society in western sociology] // SNiSP. 2017. N 1 (17) (in Russian).